DOI: 10.22378/kio.2025.4

ISSN 2313-612X (print)
ISSN 2712-813X (online)

Научный журнал

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2025. Том 12, № 4

Scientific journal

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

2025, vol. 12, no. 4

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025
© «Крымское историческое обозрение», 2025

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025
© "Crimean Historical Review", 2025

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Крымское историческое обозрение

Научный журнал

Научный журнал «Крымское историческое обозрение» («Crimean Historical Review») – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого публикуются исследования, посвященные изучению истории полуострова с древнейших времен по настоящий день, историко-культурному наследию крымских татар и других народов Крыма. Основной задачей издания является объединение усилий мировой и отечественной науки вокруг решения актуальных исследовательских задач, связанных с археологией, источниковедением, историей и культурой Крыма.

Журнал размещен и индексируется в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), ПИ № ФС 77-87866 от 22 июля 2024 г.
Журнал основан:	2014 г.
ISSN	ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online)
Периодичность:	4 раза в год.
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
Адрес редакции:	420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
Сайт:	https://crimeanreview.ru
E-mail:	mail@crimeanreview.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная).

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

Crimean Historical Review

Scientific journal

The scientific journal "Crimean Historical Review" is a peer-reviewed journal that publishes research devoted to the study of the history of the peninsula from ancient times to the present, historical and cultural heritage of the Crimean Tatars and other peoples of the Crimea. The main objective of the publication is to unite the efforts of world and domestic science around solving current research problems related to archeology, source studies, history and culture of Crimea.

The journal is posted and indexed in international abstract and full-text databases: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich`s Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index (РИНЦ), National Platform of Periodical Scientific Publications (RCSI), Scientific Electronic Library of Open Access (CyberLeninka).

Name of the authority that registered the periodical:	The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), PI No. FS 77-87866 from July 22, 2024
The journal was founded:	2014 г.
ISSN	ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution "Tatarstan Academy of Sciences" (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation).
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences.
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation).
Web-site:	https://crimeanreview.ru
E-mail:	mail@crimeanreview.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office).

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сейдаметов Эльдар Халилович, к. и. н., руководитель Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна, лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редакторы крымскотатарских текстов

Сейдаметова Нарие Сеидмаметовна, к. филол. н., старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); заведующий Мемориальным комплексом Исмаила Гаспринского, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (Бахчисарай, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов

Муртазина Ляля Раисовна, к. пед. н., ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор турецких текстов

Сейт-Маметов Шукри Энверович, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Литературный редактор

Сеитвелиева Найле Юсуфовна, ответственный секретарь, редактор издательского отдела Медиацентра им. И. Гаспринского (Симферополь, Российская Федерация)

Технический редактор

Сеитмеметова Сельвина Алиевна, младший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Крамаровский Марк Григорьевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к. и. н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Зайцев Илья Владимирович, д. и. н., профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра исламских рукописей им. Шейха Зайеда Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдульвапов Нариман Ремзиевич, к. филол. н., ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Айбабин Александр Ильич, д. и. н., профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна, доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Аликберов Аликбер Калабекович, д. и. н., директор Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Апселямова Алиме Исмоиловна, к. полит. н., декан филологического факультета, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, д. соц. н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Ганиева Эмине Сулеймановна, к. филол. н., доцент, декан факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы; ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гаркавец Александр Николаевич, д. филол. н., главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры, Министерство культуры и спорта Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич, к. пед. н., руководитель Центра истории и теории национального образования им. Х. Фаезханова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Грозян Нина Федоровна, д. филол. н, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гуменюк Виктор Иванович, д. филол. н., профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Заатов Исмет Аблятифович, доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Ильяс Кемалоглу (Камалов), Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана, член научного совета Турецкого Исторического Общества (Стамбул, Турция)

Ионуц Кожокару, Ph.D. (история), доцент кафедры подготовки педагогических кадров, социальных и гуманитарных наук, Университет ПОЛИТЕХНИКА Бухареста (Бухарест, Румыния)

Керимов Исмаил Асанович, д. филол. н., профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Кондратюк Григорий Николаевич, д. и. н., профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Куртсеитов Рефик Джаферович, к. соц. н., доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Майко Вадим Владиславович, д. и. н., директор, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация)

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д. тех. н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Наматов Мирлан Аманович, профессор, Ph.D (история), тюрколог и иранист, иностранный член-корреспондент Академии наук, надписей и изящной словесности Тулузы (Франция), член-корреспондент Академии наук, словесности и искусств Туниса, ассоциированный член Португальской Академии Мореплавания (отделение истории), приглашенный исследователь научного проекта с профессором Маратом Алымкуловым в Международном университете Кыргызстана (Бишкек, Киргизская Республика)

Непомнящий Андрей Анатольевич, д. и. н., профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Павел Николаевич, к. и. н., ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Питер Голден, Ph.D., профессор Центра исследований Ближнего Востока Рутгерского государственного университета (Нью-Джерси, США)

Поляков Владимир Евгеньевич, д. и. н., доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д. и. н., директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдалиев Эмиль Исаевич, к. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сень Дмитрий Владимирович, д. и. н., профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Усеинов Тимур Бекирович, д. филол. н., профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Хамидова Марфуа Азизовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры сольно-академического пения и оперной подготовки Ташкентской Государственной консерватории (Ташкент, Узбекистан)

Эмирова Адиле Мемедовна, д. филол. н., профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-chief

E.Kh. Seidametov, Cand. Sci. (History), Head of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts editor

L.S. Seitkhalilova, Laboratory assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Crimean Tatar texts editor

N.S. Seidametova, Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

E.E. Abibullaeva, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Head of Ismail Gasprinsky Memorial complex, State Budgetary Establishment of the Republic of the Crimea "Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Reserve" (Bakhchisarai, Russian Federation)

Tatar texts editor

L.R. Murtazina, Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Researcher at the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Turkish texts editor

Sh.E. Seit-Mametov, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Literary editor

N.Yu. Seitvelieva, Editor of the Publishing Department of the I. Gasprinsky Media Center (Simferopol, Russian Federation)

Technical editor

S.A. Seitmemetova, Junior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Centre of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

N.R. Abdulvapov, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimea Ethnoses, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.I. Aibabin, Dr. Sci. (History), Professor, Director of the History and Archeology, Crimea Research Center, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

N.M. Akchurina-Muftieva, Dr. Sci. (Arts), Professor of the Department of Decorative Arts, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.K. Alikberov, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

A.I. Apselyamova, Cand. Sci (Political), Dean of the Philological Department, Associate Professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

G.F. Gabdrakhmanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.S. Ganieva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Arts and Crimean Tatar Language and Literature; Leading Researcher at the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar Philology, history and culture, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.N. Garkavets, Dr. Sci. (Philology), Chief Assistant, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazkhstan (Almaty, Kazakhstan)

M.M. Gibatdinov, Cand.Sci. (Pedagogy), Head of the H. Faezkhanov Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

N.F. Grozyan, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.I. Gumenjuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

I.A. Zaatov, Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Arts), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Ilays Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor of the History Department, Department of History of Marmara University, Member of the Scientific Council of the Turkish Historical Society (Istambul, Turkey)

Ionuț Cojocaru, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Training for Teaching Careers and Social and Human Sciences, University POLITEHNICA of Bucharest (Bucharest, Romania)

I.A. Kerimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimea Ethnoses, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

G.N. Kondratjuk, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

R.D. Kurtseitov, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of social and humanitarian disciplines, Senior Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimea Ethnoses, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.V. Maiko, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation)

R.N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

M.A. Namatov, Professor, Ph.D. (History), Turkologist, Iranist, Foreign Corresponding Member of the Academy of Sciences, Inscriptions and Literature of Toulouse (France), Corresponding Member of the Academy of Sciences, Literature and Arts of Tunisia, Associate Member of the Portuguese Academia de Marinha (Department of History), Visiting Researcher of a scientific project by professor Marat Alymkulov at the International University of Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

A.A. Nepomnyashchy, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology and General History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

P.N. Petrov, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Peter Golden, Ph.D., Professor of the Center for Middle East Studies, Rutgers State University (New Jersey, USA)

V.E. Polyakov, Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

R.R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.I. Seydaliev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Archeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

D.V. Sen, Dr. Sci. (History), Professor of Special Historical Disciplines and Documentation Studies, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

T.V. Useinov, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

M.A. Khamidova, Ph.D. (Arts), Professor of the Department of solo-academic and opera training, Tashkent State Conservatory (Tashkent, Uzbekistan)

A.M. Emirova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian federation)

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Onur Birinci. Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü Işığında Maksud Giray Han (Bin Selâmet Giray Han) 16

Марат Гатин, Ленар Абзалов, Ильяс Мустакимов, Роман Почекаев. К вопросу о статусе золотоордынских чиновников в итальянских колониях Северного Причерноморья 53

Кирилл Кочегаров. Между Батуриным и Бахчисараем: Запорожская Сечь в первые месяцы после заключения русско-крымского перемирия 1681 г. 68

Александр Манаев, Эмиль Сейдалиев, Валентин Ганцев. Историко-археологические исследования поселения Салачик в 2023–2024 гг.: предварительные результаты 99

Роман Почекаев. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 2: анализ источников XVIII в. 129

Литература и язык

Исмаил Керим. Чергеевнинъ экинджи дефадаки хапсы (Архив материаллары) 144

Гульнара Сеитваниева. О произведении И. Гаспринского «Вера и Разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil» 150

Культура

Сафие Абдураманова. Судьба фондовой коллекции Бахчисарайского музея после депортации крымскотатарского народа в 1944 году 169

Наследие

Дариуш Колодзейчик. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (5) (перевод с английского Сейтхалиловой Л., Алиевой А.) 179

Новые издания: рецензии, отзывы

Люция Гиниятуллина. Журнал «Золотоордынское обозрение» – главная площадка для исследований по Золотой Орде..... 201

Хроника

События август – ноябрь 2025 г. 209

CONTENTS

History and Modernity

Onur Birinci. Maksud Giray Khan in Light of Pierre Ruffin's "Crimean Diary" (Bin Selyamet Giray Khan) 16

Marat Gatin, Lenar Abzalov, Ilias Mustakimov, Roman Pochekaev. On the status of the Golden Horde officials in the Italian colonies of the Northern Black Sea Region 53

Kirill Kochegarov. Between Baturin and Bakhchisaray: The Zaporizhian Sich in the first months after the conclusion of the Russo-Crimean truce of 1681 68

Alexander Manaev, Emil Seidaliev, Valentin Gantsev. Historical and archaeological research of the Salachik settlement in 2023–2024: preliminary results 99

Roman Pochekaev. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Pt. 2: Study of sources of 18th century 129

Literature and language

Ismail Kerimov. Chergeev's Second Imprisonment (Archival Materials) 144

Gulnara Seitvanieva. About I. Gasprinsky's work "Faith and Reason" / "Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil" 150

Culture

Safiye Abduramanova. The fate of the Bakhchisarai Museum's collection after the deportation of the Crimean Tatar people in 1944 169

Heritage

Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (5) (Trans. from English Seitkhalilova L., Alieva A.) 179

New editions: reviews, comments

Lyutsiya Giniyatullina. The Golden Horde Review Journal – The Premier Platform for Golden Horde Research..... 201

Chronicle

Events of August – November 2025 209

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94 DOI:10.22378/kio.2025.4.16-52

Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü Işığında Maksud Giray Han (Bin Selâmet Giray Han)

Onur Birinci
Karadeniz Teknik Üniversitesi

Özet. Çalışmamızın amacı, Kırım Hanlığı'nın kritik dönemlerinde iki kez tahta çıkan Maksud Giray Han'ın (1767–1768 / 1771–1772) devlet yönetimini ve bu dönemde Kırım Hanlığı'nda süregelen diplomatik ilişkileri, Osmanlı Devleti, Rus Çarlığı ve Lehistan üçgeninde aktif görev yapan ve görevi boyunca Bahçesaray'da Han'a yakın bir konumda bulunan Fransız diplomat tercümanı Pierre Ruffin'in gözünden inceleyerek, Avrupa diplomasisine çekilmeye çalışılan Kırım Hanlığı'nın Karadeniz'in kuzeyindeki siyasi statüsünü ve jeopolitik konumunun önemini tespit etmektir. Ayrıca Vasily Smirnov'un deyimiyle kaynaklarda hakkında nadir bilgi bulunan, Türk tarihçilerin adından bahsetmeye gerek duymadıkları, hatta Osmanlı Devleti tarafından da korkaklıkla itham edilen Maksud Giray Han hakkındaki özgün bilgileri tespit etmek, derlemek, tarihe geçirmek ve söz konusu iddiaların doğruluğunu tartışmak çalışmamızın başlıca amaçlarındandır.

Çalışmamız, Kırım Hanlığı'nda süregelen askeri, siyasi ve diplomatik ilişkilerin tarihsel kaynaklar ışığında incelenip değerlendirilmesi bakımından nitel bir araştırmadır. Nitel araştırmanın veri toplama yöntemlerinden döküman incelemesi (İçerik Analizi) kullanılarak Kırım Hanlığı, Fransa ve Osmanlı Devleti'ne ait arşiv kayıtları, yazma eserler, kronikler, mektuplar vb. tarihsel dökümanlardan elde edilmiş ham veriler, sistematik analizi yapılarak tümevarımsal bir yaklaşımla yorumlanıp değerlendirilmiştir.

Böylece çalışmamızda gerek Kırım, Osmanlı İmparatorluğu, Lehistan ve Rusya tarihi, gerekse Fransa-Osmanlı ilişkileri açısından daha önce alana yansımamış özgün bilgiler literatüre kazandırılacaktır.

Anahtar Kelimeler: Bahçesaray, Rusya, II. Katerina, Lehistan, Fransa, Pierre Ruffin'in

Giriş. Kırım Hanlığı, Cengizoğullarından Cuçi'nin küçük oğlu Tokay Timur neslinden gelen Hacı Giray tarafından 1441 yılında Kırım Yarımadası'nda kurulmuştur [23, s. 208–211]. Fatih Sultan Mehmet'in 1475 yılında Kefe'yi fethiyle Osmanlı Devleti'nin himayesine giren Kırım Hanlığı, içişlerinde müstakil, dışişlerinde İstanbul'a bağlı kalmış, 1768–1774 savaşına kadar bu statüsünü korumuştur. 1774'te imzalanan Küçük Kaynarca Anlaşması ile bağımsız bir statü kazandırılmış olsa da 1783'te Rus Çarlığı tarafından ilhak edilmiştir [15, s. 449–450]. Hanlığın hâkimiyet sahası batıda Tuna Nehri'nin Karadeniz'e döküldüğü havzadan başlayarak, doğuda Azak Denizi çevrelerine, kuzeyde ise Turla Nehri'nden (Dniester), Orta Özü (Dnieper) ve Aşağı Ten (Don) sınırlarına kadar uzanmıştır [23, s. 203].

Devletin yönetim sistemi *hanlık*, *kalgaylık*[1] ve *nureddinlik*[2] müesseseleriyle şekillenmiştir. Hanların azl veya vefatları sonucu boş kalan makama kalgayların, kalgaylardan boşalan makama da nureddinlerin geçmesi zamanla sistemleşmiş, kaide halini almıştır. Kırım hanlarının haleflerinin kimler olacağı sorusunu cevaplayan *kalgaylık* ve *nureddinlik* makamları, Kırım hanları tarafından Cengiz kanunu olduğu iddia edilerek meşrulaştırılmıştır. Hanların bu hamlesi, Kırım tahtına dilediğini atayan Babıâli karşısında veraset sistemi üzerindeki yetkilerini kurtarma çabası olarak görülmektedir [16, s. 38]. Böylelikle hem aristokrasinin etkisi aza indirgenerek olası taht kavgalarının önü kesilmiş hem de tahta çıkacak hanların önceden tecrübe kazanmaları sağlanmıştır. Kendisine ait saraya, divana, vezir ve memurlara sahip olan kalgaylar, seferlerde seraskerlik rütbesi ile bulunup, kendi adlarına vergi toplama ve komşu devletler ile ilişki kurma haklarına sahip

[1] Kırım Hanlığı'nda kalgaylık müessesesi 1475 yılında ortaya çıkmıştır. Kırım Hanı Mengli Giray'a çıkacağı bir sefer öncesinde "Kırım'a kimi kaymakam bırakacağı" sorulmuş, Han ise Tatar diliyle; "oğlum Mehmed Giray kalgay (kalsın)" diye cevap vermiştir. Han seferden dönünce oğlu Mehmet Giray'ı gücendirmemek için kendisine *kalgay* unvanı vererek, Ak Mescid kasabasını yönetim merkezi olarak tahsis etmiş, böylelikle veliahdlık makamı kalgaylık adı altında resmîleşmiştir [2, s. 228; 14, s. 35; 19, s. 46–47]. Kırım hanlarının en büyük kardeşlerini veya oğullarını kalgaylık ile görevlendirmesi gelenek haline getirilmiş, hatta Cengiz yasalarına dayandırılarak bir kutsallık atfedilmeye çalışılmıştır.

[2] Bir diğer yönetim kurumu olan Nureddinlik müessesesinin zuhuru ise II. Mehmed Giray Han (1577–1584) dönemine dayanmaktadır. Dönemin kalgayı Adil Giray, İran seferi sırasında ölmüş, bunun üzerine Han, kalgaylık makamına oğlu Saadet Giray'ı getirmeyi arzulamıştır. Fakat, Han'ın ağabeyi Alp Giray itiraz etmiş, kaidelere göre kalgaylık makamının kendi hakkı olduğunu savunmuştur. Dolayısıyla Han, kalgaylık makamına ağabeyi Alp Giray'ı atamış, oğlu için ise *nureddinlik* adı altında bir başka müessese oluşturmuştur. Kırım Hanlığı yönetim sistemini şekillendiren kurumlar siyasi otorite boşluklarını ve kabile aristokrasisinin etkisini azaltmış, taht üzerindeki kavgaları engellemiştir [9, s. 166].

olmuşlardır [9, s. 166–167]. Han atama yetkisini elinde tutan[3] Osmanlı Devleti, hanların olumsuz tavırlarına karşı Kırım Hanlığı'na atayabileceği bir Giray Hanedanı mensubunu kendi topraklarında rehin olarak tutmuştur. Zikrolunan uygulama, Osmanlı Devleti'nin Kırım Hanlığı'nı kontrol altında tutmak için başvurduğu tedbirlerden biri olmuştur [30, s. 91]. Hanlığın yönetim sistemindeki bir diğer faktör, *Dört Karaçi*[4] adıyla anılan kabile aristokrasisidir. Söz konusu sistem, Şirinler, Mansuroğulları, Barin ve Secut kabilelerinin, beyleri tarafından Kırım Divanı'nda temsil edilmesi üzerine kurulmuştur. Dört Karaçi beylerinin her biri seferlere kendi kabilesinden oluşturdukları birliklerin başında katılmış ve kendi kabilesinin sancağı altında savaşmışlardır [9, s. 165–166]. Karaçi beyleri ayrıca Kırım Hanlığı'nın yönetiminde de ön planda bulunup hanlık mücadelelerinde taraf olmuşlardır. Dört kabile beylerinden en güçlüsü, *baş karaçi* unvanıyla anılmış, kurultay toplayacak ve hanı değiştirecek güce sahip olmuştur [17, s. 55]. Han'ın başkanlığında toplanan ve devlet işlerini yürüten Kırım Divanı, başlıca Kalgay, Nureddin, Bucak, Yedisan ve Kuban Seraskerleri, Şirin Beyi (baş karaçi), Müftü, Uluğ Ağa (vezir), Kazasker ve Divan Efendisi'nden meydana gelmiştir [15, s. 456].

Maksud Giray Han, Haziran 1767 ile Ekim 1768 tarihleri arasında yaklaşık on dört ay ve Kasım 1771 ile Haziran 1772 tarihleri arasında yaklaşık yedi ay olmak üzere iki kez Kırım tahtında bulunmuştur [14, s. 101–102]. Maksud Giray Han'ın Haziran 1767 ile Ekim 1768 tarihleri arasındaki ilk hanlık dönemi, Osmanlı Devleti'nin Rus Çarlığı'na karşı savaş ilan etmesiyle son bulmuştur. Bu süre zarfında Lehistan'da Rus askerinin baskısıyla yaşanan iç çatışmalar[5] şiddetlenmiş, Katolik ve milliyetçi cepheyi temsil eden *Bar Konfederasyonu* kurulmuştur. Konfederasyon'un Bahçesaray'a gönderdiği temsilciler Kırım Hanlığı'ndan askerî yardım talep etmişlerdir. Rus zulmünden kaçıp Kırım Hanlığı ve Boğdan sınırlarına sığınan

[3] Bucak Nogayları'nın Mengli Giray'ı tanımayıp Kaplan Giray'ın tahta çıkarılması istemiyle isyana kalkışmaları üzerine Osmanlı Devleti'nden bölgenin ileri gelenlerine gönderilen 1727 tarihli ihtarnamede, han atama yetkisinin asırlardır Babıâli'nin keyfiyetinde olduğu ve hiçbir gücün etki edemeyeceği sert bir dille belirtilmiştir. Ayrıntılı bilgi için bakınız: Başbakanlık Osmanlı Arşivi, A.DVNS.MHM.d. 134/862, 20 Rabiulahir 1140 / 5 Aralık 1727.

[4] Ayrıntılı bilgi için bakınız: [27, s. 283–285].

[5] Lehistan Kralı III. August'un (1735–1763) ölümü yeni kralın kim olacağı tartışmalarını beraberinde getirmiştir. Lehistan krallığında saltanat olmadığı için kaidelere göre kral Leh asilzâdelerinden oluşan bir meclisin (Sejm) tüm oylarını alarak seçilmektedir. Dolayısıyla bu kaide Avrupalı devletlerin seçimlere müdahale etmesine neden olmuştur. Rusya ve Prusya Leh asilzâdesi Stanislaw August Poniatowski'nin adaylığını desteklerken, Avusturya ve Fransa, Rus destekli Ortodoks bir krala karşı, Papa'nın da desteğini alacak Katolik bir kral seçilmesi için çaba sarf etmişlerdir [32, s. 72–73]. Nihayetinde Rus ordusunun gölgesinde yapılan seçimlerde Poniatowski kral seçilmiş, Rus desteğiyle gerçekleştirdiği reformlar Lehistan'da dinî ve siyasî açıdan Katolik vatanseverler ile Ortodoks reformculardan oluşan iki kutuplu bir çatışma ortamı yaratmıştır [8, s. 275–276].

Leh mülteciler, çatışmaların Türk tarafına taşmasına neden olmuştur. Balta Kasabası'nda gerçekleşen katliam, sınırlardaki güvensizliği arttırmış, bu süreçte Yedisan Nogayları'nın ayaklanarak sınır bölgelerini boşaltmaları, Kırım Hanlığı'nı Rus saldırıları karşısında savunmasız bırakmıştır. Babıâli, Ekim 1768'de Rus Çarlığı'na karşı savaş ilan ederken, Kırım tahtında da değişiklik yaparak Maksud Giray'ı azletmiş, yerine Kırım Giray'ı han tayin etmiştir. Kırım Giray, Ocak 1769'da Rusya'nın güney topraklarına yaptığı akın ile savaşı başlatmış, ancak Han'ın beklenmedik ölümü Türk tarafını zora sokmuştur. Ardından gelen hanlar başarıyla mücadele edememiş ve Eylül 1769'da Rus birlikleri Kırım'ı işgal etmiştir. 1769–1771 yılları arasında hüküm süren IV. Devlet Giray (1769–1770), II. Kaplan Giray (1770) ve III. Selim Giray (1770–1771) hanlardan sonra Babıâli ile Kırım mirzaları arasında anlaşmazlık ve ayrılıklar baş göstermiştir. Nitekim mirzalar Osmanlı Devleti tarafından Kasım 1771'de atanan Maksud Giray Han'ı tanımamış, onun yerine kendilerinin seçtikleri Sahip Giray Han'ı aynı yıl Kırım tahtına çıkarmışlardır. Maksud Giray Han, Kasım 1771 ile Haziran 1772 tarihleri arasındaki ikinci hanlık döneminde Kırım'daki mirzaların muhalefeti yanı sıra Rus işgali devam ettiğinden dolayı Bahçesaray'a gidememiştir. Rusçuk'taki çiftliğinde ikamet eden Han, savaşta da yararlılık sağlayamamış ve ikinci kez azledilmiştir [16, s. 13].

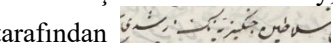
1. Maksud Giray Han Dönemi Siyasî Gelişmeler

Maksud Giray Han, Kırım Hanlığı'nın en kritik devirlerinde iki kez tahta çıkmış bir Kırım hanıdır. Kendisi, 1740–1743 yılları arasında Kırım hanı olan II. Selâmet Giray Han'ın en büyük oğludur [1, s. 220][6]. 1745 yılının Ramazan Bayramı'nda padişahı ziyaret etmek amacıyla babası II. Selâmet Giray Han ile amcası II. Devlet Giray Han'ın oğullarından Mahmud Giray'ın yanında İstanbul'a seyahat etmiştir[7]. Maksud Giray, amcası II. Devlet Giray'ın diğer oğullarından Kırım Giray'ın hanlık makamındaki ilk döneminde (1758–1764) 18 Ekim 1762 tarihinde *kalgay* olarak görevlendirilmiştir[8]. Kırım Giray Han, kalgaylık görevine getirdiği Maksud Giray'dan memnun kalmamış olacak ki, 11 Temmuz 1763 tarihinde kapı kethüdası Abdülaziz Bey'e gönderdiği mektubunda, "*kalgayımız olan Maksud Giray sultanı işe güce yarar bir akıllı sultandır hayaliyle bu tarafa celb ve imale olunmuş idi sultan-ı mumaileyhin akl u kiyaseti ve fehm-i feraseti memulümüz gibi zuhur itmeyüb…*" sözlerini sarf ederek, zikrolunan kalgayın görevden alınıp Rumeli'ye

[6] Maksud Giray Han'ın tatbik mührü için bakınız: BOA, AE.SMST.III. 177/13895, 29 Zilhicce 1174 / 1 Ağustos 1761.

[7] BOA, AE.SMHD.I. 4/284, 29 Ramazan 1158 / 25 Ekim 1745; BOA, AE.SMHD.I. 179/13982, 28 Ramazan 1159 / 14 Ekim 1746. Maksud Giray, Selamet Giray ve Mahmud Giray Sultanlar için İstanbul'da yapılan bazı harcamalara dair arşiv kayıtları.

[8] BOA, C.MTZ. 19/913, 29 Rebiulevvel 1176 / 18 Ekim 1762. Arşiv kayıtlarında 1762 tarihi verilirken Vasıf Efendi'nin ***Mehâsinü'l-Âsâr*** ve ***Hakâ'iku'l-Ahbâr*** adlı eserinde Kalgay Baht Giray'ın ölümünün hemen sonrasında 27 Mayıs 1760 tarihinde Maksud Giray'ın kalgaylığa getirildiği ifade edilmektedir [26, s. 197].

nakledilmesi talebinde bulunmuştur[9]. Kırım Giray Han, 1764'te, halefi Selim Giray Han ise 1767'de azledilmiş, yerine gelen Arslan Giray Han da ancak üç ay tahtta kalabilmiştir[10]. Maksud Giray, Arslan Giray Han'ın vefatı üzerine[11] Osmanlı Devleti tarafından  "*Selatin-i Cengiziye'nin erşedi*" olması hasebiyle 8 Haziran 1767 tarihinde Kırım Hanı tayin edilmiştir.[12] Han, amcası Azamet Giray'ın oğlu İslâm Giray'ı kalgaylık, kendi kardeşi Bahadır Giray'ı ise nureddinlik makamına getirmiştir [14, s. 101]. Maksud Giray Han'a da selefleri gibi salyane tahsis

[9] BOA, TS.MA.e. 430/14, 29 Zilhicce 1176 / 11 Temmuz 1763. Gülbün-ü Hânân'da verilen bilgilere göre Maksud Giray Sultan kalgaylık görevinde fazla kalamamış, makamını Mesud Giray Sultan'a bırakmıştır [14, s. 97–98]. Ayrıca Maksud Giray Sultan'ın 1765 yılında Edirne'de ikamet ettiği bilinmektedir [BOA, C.ZB. 4/190, 29 Zilhicce 1178 / 19 Haziran 1765]. Dolayısıyla Kırım Giray Han'ın talebinin kabul gördüğü söylenebilir.

[10] II. Devlet Giray'ın oğlu olan Arslan Giray Han, 1748–1755 ile Mart 1767–Haziran 1767 tarihleri arasında Kırım Hanlığı tahtında bulunmuştur [21, s. 926; 14, s. 93].

[11] Maksud Giray, Arslan Giray'ın ölümü üzerine 28 Mayıs 1767 tarihinde sadaret kethüdasına bir mektup göndermiş, Kırım Hanlığı'nı kendisinin hak ettiğini ve atanmasının münasip olduğunu ifade etmiştir [BOA, TSMA.e. 757/2, 29 Zilhicce 1180 / 28 Mayıs 1767].

[12] Maksud Giray'a hanlığın tevcih edildiğine dair belge: BOA, A.DVNS.NMH.d. 2/72, 10 Muharrem 1181 / 8 Haziran 1767. Maksud Giray'ın Rumeli'deki çiftliğinden çıkıp Kırım'a varışı sırasında kendisi ve maiyyetinde bulunanlara Babadağı menzilinden bargirler tahsis edilmiştir. İlgili belgeler için bakınız: BOA, A.DVNS.MHM.d. 57/738, 10 Muharrem 1181 / 8 Haziran 1767; BOA, C.MTZ. 21/1022, 22 Safer 1181 / 20 Temmuz 1767; BOA, C.MTZ. 10/460, 23 Safer 1182 / 9 Temmuz 1768. Kırım Hanlığı'na atanan Maksud Giray Han'a Osmanlı Devleti tarafından hilât bohçası gönderildiğine dair arşiv kaydı için bakınız: BOA, C.MTZ. 12/577, 29 Muharrem 1181 / 27 Haziran 1767.

Ayrıca bir yıl sonraya tarihlenen başka bir belgede Hilat bohçasının içeriği hakkında bilgiler verilmektedir. Osmanlı Devleti tarafından Maksud Giray Han'a gönderilen hediyeler: "*Laciverd canfes üzere zümrüd ile müzeyyen kebir ve vasat dokuz altun yaftalı ve kenar suyu yakut ve zümrüdlü sagir altun yaftalı tirkeş ve yine yakut ve zümrüd ile müzeyyen dokuz altun yaftalı ve kenar suyu yakut ve zümrüd ile müzeyyen sagir altun yaftalı ve altun zincirli okluk. Yarma yeşim kabzeli çenberi zümrüdlü ve sagir yigirmi sekiz hurde elmas ve yigirmi iki zümrüd ve kumri yakutla müzeyyen altun donanmalu zahrî minekari altun kılıç, atlas kılıç kisesi, altun kemerbend, yeşil kadife sert samur kalbak, otuz dokuzar elmaslı siyah balıkçın tüğlü yeşil minalı altun tob sorguc, münakkaş ve nüzehhep amel İbrahim Kemal, diba kise derununda cedid zer-i mahbup tam, mezbur kalbağa sarf olunan kadife baha sert samur, kalb kubur sandal ve üstadiye, al sandal, tirkeş kisesi, frengi diba akçe kisesi, yay kisesi, siyah sağrı tir kuburu, çile, yeşil sandal boğça, kiseler içün derzi ve gazaz üstadiyesi"* [BOA, TSMA.d. 2412, 29 Zilhicce 1181 / 17 Mayıs 1768].

edilmiştir[13]. Han, bunun yanında rahmetli babasının emektarlarından olan kimselerin maaş alması için bir kısım arzlarda bulunmuştur[14].

Maksud Giray Han'ın devlet yönetimine dair ayrıntılı bilgiler Baron de Tott[15] ve Pierre Ruffin'in[16] kaleme aldığı eserlerde veya Fransa Devleti'ne ilettikleri rapor

[13] BOA, C.MTZ. 10/482, 15 Cemazeyilevvel 1181 / 9 Ekim 1767.

[14] BOA, C.MTZ. 10/464, 15 Cemazeyilevvel 1181 / 9 Ekim 1767; BOA, C.MTZ. 10/468, 15 Cemazeyilevvel 1181 / 9 Ekim 1767; BOA, C.MTZ. 10/469, 15 Cemazeyilevvel 1181 / 9 Ekim 1767; BOA, C.MTZ. 10/470, 15 Cemazeyilevvel 1181 / 9 Ekim 1767.

[15] Baron de Tott (1733–1793), 17 Ağustos 1733 tarihinde Fransa'nın Chamigny köyünde dünyaya gelmiş, Macar asıllı bir askerdir. Babası, 1717 yılında Macar lider II. Ferenc Rakoczi ile Osmanlı Devleti'ne iltica etmiş, ardından hafif süvari tümeninin başında Fransa'ya gitmiş ve burada baron olmuştur. Tott, babasının tümenine katılarak 1754 yılında teğmen rütbesini kazanmıştır. 1755 yılında Fransa'nın İstanbul büyükelçiliğine atanan eniştesi olan Vergennes'in sekreteri olarak İstanbul'a gelmiş, 1763'e kadar burada görev yapıp Fransa'ya geri dönmüştür. 1767 yılında Fransa'nın Kırım konsolosluğu göreviyle Bahçesaray'a gelen Tott, Osmanlı–Rus Savaşı başlayana kadar burada kalmış, 1769 yılının baharında İstanbul'a dönmüştür. Savaş sırasında Çanakkale Boğazı'nın savunmasını yürütmüş, ardından Osmanlı Devleti'nin askerî yapısında bir dizi yenilikler başlatmıştır. 1777–1778 yılları arasında Akdeniz sahillerinde görev yapmış, 1781'de tümgeneralliğe yükselmiş, 1787'de de Douai Kalesi komutanı olmuştur. 1790'da Fransız İhtilâli'nin kaosundan kaçarak İsviçre'ye geçen Tott, 1793 yılında Macaristan'a döndükten kısa bir süre sonra, 24 Eylül günü burada vefat etmiştir. Tott'un Osmanlı Devleti ve Kırım Hanlığı'nda bulunduğu sürede yaşadıklarına dair kaleme aldığı *Memoires du Baron de Tott sur les turcs et les tartares* adında bir hatıratı bulunmaktadır [7, s. 83].

[16] Jean Marie Pierre Ruffin (1742–1824), 17 Ağustos 1742'de Selanik'te dünyaya gelmiştir. Avrupa'nın çeşitli ülkelerinde Türkçe, Arapça ve Farsça dersleri almış, 1758'de dil becerilerini geliştirmek amacıyla Fransa'nın İstanbul Büyükelçisi Vergennes'in yanına gönderilmiştir. 1767–1769 yılları arasında Fransa Devleti'nin Kırım konsolosu olan Baron de Tott'un tercümanlığını yapmıştır. 1769 yılında Kırım Konsolosu olsa da aynı yılın Eylül ayında Ruslara esir düşmüş ve Petersburg'a götürülmüştür. Eylül 1770'te serbest bırakılmış, Avrupa ve Afrika'nın çeşitli bölgelerinde görev yapmış, Fransız İhtilâli'nden sonra İstanbul'a dönmüş ve Fransa'nın maslahatgüzarlığını üstlenmiştir. Mısır'ın Fransızlarca işgalinden sonra maiyyetiyle birlikte Yedikule'ye hapsedilen Ruffin, üç yıl esaret altında kalmıştır. Hapisten çıkarılınca Fransa'ya dönmüş, çeşitli görevler almış, 19 Ocak 1824'te İstanbul'da vefat etmiştir. Eserleri arasında Kırım'daki görevi boyunca kaleme aldığı iki ciltlik (bilinen) günlük ve birkaç lugat bulunmaktadır [6, s. 9–12]. Pierre Ruffin'in günlüğünün ulaşılamayan birinci cildi meçhul olup, ulaşılabilen ikinci cildi ise tarafımızdan Yüksek Lisans tezi olarak çalışılmış ve yayınlanmak üzere hazırlanmıştır. Bkz.: Onur Birinci, Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü Işığında Maksud Giray Han Dönemi (1767–1768), Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Karadeniz Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Trabzon, 2024.

ve mektuplarda bulunmaktadır[17]. Baron de Tott ve Pierre Ruffin gibi iki önemli diplomatın aylarca Bahçesaray'da, Kırım hanlarının çevresinde bulunmaları, Tott'un doğrudan Fransa Savaş ve Dışişleri Bakanı olan Choiseul tarafından, Rufin'in ise İstanbul'daki Fransa Büyükelçisi Kont de Vergennes tarafından görevlendirilmesi, Fransa'nın bahsi geçen dönemde Kırım Hanlığı üzerinden coğrafyanın stratejik konumunun hassasiyetine ilgisini ifade etmektedir.[18] Karadeniz ve Rus pazarına açılmak isteyen Fransa Devleti'nin, Karadeniz'in muhafızı konumunda bulunan Kırım Hanlığı'ndaki temsilcileri, Han ve devlet ricali ile sohbet ortamlarına girerek siyasî ve ticarî bilgiler elde etmiş ve Fransa Dışişleri Bakanlığı'na raporlamışlardır. Fransa Devleti'nin Kırım Hanlığı nezdindeki temsilciliğinde yaptığı bu güçlü değişiklik Fransa Dışişleri Bakanlığı tarafından izlenen yeni politikanın en önemli adımlarından biridir. Kırım'a asker kökenli bir büyükelçinin atanması, çatışmaların savaşa evrileceğinin göstergesi olmuştur [6, s. 19–21].

Osmanlı Devleti, Karadeniz ve Doğu Avrupa'da önemli bir siyasi güce sahip olan Kırım Hanlığı'nı himayesine aldıktan sonra Karadeniz'in mutlak hâkimi olmuş, kuzeydeki ülkelere dair politikalarını Kırım Hanlığı üzerinden sürdürmüş, çoğu zaman da bu işleri ona havale etmiştir. Kırım Hanlığı aracılığıyla kuzeyi, doğuyu ve batıyı kontrol altında tutmuş, başkente gelecek herhangi bir saldırıyı kaynağında yok etmiştir. Bunu yaparken de Hanlığı kuzeyden gelecek tehlikelere karşı korumayı kendine görev edinmiştir. Hanlık ile Osmanlı Devleti arasındaki karşılıklı ilişki, Osmanlı Devleti'ne doğuda ve batıda kendinden emin adımlar attırmıştır. Osmanlı Devleti, Karadeniz'in, etki alanının ve ticaret rotalarının güvenliğini ön plana almıştır. Hanlığın, Lehistan ve diğer Doğu Avrupa ülkeleri ile kurduğu ticaret ağının Osmanlı topraklarına uzanması, özellikle İstanbul'un iaşesinin sağlanması açısından hayati önem taşımıştır. Kırım Hanlığı, XVIII. yüzyıla kadar Osmanlı Devleti'nin kuzey sınırını teşkil etmiş, Karadeniz'i Rus yayılmacılığına karşı korumuştur [16, s. 26, 46–47, 49–50]. Kuzeyde ve Doğu Avrupa'da meydana gelen olaylar Kırım Hanlığı tarafından takip edilmiş, gerekli müdahaleler Kırım hanlarına ihale edilmiştir.

Bu açıdan bakıldığında, Lehistan'da 1764'te başlayan, 1767 yılında iç savaşa evrilen çatışmalar haliyle Kırım Hanlığı'nı doğrudan ilgilendirmiştir. Maksud Giray

[17] Baron de Tott'un Kırım Konsolosluğu'na görevlendirildiği 23 Haziran 1767'den İstanbul'a döndüğü 1769 yılına kadar Fransa Dışişleri Bakanı Duc de Choiseul ile yapmış olduğu yazışmalar 2014 yılında Ferench Toth tarafından yayınlanmıştır. Söz konusu eserde Pierre Ruffin'in de Choiseul ile yazışmaları bulunmaktadır.

[18] Fransa'nın Kırım Konsolosluğu, resmî olarak 1719'da kurulmuştur. XVIII. yüzyılın başından beri özellikle Hıristiyan kölelerin azad edilmesi üzerine yoğunlaşan misyonerlerin çabaları bu tarihten itibaren diplomatik bir kimlik elde etmiştir [34, s. 250]. 1719'dan itibaren Kırım Hanlığı'nda bir temsilci bulunduran Fransa Devleti, Bahçesaray'a göndereceği konsolosların özellikle hekim olmasına dikkat etmiş, bu vesileyle Han'a ve halka daha yakın olmalarını sağlamıştır. Kırım'daki Fransız Konsolosluğu İstanbul'daki Fransız Büyükelçiliği'nin tasarrufunda bulunmuş, konsolos atama yetkisi çoğunlukla İstanbul'daki büyükelçilere ait olmuştur [33, s. 37, 44].

Han, tahta çıktığında ilk iş olarak Varşova'ya mutemed bir adam göndermiş, olan biteni Babıâli'ye bildirmiştir. Babıâli, Lehistan'dan gelen haberler üzerine İstanbul'da bulunan Rus maslahatgüzarı Obreskov'u çağırarak nota vermiş, Lehistan'daki Rus askerî varlığının bir an önce sonlandırılmasını istemiştir [8, s. 281–282]. Babıâli, meselenin ortaya çıktığı andan beri Kırım, Eflak ve Boğdan yöneticilerine emirler göndererek herhangi bir müdahalede bulunulmamasını tembihlemiştir [32, s. 73]. Barışın devamlılığını kendi çıkarlarına uygun gören Babıâli, meseleye tepkisini diplomatik yollarla göstermeyi sürdürmüştür. Maksud Giray Han, başlangıçta olaylara Babıâli'nin müsaade ettiği kadarıyla dâhil olurken Fransa Devleti'nin Kırım Hanlığı'na gönderdiği büyükelçi Baron de Tott ile tercümanı Pierre Ruffin tarafından bağımsız hareket etmeye teşvik edilmiştir. Han, Tott'un Lehistan'daki Rus işgaline karşı çıkılması yönündeki ısrarlarına rağmen, barış döneminde bulundukları için talep edilmediği sürece Rusların Lehistan'daki faaliyetlerini Osmanlı Padişahı'na şikâyet etmekten geri durduğunu ifade etmekteydi. Bu tür şikâyetlerin huzur bozucu olduğu ve azledilmeyle sonuçlandığı bilinmekteydi. Dolayısıyla Han, Lehistan konusunda elinden geleni yapmaya hazır olduğunu belirtiyor ancak Osmanlı Padişahı'nın harekete geçirilmesini İstanbul'daki Fransa Büyükelçisi Vergennes'e havale ediyordu. Han ayrıca, Lehistan'ın kendisinden resmî bir talepte bulunması durumunda Varşova'ya gönderdiği elçisine söz konusu talebi kabul etmesi için tam yetki verdiğini ifade etmekteydi [35, s. 77]. Tott, anılarında Han'ın kendisini yakın çevresine dâhil ettiğini, akşam sohbetlerinde Han, Nureddin Sultan[19], Kaya Mirza[20], Kadıasker[21] ve Han'ın önemsediği birkaç mirza ile bir arada bulunduğunu yazmaktadır [3, s. 161–162]. Maksud Giray Han, Tott ile gerçekleştirdiği özel sohbetlerde sık sık Lehistan'da yaşanan olaylara ve Avrupa devletlerinin mevcut durumlarına dair onun bilgilerine başvurmuştur [35, s. 76–79]. 30 Ekim 1767 günü Bahçesaray'a gelen bir ulak, Babıâli'nin Maksud Giray Han'dan Lehistan'da olup bitenler hakkında acil bir rapor istediğini bildirmiştir. Bunun

[19] Halim Giray'ın *Gülbün-ü Hânân* adlı eserinde dönemin nureddininin Han'ın kardeşi Bahadır Giray Sultan olduğu ifade edilmektedir [14, s. 101]. Ancak Baron de Tott, anılarında Nureddin Sultan'ın Han'ın yeğeni olduğunu, Kafkasya'da büyüdüğünü, az konuştuğunu, konuştuğu zaman da hep Kafkasyalılardan bahsettiğini yazmaktadır [3, s. 161–162]

[20] Baron de Tott'un aktardığına göre Şirin beylerinden biri olan Kaya Mirza, Maksud Giray Han'ın kardeş çocuklarından bir Sultan ile evlidir [3, s. 166] Kaya Mirza, Kırım Hanlığı'nda (tahminen XVIII. yüzyılın ilk yarısında) üç yıl Şirin baş beyi (başkaraçi) olan Sefer Gazi'nin oğludur. Dolayısıyla Kırım Divanı'nda Şirin baş beyi unvanıyla bulunması muhtemeldir [1, s. 227; 9, s. 183, 186].

[21] Baron de Tott, hatıralarında Kadıasker'den konuşkan ve neşeli bir kişilik, Müftü Efendi'den ise dürüst, güvenilir bir dost olarak bahsetmektedir [3, s. 162]. Ayrıca Tott, babasının Macar bağımsızlık lideri II. Ferenc Rakoczi'nin yanında Osmanlı Devleti'ne iltica ettiğini, Kadıasker ve divanın bazı üyelerinin bu dönemde babasıyla tanıştıklarını, dolayısıyla kendisinin de bu samimiyetten yararlanacağını ifade etmektedir [35, s. 71, 73].

üzerine Han, divan efendisini[22], Tott'un vereceği bilgiler ışığında bir rapor hazırlamakla görevlendirmiştir. Divan efendisi Tott'u davet etmiş, II. Stanislaw August Poniatowski'nin Lehisan kralı seçilmesinden bu yana yaşanan hadiselere ve Rusya'nın müdahalelerine dair özet bilgi istemiştir. Tott'un verdiği bilgiler Ruffin tarafından Türkçeye tercüme edilerek Babıâli'ye gönderilmiştir [35, s. 83]. Bunun yanı sıra Maksud Giray Han, Tott ile yaptığı sohbetlerde kendisinden edindiği bilgileri İstanbul seyahatinde Osmanlı padişahına ileteceğini söylemektedir [35, s. 82][23].

Baron de Tott ile Pierre Ruffin Maksud Giray Han'ı Lehistan hakkında sürekli bilgilendirirken, Babıâli'de bulunan yabancı elçiler de Osmanlı Devleti'ni Lehistan'daki olaylara dâhil etmek ve tam aksine olaylardan uzak tutmak üzere iki gruba ayrılmışlardır. Fransa ve Avusturya elçileri Babıâli'yi harekete geçmeye teşvik ederken, Rusya ve Prusya elçileri ılımlı açıklamalar yaparak sakinleştirme yoluna gitmişlerdir [29, s. 42]. Babıâli'de elçilikler üzerinden yürütülen güç mücadelesi Kırım Hanlığı'na da yansımıştır. Rus sınırlarında artan şikâyetler üzerine Aralık 1767'de Kiev Generali tarafından Bahçesaray'a bir Rus elçisi gönderilmiştir. Kiev Generali'nden bir mektup getiren elçi, Rusların Kırım'da konsolosluk kurma taleplerini[24] Maksud Giray Han'a iletmiştir. Baron de Tott'un aktarımına göre Han'ın üslubunun sertliği dikkat çekicidir. O, iletilen talebi sert bir dille reddetmiş, elçiye yaptığı açıklamada ise Kırım'da konsolos bulundurma ayrıcalığının yalnızca Fransa Devleti'ne ait olduğunu, diğer devletlerin böyle bir hakkı olmadığını net bir şekil-

[22] Divan efendisi, Kırım Divanı'nda bulunan üyelerden biridir [15, s. 456].

[23] Baron de Tott, Choiseul'a gönderdiği 28 Aralık 1767 tarihli mektubunda Müftü Efendi'nin kendisine gizli bir bilgi sızdırdığını ve bu bilgiye göre Han'ın ilkbaharda Padişah III. Mustafa ile görüşmek üzere İstanbul'a davet edildiğini ifade etmektedir. Osmanlı Devleti, savaş arifelerinde, azl veya hanlık tevcihi gibi önemli durumlarda ilgili Kırım hanlarını İstanbul'a davet etmekteydi. Tott, bu davetin savaş alameti olduğunu öngörmüş, Han'ın yanında İstanbul'a gitme planları yapmıştır. Zikrolunan mektupta İstanbul'da yerine getireceği görevler hakkında Fransa Dışişleri Bakanlığı tarafından bir çerçeve oluşturulmasını talep etmiştir [35, s. 82–83].

[24] Rus Çarlığı'nın Kırım'da konsolosluk kurma girişimleri 1740 yılına dayanmaktadır. Ruslar 1740 yılında Bahçesaray'da yerleşmesi şartıyla Kırım'a dâimi bir elçi görevlendirmek istemişler ancak bu istekleri dönemin Kırım Hanı II. Selâmet Giray Han (1740–1743) tarafından reddedilmiştir [12, s. 6]. Kırım'da Rus Konsolosluğu 1763'te Kırım Giray Han'ın izniyle kurulmuş, kısa bir süre sonra Lehistan'da ve Rus sınırlarında meydana gelen gerilimler nedeniyle Kırım Giray Han'ın görevden alınması sonucu Rus Konsolosluğu da feshedilmiştir [13, s. 79]. Dönemin Rus Konsolosu Nikiforof, Kırım Giray Han tarafından kabul edilmiş, Rusların Ten Nehri boyunda kurmak istediği kaleler için Han'dan izin almıştır. Kırım Hanlığı hakkında tuttuğu raporları Rusya'ya aktarmış, bir süre sonra devletin iç işlerine müdahale ettiği gerekçesiyle Kırım'dan kovulmuştur. Ayrıntılı bilgi için bkz. [36, s. 95–96]. Çariçe II. Katerina, 1766'da Selim Giray Han döneminde Kırım ve Karadeniz ticaretini takip etmek üzere bir temsilci göndermek istese de bu girişimi Babıâli'nin engeline takılmış, temsilcilik talebi bu kez Selim Giray Han tarafından reddedilmiştir [8, s. 252].

de ifade etmiştir [35, s. 81–82][25]. Tott'un mektuplarında Fransa Dışişleri Bakanı'na aktardıklarına göre –bu bilgilere güvenecek olursak– Babıâli'nin elçileri eşit mesafede tuttuğu[26], ancak Bahçesaray'daki Fransız temsilcilerin diğer devletlerin temsilcileri karşısında ayrıcalıklı bir konumda bulunduğu söylenebilir.

Lehistan'daki Rus karşıtları, sonra Bar Konfederasyonu adıyla anılacak olan bir komite oluşturarak Kırım Hanı'na gizlice bir elçi gönderirler. Gönderilen elçi, Podolya sınırlarında bulunduğu sırada Rus askerlerinin takibine düşer, yakalanmamak için kimlik belgelerini yaksa da fayda etmez ve burada kısa süreliğine tutuklanır. Ardından serbest bırakılan elçi Podolya Psikoposu'na ulaşarak durumunu anlatınca Piskopos Cervogrod şehrinin hazinedarı Mösyö Makowitski'yi elçilik ile görevlendirir. Makowitski, 14 Şubat 1768 tarihinde Maksud Giray Han'a ithafen yazılan bir mektup ile Bahçesaray'a gelmiştir. Makowitski'nin Bahçesaray'a gelişi, Bar Konfederasyonu ile Kırım Hanlığı arasındaki ilk temastır ve haliyle elçinin resmî görevi olmadığından statüsü de Maksud Giray Han'ın inisiyatifine bırakılmıştır. Makowitski'nin getirdiği mektupta iletilen taleplerden biri Han'ın Lehistan'a bir bakan göndermesiydi ki Rus Çariçesi II. Katerina'nın Varşova'da görevlendirdiği Repnin gibi bir askeri birliğe sahip olmalıydı. Bunun için gerekli olan on bin Tatar askeri Makowitski'nin diğer bir talebiydi. Makowitski ayrıca maddî altyapı için piskoposlar tarafından fonlar kurulduğunun garantisini vermekteydi. Ancak Maksud Giray Han, Babıâli'den gelecek emre göre hareket edecekti, dolayısıyla elçinin bir süre Bahçesaray'da beklemesini istemişti [35, s. 93–94]. Bu süreçte Baron de Tott, Makowitski ile sık sık görüşerek fikir alışverişi yapıyordu. Makowitski kendisi için bir tercüman talep ettiğinde Tott, Ruffin'i önermişti. Ancak Makowitski, Fransa ile Lehistan arasında imzalanan bir anlaşmayı gerekçe göstererek, söz konusu anlaşmaya göre Fransa'nın Lehistan'ın içişlerine müdahale etme hakkı olduğunu, dolayısıyla Fransız tercümanı kabul edemeyeceğini belirtmiş, onun yerine Müslüman bir tercüman kullanmayı talep etmiştir [35, s. 105]. Ayrıca Baron de Tott, Makowitski'ye Bahçesaray'da nasıl davranması gerektiği ve başına gelebilecekler konusunda bilgiler veriyordu. Nitekim söz konusu elçilik Kırım Divanı'nı ikiye ayırmıştı. Kadıasker, Makowitski'ye elçi unvanı verilmesine taraftar değildi. O, elçi heyetinin cılızlığından yakınıyor, binlerce kişilik maiyet ile yapılan sefaretleri örnek gösteriyor, Tott'un tabiriyle hediye almadan susmak bilmiyordu. Buna karşılık Müftü Efendi Divan'da Kadıasker'e sesini yükseltiyor, zulme karşı yardım bekleyen mazlumların, sahip çıkılmayı zengin kervanlarla gelenlerden daha fazla hak ettiklerini savunuyordu [35, s. 99]. Kırım Hanı ise uzun bir süre tedirginlik içerisinde Babıâli'den cevap beklemekteydi. Babıâli'nin bu sessizliği Makowitski'yi

[25] Baron de Tott, aynı temsilcinin birkaç ay sonra tekrar geldiğini, konsolosluk taleplerini yenilediğini yazmaktadır [35, s. 141].

[26] Fransa'nın İstanbul büyükelçisi Kont de Vergennes, Rus ordusunun 1764'teki kral seçimlerine müdahil olabileceği uyarılarına karşı Babıali, Rus birliklerinin Lehistan'daki varlığının yeni olmadığını ve bu birliklerin Yedi Yıl Savaşı'nda Fransa'nın tavsiyesiyle Lehistan'a sokulduğunu hatırlatmıştır [11, s. 116].

yıldırmış olmalı ki gelecek cevabı beklemeden Han'ın Bar Konfederasyonu için kaleme aldığı bir mektup ile Bahçesaray'dan ayrılmıştır. Bahçesaray'da bulunduğu sırada Bar Konfederasyonu hakkında Tott'a sunduğu asılsız[27] bilgiler ciddiye alınmamıştır. Bunun yanında Ruffin ile Tott'un arasını açacak cümleler sarf etmesi ve sefaretinin başarısızlığını Tott'un üzerine yıkmasının altında Fransa Lehistan çatışması olduğu görülmektedir.

Lehistan'da Katolik muhalefetin oluşturduğu Bar Konfederasyonu üyeleri ilerleyen günlerde Rus ordusunun sert müdahalelerine maruz kalmış, tutuklanmaktan kurtulabilenler kaçıp Boğdan sınırına iltica etmişlerdir. Boğdan'a ulaşan Lehlilerin arasında Konfederasyon'un baş yöneticileri Potocki ve Kasinski de bulunmaktaydı. Kaçakları takip eden Rus generali Boğdan sınırını ihlâl etmiş, bunun üzerine İstanbul'daki Rus elçisi Babıâli'ye çağrılmıştır. Babıâli'den Boğdan Voyvodası'na giden emirler bundan böyle kendisine sığınan Lehlilere sahip çıkması yönündeydi. Osmanlı Devleti'nin bu hareketi, çatışmaları Osmanlı Lehistan sınırına taşıyacak, Ruslara karşı açık bir meydan okumaydı. Nitekim ardından gelişen olaylar da savaşın ilk kıvılcımları olmuştur [8, s. 288].

Temmuz 1768'de Rus zulmünden kaçan bir grup Lehli, Aksu Nehri kenarındaki Uman Kalesi'ne sığınmış, ancak kaleyi kuşatan Rus birlikleri tarafından katledilmişlerdir. Katliamdan kurtulabilenler Kırım Hanlığı sınırındaki Balta Kasabası'na iltica etmişlerdir. Lehliler Balta'ya yerleşemeden ardlarından gelen Rus birliklerinin saldırısına uğramış, kasabanın voyvodası askerleriyle beraber Ruslara karşı çarpışmıştır. Kossakların da aralarında bulunduğu Rus birlikleri binlerce insanı katletmişlerdir. Olaylar Bahçesaray'da duyulmuş acilen Babıâli'ye bildirilmiştir. Maksud Giray Han, olaylardan birkaç gün sonra bir sohbetinde Tott'un "*efendim pâdişâhım bu vakitlerde sizin sınurunuzda zuhûr iden vak'ayı çoktan efendimize ahbâr ve inbâ eylemeğe cesâret itmişdim lâkin o kadar sözümüze i'timâd kılmadınız*" şeklindeki sözlerine üzülerek "*kim inanmadı Devlet-i Aliyye i'timâd kılmaz oldu yohsa ben inandım ve siz söylemezden mukaddem dahi olacağını bilirdim ammâ Moskov Devleti'nin bu fuzûl rütbesine cüzvî zamân içinde erişeceğini zan itmez idim*" diye cevap vermekteydi [25, s. 29; 6, s. 100]. Tott'un "*hadiseyi Devlet-i Aliyye'ye bildirmediniz mi*" sorusuna kızmış olacak ki "*ya ne zaman Devlet-i Aliyye'ye haber virmekden hâlî oldum ki bu mühim maslahatı ifhâm itmede taksir itmiş olam lâkin ne fâ'ide Devlet-i Aliyye büyük devletdir ama ağırdır vallah kımıldanmaz*" şeklinde cevap vermekte, Osmanlı Devleti'nin meseleye kayıtsız kaldığından yakınmaktaydı [25, s. 36].

Kırım devlet ricali, Balta'da yaşanan olayları Rusların oyunu olarak görmekte, Kırım Hanlığı'na bir zarar geleceğini düşünmemekteydiler. Hatta Kadıasker Efendi, Tott ile sohbetinde "*göreceksin Konsol Beğ Balta vaka'sı karaltı dedikleridir lâkin*

[27] Makowitski, Bar Konfederasyonu'nun gücünü vurgulamak için 1600 Rus askerinin boğazı kesilerek katledildiğine dair haberler yaymıştır. Baron de Tott, Choisul'e gönderdiği 31 Mart 1768 tarihli mektubunda söz konusu haberlere itibar etmediğini yazmaktadır [35, s. 112].

Han pek korkdu böyle şeyi aslâ görmediğinden havfa düşdi" demekte, Han'ın yersiz korkuya kapıldığını iddia etmekteydi. Zamanla çeşitli söylentiler ortaya çıkmış, Bahçesaray'a ulaşanlar devlet ricali tarafından tartışılmıştır. Söylentiler Balta Kasabası'nı basan Rus Generali'nin üzerine yoğunlaşmıştır. General'in Yaş şehrinin yöneticisine bir mektup gönderip, kaçkınlara sahip çıkarsa askerleri ile şehri basacağını ve onları geri alacağını bildirdiğine dair söylentiler üzerine Han söze girip "*ammâ bunu idemez zîrâ Devlet-i Aliyye buna bir vechle kâ'il olmaz Boğdan re'âyâsı haracgüzârdır hazîne-i 'âmireyi doldurur bir halk olmağla Devlet-i Aliyye anların zararlarını istemez Tatar ise Devlet-i Aliyye'ye bir pâye virmez belki andan 'ulûfe alur bir kavm olduğundan Devlet-i Aliyye'nin buna meyl ve muhabbeti yokdur*" demiştir. Ardından Tott söz alıp "*benim efendim Tatar kavmi Devlet-i Aliyye'nin haracgüzârı değilse bâri bekçisidir hazînesini doldurmaz ise döğünmemesine*[28] *mâni' olur*" şeklinde cevap vermiştir [25, s. 55–58]. Balta olayları üzerine sohbet devam ederken Lehistan'dan doğru bilgi almak için Tott'un adamlarından birinin Varşova'ya gönderilmesine karar verilmiştir.[29]

Lehistan'daki Rus elçisi Repnin, Osmanlı Padişahı ve Kırım Hanı'nın mektuplarını eline geçirdiğini duyurmaktaydı. Repnin'e göre Padişah ve Han, söz konusu mektuplarda Ruslar ile Lehliler arasındaki meseleye karışmayacaklarını beyan etmekteydi. Repnin, mektupların içeriklerini bu şekilde ifşa ederek Leh halkının yardım görme ümitlerini tüketmeyi amaçlamıştır. Aslında zikrolunan mektuplar, Maksud Giray Han tarafından Şubat ayında Kırım Hanı'nın huzuruna gelen Bar Konfederasyonu elçisi Mösyö Makowitski'ye Bahçesaray'dan ayrılırken verilmiştir. Repnin tercümesi anlaşılmayan mektupların manasını bir şekilde çarpıtmaktaydı. Han, "*hakîkat hâl giden boyara virdiğim mektûb bulaşık su palûzesine benzer idi ne yapmalu idi imdâd virdim size disem elimden gelmez bir şeydir deyü size bir dürlü mu'âvenet itmem de söylesem şânıma düşmez bir söz olur deyü an-kasîd şöyle bir karaku cevâb virmişim ki bir şey eklenmesün (anlanmasun)*" sözleriyle zikrolunan mektupları bilerek anlaşılmayacak halde yazdığını itiraf etmiş ve sebebini açıklamıştır [25, s. 72–74].

Maksud Giray Han, kendisine sığınan Lehlileri koruma altına almak istediğini her fırsatta belli ediyor ancak Osmanlı Devleti'nin sessizliğinden de çekiniyordu. Bender Paşası'nın topraklarına sığınan Lehlileri Balta'ya geri döndürdüğüne dair söylentiler duyulduğunda "*ondan bellü olur ki Devlet-i Aliyye müttefiklere emân virmeğe bile cesâret itmez pes anların bi'l-cümlesi benim üzerime düşer*" diyerek

[28] Pierre Ruffin "*döğünmemesine*" şeklinde yazmıştır, ancak cümlenin anlamına bakıldığında "*döğünmesine*" şeklinde okumak daha doğru olacaktır.

[29] Baron de Tott, selefi Fornetti'den kalan bir hizmetkârı Karabet'i, Fransa'nın Bar Konfederasyonu için görevlendirdiği elçisi Taules de Domecq'e göndermeyi ve Taules'den bilgi almayı düşünmüş, ardından bu fikri Han'a teklif etmiştir. Han, aslen Lehli olan Karabet adındaki hizmetkârın Varşova'ya gönderilmesini kabul etmiş, seyahat boyunca kullanacağı geçit yarlığı ile menzil kâğıdını hazırlatmıştır (Menzil Kâğıdında hizmetçinin adı Matias olarak yazılmıştır.) [25, s. 57–59].

kendini bu konuda sorumlu tutmaktaydı [25, s. 60]. Bir başka söylentiye göre ise Babıâli, Boğdan Beyi'ne bir zaim göndererek kaçkınları Ruslara teslim etmesini emretmekteydi. Tott, Babıâli'nin bu şekilde hareket etmeyeceğini belirtirken Han, İsveç Kralı'nın Osmanlı Devleti'ne sığındığında yaşanan olayları örnek göstererek böyle bir emrin ihtimal dâhilinde olduğunu ifade etmiştir [25, s. 75–76]. Venedik, Nemçe ve Fransa devletlerinin birleşerek Lehlilere yardım edeceğine dair yayılan haberler Han'ın kulağına kadar gelmiş, o da aslını öğrenmek için Tott'a sormuştur. Tott, "*benim efendim Venedik bir küçük cumhûrdur böyle umûr-u mühimmeye karışması ne münâsebet ile olur evvelâ bir büyük devlet idi ammâ Devlet-i Aliyye vura vura anı pek küçük idüb nişân-ı aslîyesinde tasvîr olunan kanadlu arslanın kanadını pek kısaltmışdır şimdi bu havalarda uçmağa mecâli yokdur*" şeklindeki sözleriyle Venedik'in bu işe karışamayacağını Nemçe ve Fransa arasında ise herhangi bir ittifaktan haberdar olmadığını belirtmiştir [25, s. 78].

Babıâli'den Kırım Hanı'na gelen bir Tatar Ağası'nın getirdiği mektuplara göre Rus generali, Hotin Paşası'na ve Boğdan Beyi'ne; Lehliler ile aralarında mezhep kavgası bulunduğunu, Osmanlı Devleti ve Kırım Hanlığı'na asla düşmanlık gütmediklerini dolayısıyla rahat ve huzur içinde bulunmalarını belirten mektuplar göndermiştir. Babıâli, söz konusu mektuplardan haberdar olur olmaz harekete geçmiş, zikrolunan yöneticilerine Rusların sözlerine aldanılmamasına, sınırların dikkatle korunmasına ve Varşova'ya adam gönderilip durumdan haberdar olunmasına dair emirler göndermiştir. Tatar Ağası'nın getirdiği mektuplarda Kırım Hanı'na gönderilmiş emirler de bulunmaktaydı. Rus generalinin Boğdan Beyi'ni tehdit etmesi üzerine Kırım Hanı'ndan Boğdan'ı korumak için Kışla Serasker Sultanı'nı[30] görevlendirmesi istenmiştir [25, s. 89–91].

Maksud Giray Han'ın, Balta'da yaşanan olayları Babıâli'ye bildirmek üzere gönderdiği Said çukadar[31], 25 Temmuz 1768 günü Bahçesaray'a dönmüş, beraberinde Fransa'nın İstanbul Büyükelçisi'nden Baron de Tott'a birkaç mektup getirmiştir. Zikrolunan mektuplara göre Lehistan'da Deli Boyar adıyla ünlenmiş olan Potocki[32], Ruslar ile giriştiği mücadelede mağlup olup Boğdan taraflarına

[30] Evliya Çelebi'nin Seyahatnamesinde "Han Kışlası" olarak tanımladığı bölge, Prut ve Turla nehirleri arasında kalan Bucak havalisidir [18, s. 423]. Tatarlar kış aylarını buradaki kışlaklarda geçirmektedir. [5, s. 69–70] Pierre Ruffin, günlüğünü Bahçesaray'da kullanılan terminolojiye göre kaleme almıştır. Ruffin'in eserinde "Bucak" ismi yer almamakta, onun yerine "Kışla" kelimesinin kullanıldığı görülmektedir. XVIII. yüzyıl sonlarında Kırım Sarayı'nda "Bucak" bölgesi için "Kışla" teriminin kullanıldığı dolayısıyla Kışla Serasker Sultanı'ndan kastedilenin, Bucak Seraskeri olduğu söylenebilir.

[31] Çuhadar.

[32] BOA, C.HR. 45/2232, 20 Safer 1183 / 25 Haziran 1769. İgnace Potocki, Leh boyarlarının önde gelen isimlerinden olup, Bar Konfederasyonu'nun liderleri arasındadır. 1760'ta Lviv milletvekili seçilmiş, 1764–1766 yılları arasında hâkimlik yapmıştır. Lehistan'daki Rus baskısı sebebiyle Macaristan'a kaçan Potocki, Bar Konfederasyonu'nun kurucu liderlerinden biri olmuş, topladığı ordu ile Ruslara karşı savaşmıştır. Ruslara mağlup olunca Macaristan'a çekilmiştir. 1770'te hastalanarak liderliği bırakmış,

kaçmış, daha sonra geri dönerek tekrar Ruslara saldırmış ve önemli zaferler elde etmiştir [25, s. 76–77]. 29 Temmuz 1768'de Bahçesaray'a gelen bir Leh boyarı, Hotin ile Mohilev arasındaki bir köyde çadır kurup yerleşen iki bin Lehli tarafından gönderildiğini belirtmekteydi. Boyar, içlerinde Potocki'nin[33] de bulunduğu üç büyük boyar tarafından imzalanmış bir mektubu Kırım Hanı'na sunmuştur. Mektubu kaleme alan boyarlar, Hotin şehrinden dört saat mesafede bulunduklarını, Rus zulmünden kaçtıklarını ve Kırım Hanı'ndan yardım istediklerini belirtmekteydiler [25, s. 94]. Mektubu getiren Leh boyarı, Lehlilerin Kırım Hanı'ndan dört bin nefer Tatar askeri istediğini, ancak askerleri Ruslara değil, kendi kossaklarına[34] karşı kullanacaklarını ifade ederek, Han'ın her ne talebi olursa kabul edeceğini belirtmekteydi [25, s. 99, 106].[35] Han, Lehistan gibi büyük bir memleketin birçok kez altı yüz bin kişilik ordular kurduğu halde şimdi kendi asilerinin isyanlarını bastıracak güce bile sahip olamayışına hayret etmekteydi. Lehlilerdeki güçsüzlüğü "*Lehlü pek fuzûl olmuş ve fuzûl olan yiğid değildir ve fuzûllüklerine delil istersen anların kılıçlarına bak kabzası gümüş altındandır ammâ demirine baksan on pâreye değmez bir şeydir*" sözleriyle ifade ediyor, ancak yine de bir memleketi korumanın zor bir husus olduğunu belirtiyor ve Lehlilere bu konuda hak veriyordu [25, s. 107].

Maksud Giray Han'ın Varşova'ya gönderdiği Karabet adındaki hizmetkâr 2 Ağustos 1768 günü Bahçesaray'a dönmüştü. Hizmetkâr, Podolya semtine varıp Fransa

---

hayatının geri kalanını rahip olarak geçirmiştir [35, s. 33–34]. Ayrıca Potocki'nin Haziran 1769'da Osmanlı ordusuna geldiği bilinmektedir. Ordu-yu Hümayun'a gelen Leh ricalinden Potocki'ye Kırım hanı tarafından mihmandar tayin olunan Yakub Ağa'ya iki yüz elli ve maiyyetinde bulunan on kişiye yüzer kuruş harcırah verilmesi hakkında beyaz üzerine buyruldu.

[33] Osmanlı Devleti'nden gönderilen Tatar Ağası'nın rivayetlerine göre Potocki Ruslara bir davet hazırlamış, emrindeki Yahudi hizmetkârlarla içecek fıçılarına zehir koyarak davete katılan bütün Rusları zehirleyerek öldürmüşlerdir. Dolayısıyla Ruslar, sekiz bin askerin öldürülmesinin sorumlusu olarak gördükleri Yahudilere saldırmışlar ve Potocki'nin peşine düşmüşlerdir [25, s. 97–98].

[34] Boyar, Baron de Tott ile sohbetinde, bütün malını alarak Bar Kasabası'ndan çıktığını Osmanlı Devleti'ne firar ettiği sırada kossakların saldırısına uğradığını, heybesindeki iki bin sikke florisinin ve kırk atının kossaklar tarafından gasbedildiğini ifade etmiştir [25, s. 100].

[35] Lehlilerin baş mareşali Potocki, Baron de Tott'a gönderdiği mektubunda "*Han efendimiz bize ne emr iderlerse ana göre 'amel ve hareket itsün deyü bizim Han efendimizin yanında oturan elçimize ısmarlamışız*" demekte, Tott'tan Bahçesaray'daki elçiye yol gösterici olmasını istemekteydi [25, s. 114].

Boyar'ın sohbet esnasında Baron de Tott'a sarfettiği; "*Moskov'a karşu imdâd istemez iyiz bu dört bin nefer Tatarı istemekden murâdımız kendü Kazaklarımızı râh-ı itâ'ate getürmekdir zîrâ Kazakân-ı mezbûrân zorba çıkub Moskov'dan bin kat ziyâde eşna' ve ifsadlardır malımızı yağma ve cân-ı 'azîzimizi bile fırsat buldukça telef bilâ merhamet iderler…*" [25, s. 99] şeklindeki sözleri kossakların Leh iç savaşındaki konumunu ortaya koymaktaydı.

elçisini bulamamış, bir iki gün burada beklemesine rağmen elçi gelmemiş, ardından Bar Konfederasyonu ordusunun Hotin ve Mohilev arasında bulunduğunu öğrenince Turla Suyu'nu geçip orduya ulaşmıştır. Bar Konfederasyonu ordusu, Hotin'den dört veya altı saat uzaklıktaki Liyenoviliş adındaki Libka köyünde çadır kurmuştu. Hizmetkâr, burada ordunun başbuğu ve mareşali olan Potocki ile görüşmüş, Fransa elçisinin akıbetini öğrenmiştir. Fransa Devleti tarafından Bar Konfederasyonu'na gönderilen elçi Taules de Domecq, Bar şehrinde bulundukları günlerde bir ay kadar Potocki'nin yanında konaklayıp, Potocki Ruslara mağlup olunca Beç tarafına firar etmiştir. Potocki ile ikinci mareşâl Pulovski, Kırım Hanı'ndan talep ettikleri askerî yardımı hizmetkâr ile yinelemişlerdir. Ayrıca İstanbul'daki Fransa Büyükelçisi'ne hitaben bir mektup yazarak hizmetkâr aracılığıyla Baron de Tott'a göndermiş, Tott'tan mektubu İstanbul'a ulaştırmasını rica etmişlerdir [25, s. 110–111, 123–124].

Baron de Tott, 3 Ağustos 1768 günü Kadıasker Efendi ile görüşüp, İstanbul'dan kendisine bir mektup geldiğini, anlatılanlara göre Babıâli'de sefer söylentileri dolaştığını bildirmiş, aslını sormuştur. Kadıasker Efendi, Osmanlı Devleti'nin Rusya'ya karşı sefer açabileceğini ön görmüyordu, bu sebeple olacak ki Tott'a verdiği cevabında "*gerçek böyle bir sıyt u sedâ çıkmışdı lâkin aslı yok Konsol Beğ Devlet-i Aliyye karaltı gösteriyor yohsa döğüş sefer ne olduğun unutdu*" demiştir [25, s. 125–126].[36]

Ağustos 1768'de Yedisan Nogayları, Rusların sınırlardaki katliamlarından dolayı korkuya kapılıp ayaklanmışlardı. Nogayların isyanı Kırım cephesinde Maksud Giray Han'ın azledileceğinin alameti olarak görülmekteydi. Nitekim Babıâli savaş dönemlerinde Kırım tahtında bulunacak hanların Nogaylar tarafından kabul görmesine dikkat etmekteydi.[37] Savaş içerisinde önemli bir mevkide bulunan

[36] BOA, C.HR. 116/5770, 18 Muharrem 1182 / 4 Haziran 1768. Osmanlı Devleti, Haziran 1768'de Maksud Giray Han'a otuz adet sırım arabası ile üç yüz beygir tedarik edip göndermiştir. Osmanlı Devleti'nin bu sevkiyatının zikrolunan dedikoduların kaynağını oluşturduğu düşünülebilir.

[37] 1758 yılında Bucak Seraskeri'nin Nogaylara zulmettiği, Halim Giray Han'ın bu zulme göz yumması sebebiyle görevinden azledilmesi görüleceği üzere arşiv belgelerine yansımıştır "*Özi kurbinde sâkin Nogay Tatarı tâ'ifesinden Yedisan kabîlesi ahâlîleri Bucak Ser'askeri sultânun hılâf-ı şer'-ı şerîf tavr u hareketinden ve nâ-hem-vâr vaz' u te'addîsinden mütevahhış ve muztaribü'l-bâl olup men' u def'ıni selefinüz Halim Giray Hân'dan istid'â eylemişler iken izâle-i tasallut u te'addîsinden iğmâz u müsâmaha olunmakdan nâşî kendüsinden ve Sultân-ı merkûmdan müteneffir ü dil-gîr ü remîde-zamîr olmalarıyla…*" [BOA, A.DVNS.NMH.d. 2/63, 20 Safer 1172 / 23 Ekim 1758; 4, s. 133]. Keza Mengli Giray Han'ın 1727 yılında Bucak Nogayları ile ihtilafa düşmesi, Nogay isyanına sebebiyet vermiş, Han, isyanı başarıyla bastırmış olsa da 1730 yılında azledilmiştir [36, s. 15]. Hatta Bucak Nogayları'nın, 1727 yılında Osmanlı Devleti'ne bir mazhar göndererek başlarına Kaplan Giray'ı istedikleri bilinmektedir. Dolayısıyla Kaplan Giray Han'ın üçüncü kez Kırım Hanlığı'na getirilişinde Bucak Nogayları'nın etkisi vardır. Bucak Nogayları'nın Kaplan Giray'a dair istekleri hakkında arşiv belgesi için bkz.: BOA, A.DVNS.MHM.d. 134/862, 20 Rabiulahir 1140 / 5 Aralık 1727.

Nogaylar'ın hoşnutsuzluğu savaşların seyrini değiştirebilirdi. Dolayısıyla Müftü Efendi, Nogay hareketinin Maksud Giray Han'a karşı geliştiğinden şüphelenmiş, isyan hakkında İstanbul'dan haber alabileceğini düşündüğü Tott'a danışmıştır. Ruffin'i konağına davet etmiş, sohbet ettikleri esnada "*Konsol Beğ'e bir su'âlim vardur ben ana bir şey gizlemediğim gibi ol dahi benden gizlemeyeceği me'mûlümdur*" diyerek Tottt'a iletmesi için "*Rumeli semtinde ne var ne yok Han efendimizin hakkında bir tebdîlât zuhûr ider mi ana ne yazarlar*" şeklinde bir soru yöneltmiştir. Tott ise cevabında "*Cedisan Nogayların hareketi Devlet-i Aliyye'nin mesmû' olunca ihtimâldir ki biraz vesveseye girile eğer Nogayân-ı mezbûrânın hareketleri geçenlerde Balta semtinde vaki' olan mâcerâdan ötürü olsa febiha ve ni'am sefer haberi anlara yetişince atdan düşerler de bir şey olmaz lâkin hareketlere bâ'is olan bir gayrı madde olsa iş içinde iş olur da Han efendimiz içün bir korkulu maslahat olur*" demekteydi [25, s. 127–128]. Müftü Efendi, görevinde kalabilmesi için tahta çıkacak olan yeni hana bir mektup yazmayı planlamaktaydı. Bu sebeple Tott'dan bir an önce İstanbul'daki büyükelçiye yazmasını ve yeni hanın kim olduğunu öğrenip kendine bildirmesini istemiştir [25, s. 131–132].

Yedisan Nogayları'nın isyanı Maksud Giray Han'ın gönderdiği kapucubaşısı aracılığıyla sona erdirilmiştir. Nogayların ileri gelenleri bir yere toplanıp kapucubaşı ile görüşmüşlerdir. Nogay ahalisi, Ruslardan korktukları ve Lehliler gibi mezalime uğramaktan çekindikleri için atlandıklarını ifade etmişlerdir. Kapucubaşı, Osmanlı Devleti'nin Rusları kan akıtmaksızın bertaraf edeceğini, bu sebeple korkulacak bir şey olmadığını belirterek Nogayları teskin etmiştir. Sınır bölgelerinin güvenliği için Nogayları teşkilatlandıran Kapucubaşı, ahaliden ileri gelenlerin Han'a tabiiyetini bildirdiği mektuplarla beraber Bahçesaray'a dönmüştür. Böylelikle Nogaylar, Lehistan'daki meselelere karışmayacaklarını, Aksu nehri kenarında belirli mesafelerle karakollar kurup, her karakolun üzerine bir mirzayı tayin etmek suretiyle bölgenin güvenliğini sağlayacaklarını taahhüt etmişlerdir [25, s. 137–139].

Maksud Giray Han, 5 Ağustos 1768 günü konağına gelen Baron de Tott ile sefer söylentilerini tartışmaktaydı. Tott, aldığı haberlere göre Babıâli'nin sefer hazırlığı[38] yaptığını Han'a iletmiştir. Han, Tott'un aktardığı haberler üzerine "*Devlet-i Aliyye'nin sefer-i hümâyunu olacak vakitde dâ'imâ kışın Tatarlara izn virirlerdi de Kırım Hanı pîşîn Akkirman'a*[39] *çıkardı*"

[38] Baron de Tott, İstanbul'dan aldığı haberleri, "*Kefe'ye varmak üzre çok gemiler isticâr olunub içinde on dört orta yeniçeri ile dört orta arabacı dört dahi cebeci ve baltacı konulub hazîne-i 'âmireden nice kise akçe çıkub etrâf ve eknâfta katır deve satun alınub her yerde cihadın sefer sadâsı çalınub tedârik görülür*" şeklinde Maksud Giray Han'a nakletmiştir [25, s. 133]

[39] Akkirman, II. Bayezid döneminde Osmanlı Devleti topraklarına katılmıştır. Bölgenin fethinde Kırım Hanı'nın yararlılık göstermesine karşı kırk bin Tatar Akkirman ve çevresine yerleştirilmiş ve vergiden muaf tutulmuşlardır. Kanuni Dönemi'nde Prut ve Turla arasındaki bölge "Bucak" adıyla teşkilatlandırılıp, sancak olarak Akkirman'a bağlanmıştır. Bölge bu tarihten sonra Nogaylar ve Tatarlar gibi konargöçer gruplar tarafından iskân edilmiştir. Bucak bölgesinin nüfusu Nogaylar ve Tatarlar ile yoğunken

demekte, kendisinin de İstanbul'a davet edileceğini düşünmekteydi [25, s. 131–134].[40]

Rusya'ya karşı sefer açmaya niyetlenen Osmanlı padişahı, önce İstanbul'daki barış yanlısı devlet ricalini tasviye etmiş, ardından Kırım Hanlığı'nda değişiklik yapma gereği duymuştur. Padişah, Kırım Hanlığı'nda savaşı idare edebilecek cesur bir han görmek istemekteydi. Dolayısıyla savaş ilanının akabinde Maksud Giray Han'ı da azlederek onun yerine sabık hanlardan Kırım Giray'ı han tayin etmiştir.[41] 18 Ekim 1768 günü akşam saatlerinde Han'ın azledildiği haberi Bahçesaray'a ulaşmıştır [35, s. 178]. Maksud Giray, azledildikten sonra Rumeli'deki çiftliğine gönderilmiş[42], Şubat 1769'da ise Ağrıboz'a sürülmüştür[43]. Zikrolunan sürgünün ardında Kırım Giray Han'ın Rusya'nın güney kısımlarına yaptığı akın ve çapul harekâtının yattığı düşünülebilir. Kırım Yarımadası'ndan topladığı büyük bir ordu ile

---

Akkirman'da çoğunlukla Anadolu ve Rumeli'den gelmiş Türkler iskân edilmiştir [10, s. 56; 20, s. 341]. Sefer zamanlarında Kırım hanlarının Akkirman'a çıkması, Türk devletlerinde görülen savaş kurultaylarının devamı niteliğindedir. Seferden önceki kış aylarında atların semirip güçlenmesi için kışlaklara çıkılır, burada ordunun durumu gözden geçirilir eksiklikler tamamlanıp ordu her yönüyle savaşa hazır hale getirilirdi [24, s. 106].

[40] Maksud Giray Han, sohbet sırasında Tott'a "*Konsol Beğ du'â eyle ki beni İstanbul'a çağırsunlar ol vakit şatır şatır ahvâl-i keyfiyyeti şevketlüye bildiririm yohsa bahâra dek altı ay vardır yine şevketlünün 'aklını çelmek* çevirmek *pek kolaydır*" demiştir [25, s. 134].

[41] Maksud Giray Han, kendisi için alternatif olarak Kırım Giray'ı düşünmekteydi [3, s. 183]. Kırım Giray, Haziran 1768'de alacağı olan bir miktar parayı tahsil etmesi için Bender tarafına bir adamını göndermiş ancak Maksud Giray Han'ı kuşkulandırmamak için adamını geri çağırtmıştır [BOA, C.ADL. 43/2624, 26 Muharrem 1182 / 12 Haziran 1768.]. Şem'dânî-zâde Fındıklılı Süleyman Efendi'nin kaleme aldığı *Mür'i't-Tevârih* adlı eserde Balta olaylarının, Kırım tahtına tekrar çıkmayı dileyen Kırım Giray tarafından planlandığı öne sürülmektedir [31, s. 111]. Söz konusu iddianın gerçekliği tartışılmalı olsa da Kırım Giray'ın hem Kırım hem de İstanbul'daki siyasî gelişmeleri takip ettiği Pierre Ruffin'in aktardığı bilgilerle de sabittir. *Tophane'de ikamet eden Hacı Ömer Ağa adındaki kimse, gizlice Kırım Giray'ın kapı kethüdalığını yapmaktaydı. Her hafta bir iki Tatar ulağı konağına gelip Kırım'da olan biteni anlatmakta, Ömer Ağa ise edindiği bilgiler ile karışıklık çıkarmaktaydı. Müftü Efendi zikrolunan durumdan haberdar olunca Reisülküttab'a bir mektup yazmış, mesele Babıâli'ye intikal etmiş ve Hacı Ömer Ağa huzura çağrılmıştır. Padişah, huzuruna getirilen Ömer Ağa'yı "zinhâr zinhâr bir dahi senün konağında bir Tatar kalpağı görünse senin kıyâfetin ile ben seni burada salb itdiririm"diyerek azarlanmıştır* [25, s. 140–141].

[42] BOA, C.DH. 242/12097, 29 Cemazeyilevvel 1182 / 11 Ekim 1768. Maksud Giray'ın Kırım'dan Rumeli'deki çiftliğine sağ salim ulaşması için yol üzerindeki kadılara gönderilen hüküm için bakınız: BOA, A.DVNS.MHM.d. 57/745, 29 Cemazeyilahir 1182 / 10 Kasım 1768.

[43] BOA, C.MTZ. 3/107, 10 Şevval 1182 / 17 Şubat 1769; BOA, A.DVNS.MHM.d. 57/750, 10 Şevval 1182 / 17 Şubat 1769.

yola çıkan Han, Bahçesaray'ın boş kalacağını bildiğinden dolayı kendisine karşı bir komplo kurulmasını engellemek istemiş olabilir. Nitekim Kırım Giray Han zikrolunan seferde vefat etmiş, halefi IV. Devlet Giray döneminde, Maksud Giray affedilmiş, 17 Temmuz 1769 tarihinde Rumeli'deki çiftliğine geri dönmesi kararlaştırılmıştır[44].

Osmanlı ve Kırım kroniklerinde genellikle korkaklıkla itham edilen Han'ın azlediliş sebebi Halim Giray'ın *Gülbün-ü Hânân* eserinde *rical-i kıtal*den olmayışı olarak ifade edilmiştir [14, s. 101]. Pierre Ruffin'in günlüğünde aktardığı üzere, 28 Temmuz 1768 günü Baron de Tott ile beraber ziyaret ettikleri Kadıasker Efendi'nin sohbet esnasında sarfettiği; "*Han çok akıllı ve okumuş olduğundan ba'zı husûslarda pek korkak olub Rumeli'de iken Arslan Giray'ın Kırım Giray'ın ve Selim Giray'ın ve sâ'ir eslâf-ı kirâmlarının evzâ' ve hareketlerini yazub Devlet-i Aliyye bunu pesend idüb anı zemm itmiş deyü cümlesini silk-i tahrîrine geçirmiş ve ana göre 'amel ve hareket ider yazılmamış şey zuhûr itse pek vesveseli olduğundan ne yapacağını bilmez benden sorar*" ifadeleri, Han'ın tutum ve davranışlarının altında yatan sebepleri açıklamaktadır [25, s. 88]. Tott ise, Bahçesaray'dan aktardığı ilk izlenimlerinde Han'ın kendini saraya hapsettiğini ve haremi dışında hiçbir işle meşgul olmadığını vurgulamaktadır [35, s. 74].

Kırım Eylül 1769'da Ruslar tarafından işgal edilince Bahçesaray'daki hükümet feshedilmişti. Osmanlı Padişahı III. Mustafa, Kırım'ı tekrar kendine bağlama ümidiyle Tatar sultanlarını Davud Paşa sahrasında toplamış,[45] yapılan istişare sonucunda Selâmet Girayzâde Maksud Giray Kırım Hanlığı'na uygun görülmüş ve 1771'de ikinci kez hanlık makamına getirilmiştir. Han Kırım Girayzâde Baht Giray'ı kendine kalgay tayin etmiştir. Baht Giray, Osmanlı Devleti'nin yardımıyla "*Kırım ahalisini kendülere celb ve Moskov ile olan mu'ahedelerin tagyir ve varup Çerkes'i tahrik birle Kırım'a havale*" ile görevlendirilmiştir. Maksud Giray Han, on bin kişiyi aşan Tatar ordusuyla Şumnu'ya gelmiş ancak Osmanlı ordusu askerlerinin bile iaşe zorluğu çektiği bir zamanda olunduğu için 14 Aralık 1771'de yanındaki dört oğlu ve maiyyetiyle Rusçuk'a gönderilmiştir.[46] Burada yanındaki maiyyeti Osmanlı Devleti tarafından verilen tayinata kanaat etmeyerek fakir fukaranın mallarını gasp etmeye başlamıştır.[47] Bunun üzerine mağdur olan köylüler durumu vezire bildirmişlerdir.

[44] BOA, AE.SMST.III. 227/17990, 13 Rabiulevvel 1183 / 17 Temmuz 1769.

[45] 1771 yılının sonlarında yapılan toplantıya Maksud Giray'ın yanısıra eski hanlardan IV. Devlet Giray da katılmıştır [BOA, TSMA.e. 488/11, 25 Receb 1185 / 3 Kasım 1771].

[46] Maksud Giray Han, Şumnu'ya geldikten sonra yanındaki emektarları için akçe talep etmiştir. Ancak Han'ın bu talebi, bazı mukataalardan Kırım hanlarının adamlarına ödenecek meblağın sadrazamın emriyle 300 akçe ile sınırlandırıldığı belirtilerek reddedilmiştir [BOA, TSMA.e. 791/59, 29 Zilhicce 1185 / 3 Nisan 1772].

[47] Hazergrad ve civarındaki kadılara gönderilen 5 Ocak 1772 tarihli hükümde, Rusçuk'ta bulunan Maksud Giray Han ve maiyyetine iaşe sağlanmasına dair emirler verilmiştir [BOA, C.AS. 1016/44533, 29 Ramazan 1185 / 5 Ocak 1772]. Ayrıca Maksud Giray Han'a hazineden her ay otuz beş bin kuruş tahsis edilmiştir [28, s. 564]. Maksud

Babıali'den Maksud Giray Han'a bir hatt-ı hümayun gönderilip, "Tatarlar din uğruna savaşmadıkları için Ruslar onların ata topraklarını işgal ettiler, eğer Tatar halkının gayretsiz davrandıklarını ve dünya malına meylettiklerini öğrenirlerse nasıl muamele edecekleri bellidir. Biz sizin ata topraklarınızı kurtarmanıza yardım ederken sizin tayinatımızla yetinmeyip askerlerinizle milletimizi soymanızın ne ile sonuçlanacağını bilmelisiniz." denilerek Han'ın maiyetindeki Tatarlar kontrol altına alınmıştır [31, s. 84; 28, s. 564].[48]

Maksud Giray Han, Fokşan'da barış görüşmelerinin sürdüğü, Tatar askerleri ve mirzalarının Kırım'a dönmelerine izin verildiği sırada emrine beş yüz kadar asker alıp Rusçuk'tan çıkacağını, Niğbolu'daki birliklerle birleşip düşmana saldıracağını bildirmiştir[49]. Han'ın bu hareketinin barış görüşmelerini baltalayacağı bilindiği için geri dönmesi emredilmiştir [28, s. 564]. Barış müzakereleri olumlu netice vermeyince Maksud Giray Han'a bir nâme-i hümayûn gönderilmiş, Ruslarla anlaşma sağlanamadığı için savaşın devam edeceği ve işgal edilen arazilerin kurtarılması adına kendisine çok görev düştüğü bildirilmiştir[50]. Bükreş'teki müzakereler yarar sağlamayınca Kırım'dan gelen talepler üzerine sabık hanlardan Devlet Giray, çiftliğinden İstanbul'a çağrılmıştır [28, s. 565]. Kırım halkının canı ve malının selameti için Ruslarla sulhen bir anlaşma yapılmak istenmiş, ancak Ruslar'ın anlaşmaya uymamaları üzerine Karadeniz sahillerinden yirmi bin asker toplanıp Sinop'tan gemilerle Kırım'a geçirilmesi planlanmıştır. Canikli Ali Paşa'ya üç tuğ verilip Devlet Giray ile Kırım'a gönderilmesine karar verildi. Bu harekâtı haber alan Maksud Giray Han kendisinin halen han iken başka bir Tatar Sultanının Kırım'a gönderilmesine sitem etmiş, Niğbolu'yu[51] muhafaza ettiği sırada habersiz bir şekilde maiyyetiyle birlikte Fındıklı'daki çiftliğine çekilmiştir. Düşmana mukabeleden geri durması azledilmesine sebep olmuş, önce Tırhala'ya sürgün edilmiş ardından affedilerek Samakov'a[52], daha sonra da Tatarpazarı semtine gönderilmiştir [31,

Giray Han ve maiyyetindeki sultan mirza ve Tatarlara Rusçuk'ta bulundukları süre boyunca tayinatları verilmiştir [BOA, C.AS. 638/26862, 29 Zilhicce1185 / 3 Nisan 1772; BOA, C.MTZ. 7/315, 14 Ramazan 1186 / 9 Aralık 1772].

[48] Maksud Giray Han, sadaret makamına gönderdiği 4 Şubat 1773 tarihli takrirde, Devlet Giray Sultan'ın maiyyetindeki birkaç Tatar'ın eşkiyalık faaliyetlerine giriştiğini, zikrolunan eşkiyaların yakalanıp cezalandırılmak üzere hapsedildiğini bildirmiştir [BOA, C.MTZ. 8/367, 12 Zilkade 1186 / 4 Şubat 1773].

[49] BOA, HAT, 7/255, 1 Muharrem 1187 / 25 Mart 1773.

[50] BOA, A.DVNS.NMH.d. 9/29, 20 Muharrem 1187 / 13 Nisan 1773.

[51] BOA, C.AS. 882/37904, 29 Zilhicce 1187 / 13 Mart 1774. Maksud Giray Han, Niğbolu'yu muhafaza ettiği sıralarda Vezir Süleyman Paşa ile bir olup, Niğbolu Nüzül Emini ve Varnalızade Hacı İbrahim Ağa'ya on beş bin kuruş tahsis edilmesinde aracı olmuştur.

[52] BOA, TSMA.e. 788/76, 29 Zilhicce 1187 / 13 Mart 1774.

s. 102]. Hayatının geri kalanını çiftliğinde[53] geçiren Maksud Giray, Eylül 1781'de yaklaşık altmış yaşlarında vefat etmiştir[54].

Maksud Giray'ın Gelirleri: Kırım Hanlığı'nın yönetimindeki Cengizli Sultanlarının her biri gibi Maksud Giray Han'ın gelirleri de Osmanlı Devleti tarafından kendilerine tahsis edilen hasların mukataası mallarından karşılanmaktaydı. Maksud Giray'ın gelirlerine dair ilk belgeler *Cengiz Sultanı* unvanıyla anıldığı 1745 yılına dayanmaktadır. 13 Ağustos 1745 tarihli belgeye göre; Cengiz Sultanlarından Maksud Giray'ın salyanesi Eski İstanbulluk ve Garlıca hasları mukataası malından ödenmiştir.[55] Maksud Giray, bunların yanında Edirne ve ona tabi hasların mukataası malından da gelir elde etmiştir.[56] Selamet Giray'ın ölümüyle birlikte onun tasarrufunda bulunan Kütahya ve Karahisar-ı Sahip sancaklarındaki Menteşe ve ona tabi olan mukataalar 1751 yılında Maksud Giray'a tevcih edilmiş, vefatına kadar onun tasarrufunda kalmıştır[57]. İlerleyen yıllarda Maksud Giray'ın salyanesi İstanbul,

[53] Maksud Giray'ın, azledildiği dönemlerde Rumeli'deki çiftliğinde ikamet ederken hem halk hem de Osmanlı Devleti tarafından oldukça itibar gördüğü bilinmektedir [25, s. 88]. Maksud Giray Sultan, kalgaylıktan azledildikten sonra 1765 yılında çiftliğinde bulunurken, Osman adındaki Siroz ayanının Kavala Kalesi'nde çarptırıldığı kalebendlik cezasına razı gelmeyip firar etmiştir. Bunun üzerine Maksud Giray devreye girmiş, Osman'ın ayanlık iddiasında bulunmaması, Siroza gitmemesi ve Edirne'de ikamet etmesi şartlarıyla affedilmesine dair bir mektup kaleme alıp Babıâli'ye göndermiştir [BOA, C.ZB. 4/190, 29 Zilhicce 1178 / 19 Haziran 1765]. Ayanın Maksud Giray Sultan'ın himayesine sığınıp sığınmadığı bilinmemektedir. Ancak Sultan'ın kendisini koruyup Edirne'de ikamet ettirdiği aşikardır. Maksud Giray'ın ömrünün son yıllarındayden de aynı şekilde itibar gördüğü görülmektedir. 1780 yılında Silivri eşrafından Haseki İbrahim, Hacı Ali, Hafız oğlu Ahmed, Serdar Süleyman ve arkadaşlarının, haklarında yakalama emri çıktığı için Rumeli'ye kaçarak Maksud Giray'ın yanına sığındıkları bilinmektedir [BOA, AE.SABH.I.156/10466, 20 Receb 1194 / 22 Temmuz 1780].

[54] BOA, C.MTZ. 13/624, 18 Şevval 1195 / 7 Ekim 1781. Maksud Giray vefat edince mahlûlü Budaklı Hasan'ın evlatlarına devredilmiş [BOA, C.MTZ. 13/624, 18 Şevval 1195 / 7 Ekim 1781], ocaklığı olan paranın yarısı hazineye verilmiş, diğer yarısı ise oğulları Azamet Giray, İnayet Giray ve Numan Giray arasında paylaştırılmıştır [BOA, C.ML. 725/29664, 19 Şevval 1195 / 8 Ekim 1781]. Ayrıca Maksud Giray'ın Uşak civarında bulunan üç mukataası da Esma Sultan Kethüdası Mehmet'e tevcih olunmuştur [BOA, C.ML. 683/28055, 26 Zilhicce 1195 / 13 Aralık 1781].

[55] BOA, AE.SMHD.I. 248/20255, 15 Recep 1158 / 13 Ağustos 1745.

[56] BOA, AE.SMHD.I. 245/19931, 24 Rabiulahir 1162 / 13 Nisan 1749; BOA, AE.SMHD.I. 190/14820, 2 Cemazeyilevvel 1163 / 9 Nisan 1750; BOA, AE.SOSM.III. 60/4428, 09 Şaban 1169 / 9 Mayıs 1756; BOA, AE.SOSM.III. 68/5172, 15 Şevval 1170 / 3 Temmuz 1757; BOA, C.MTZ. 10/452, 17 Zilkade 1174 / 20 Haziran 1761; BOA, C.MTZ. 18/890, 29 Zilhicce 1178 / 19 Haziran 1765; BOA, AE.SMST.III. 307/24680, 1 Şevval 1182 / 8 Şubat 1769.

[57] BOA, AE.SMHD.I. 5/327, 13 Rabiulevvel 1164 / 9 Şubat 1751; BOA, AE.SABH.I. 160/10631, 15 Şevval 1188 / 19 Aralık 1774. 1775 yılında, Maksud Giray'ın haslarından olan Çivril karyesinden gelen şekavet ve tecavüz ihbarlarının asılsız

Şumnu, Kefe, Yanbolu, Keremlioğlu gibi çeşitli mukataa ve gümrüklerin mallarından da ödenmiştir. Maksud Giray, gelirlerinin aksamaması için kendine tahsis edilen hasları korumuş[58] gerektiği zaman Osmanlı Devleti'ne ricada bulunmuştur[59].

2. Maksud Giray Han Dönemi Sosyo–Kültürel, Sosyo–Ekonomik Konuların Diplomatik Yönü

Katolik Ermeniler Meselesi: Maksud Giray Han, tebaasına da din ve ırk ayrımı yapmadan şefkatle yaklaşmıştır. Bunun en güzel örneklerinden biri Ermenilerin refahiyyeti için verdiği yarlıktır. Kırım Hanlığı içerisinde Ermeniler, Katolik ve gayrı mezheptekiler olmak üzere iki grup halinde yaşamaktaydı. Ekonomik olarak daha zayıf oldukları bilinen Katolik Ermeniler, gayrı mezhepteki varlıklı Ermeni gruplar tarafından ezilmekteydi. Kırım hanları, iki grup arasındaki asayişi sağlamak adına bir *yarlığ-ı hakânî* ihsan ederek Katolik mezhebindeki Ermenilerin hak ve hürriyetlerini koruma altına almışlardır. 1740–1743 yılları arasında görev yapan I. Kaplan Girayzâde II. Selim Giray'dan başlayıp 1768 yılına kadar tahta çıkmış olan Kırım hanlarının her biri zikrolunan yarlığa kendi mühürlerini basarak kabul etmişlerdir. 15 Temmuz 1768'de Pierre Ruffin ile Baron de Tott, Maksud Giray Han'ın huzuruna gelip sohbet ettikleri esnada Tott'un Han'dan bir ricası olmuştur. Ruffin'in günlüğünde, "*Pes Konsol Beğ kalkub gitmezden evvel Katolik Ermeniler içün ötedenberü hanlar tarafper-i şerîflerinden virilegelen bir yarlığ-ı hakânî Maksud Giray Han efendimiz tarafından dahi mühürletmeye murâd idüb bu fakirin lisânıyla bu faslı söyledüb*" ifadeleriyle aktardığı üzere Baron de Tott, Katolik Ermenilerin durumunu Han'a anlatıp selefleri gibi onun da bahsedilen yarlığa mührünü basmasını talep etmiştir. Maksud Giray Han, "*ya böyle var mı nerede otururlar*" diye sorduğunda Tott, "*gerek Gözleve'de gerek Kefe ve Karasu'da*

olduğuna dair kayıtlardan anlaşıldığı üzere zikrolunan hasların halâ Maksud Giray'ın tasarrufunda bulunmaktaydı [BOA, C.HR. 138/6895, 6 Ramazan 1189 / 31 Ekim 1775; BOA, C.DH. 223/11133, 9 Şevval 1189 / 3 Aralık 1775].

[58] BOA, C.TZ. 144/7191, 19 Rabiulevvel 1189 / 20 Mayıs 1775.

[59] BOA, AE.SOSM.III. 44/3111, 15 Cemazeyilahir 1169 / 17 Mart 1756; BOA, AE.SOSM.III. 71/5417, 15 Safer 1171 / 29 Ekim 1757; BOA, C.MTZ. 14/682, 28 Muharrem 1194 / 4 Şubat 1780; BOA, C.HR. 130/6498, 2 Ramazan 1180 / 2 Şubat 1767; BOA, AE.SMST.III. 305/24428, 15 Safer 1181 / 13 Temmuz 1767; BOA, C.HR. 16/786, 21 Cemazeyilevvel 1181 / 15 Ekim 1767; BOA, C.ML. 25/1171, 18 Şevval 1181 / 8 Mart 1768; BOA, C.MTZ. 1/27, 29 Şaban 1189 / 24 Ekim 1775; BOA, C.MTZ. 11/516, 24 Şevval 1189 / 18 Aralık 1775; BOA, AE.SABH.I. 144/9673, 3 Safer 1190 / 24 Mart 1776; BOA, C.HR. 80/3979, 21 Rabiulahir 1190 / 9 Haziran 1776; BOA, C.HR. 126/6295, 29 Şaban 1190 / 13 Ekim 1776; BOA, C.HR. 122/6093, 22 Rabiulevvel 1191 / 1 Mayıs 1777; BOA, AE.SABH.I. 348/24326, 18 Cemazeyilahir 1191 / 24 Temmuz 1777; BOA, AE.SABH.I. 200/13398, 19 Şaban 1191 / 22 Eylül 1777; BOA, C.MTZ. 14/682, 28 Muharrem 1194 / 4 Şubat 1780; BOA, AE.SABH.I. 91/6277, 25 Şaban 1194 / 26 Ağustos 1780; BOA, C.MTZ. 6/280, 15 Şaban 1195 / 6 Ağustos 1785.

seksen doksan mikdârı Katolik vardur efendimizin en vefâdâr re'âyâları anlardır dâ'imâ efendimizin ömr-ü devletleri devâmına du'âcılardır" şeklinde cevap vererek Han'ı ikna etmiştir. Ertesi gün Han, zikrolunan yarlığı mühürleyip Ruffin aracılığıyla Tott'a ulaştırmıştır [25, s.62–64]. *Yarlığ-ı hakanî*nin sureti;

Kırım adasının 'umûmen harâcgüzâr olan Ermeniyân tâ'ifesinin ak baş ve papas ve sâ'ir rü'esâ ve ehl-i tüccârdan misâfir ve sâ'ir rencber Ermeniyân tâ'ifelerine yarlığ-ı şerîf-i hanî budur ki öteden berü Ermeniyân tâ'ifelerinin mezhebleri iki fırka olub biri Katolik öbürü gayrı mezheb olduğundan ol vechle gayri mezheb olanları Katolik olan Ermeniyân'a mücerred iktizâî nefsaniyetleri üzre icrâî garaz birle haliminde ifsâd ve gamz idüb her-bâr tahvîf ve dürlü dürlü cevr ve eziyyet ile kendülerini tazyîk ve gadr eylediklerinden nâşî Katolik olan tâ'ifeler nâçâr (.) perâkende ve perişan ve bî-huzûr olduklarından pâdişâh re'âyâları bî vech bu misillü azürde ve remîde olmağla zulm ve te'addîlerini bu Katolik olan tâ'ifelerinin üzerinden men' ü def' üzerimize lâzım olmağla hâl-i perîşânlarına merhameten yerlerine işbu yarlığ-ı baliğ sa'âdet teblîğ-i hâkânî virdim buyurdum ki gerek Bağçesaray ve gerek Karasu ve Gözleve ve Kefe ve sâ'ir Kırım içinde mevcûd olan Ermeniyân tâ'ifeleri sizlerin meyânenizde bu misillü mezheb gavgasıyla birbirlerinizi ve bâ-husûs Ermeniyân olan Katolik tâ'ifesini vechen mine'l-vücûh rencîde ve remîde eylediklerinize rızâmız yokdur ve ba'de'l-yevm dahi tâ'ife-i merkûmeye Katolik ve Frengsiz deyü hâkim ve zâbitlere gamz ve efsâd ile nizâ' ve fezâ'larınız zuhûru malûmumuz olur ise muhkem haklarınızdan gelinür zecr ü nefy olunub zahmet çekersiz ve bundan sonra tâ'ife-yi mezbûreye bir vechle dahl ve ta'arruz itmeyesiz şöyle bilesiz.

Mühür Yerleri
[Selim Giray ibn Fetih Giray Han]
[Arslan Giray Han ibn Devlet Giray Han]
[Selim Giray İbn Selamet Giray] [Yanlış Kaplan Giray]
[Maksud Giray Han ibn Selâmet Giray]
[Kırım Giray İbn Devlet Giray]
Halim Giray mührü başka bir yer-i suretde basılmıştur
[Halim Giray ibn Saadet] [25, s. 65–67]

Maksud Giray Han'ın Katolik Ermenileri, gayrı mezhepteki Ermenilere karşı himaye etmesi, Baron de Tott ve Pierre Ruffin'in girişimleri sonucunda gerçekleşmiştir. Her ne kadar dinî bir mesele olarak görülse de siyasî boyutu dini boyutundan çok daha büyüktür. Zira Fransa'nın söz konusu hamlesi, Lehistan'da süregelen Katolik–Ortodoks çatışmasında, Fransa'nın Katoliklerin hamiliğini üs-

tlenme gayretinin Kırım Hanlığı sahnesindeki nüshası olarak görülmelidir. Han, söz konusu onayı vererek, kendinden önceki üç selefinin yaptığını devam ettirmiş olsa da bu onay Fransa cephesinde Ruffin'in günlüğüne göre Tott'un başarı hanesine yazılmıştır.

Fransa Kralına Hitap Meselesi: Fransa Kralı tarafından Kırım Hanı Arslan Giray Han'a gönderilen Baron de Tott, Kral'ın Han'a yazdığı mektubu da beraberinde getirmekteydi. Tott Bahçesaray'a ulaşamadan Arslan Giray Han'ın ölüm haberini almış, Kral'ın emriyle mektubu Maksud Giray Han'a sunmuştur. Böylece Kral'ın mektubuna verilecek cevabı Maksud Giray Han belirleyecekti. Fransa Dışişleri Bakanlığı'ndan Tott'a gönderilen talimatlarda cevap mektubunun dikkatlice hazırlanması belirtiliyor, özellikle Osmanlı Padişahları'nın Fransa Kralları için kullandıkları unvanların mektupta bulunması isteniyordu [35, s. 80]. Tott, ayrıca Han'ın Fransa Kralı'na göndereceği mektupta, kendisinin Bahçesaray'daki hizmetlerinin beğenildiğini ve buraya gelişinden hoşnut olunduğunu belirtmesini istemiştir [25, s. 101–103; 35, s. 158]. Tott, Han'ın mektup meselesindeki isteksiz tavrını hissetmiş olacak ki Kadıasker, Müftü ve Büyük Ağa'dan Han'ı ikna etmek için yardım istemekteydi. Tott, İstanbul'dan örnek bir mektup getirterek Divan Efendisine sunmuştur. Söz konusu mektupta Osmanlı padişahları ile Kırım hanlarının Fransa Kralı'na "padişah" şeklinde hitap ettikleri görülmektedir. Mektupların Divan'da okunmasının ardından Han, "*bir gavur krala nasıl padişah derim*" diye hayıflanmaktaydı [25, s. 125–126]. Dolayısıyla Han, mektubunu Tott'un Kırım'dan ayrılacağı günlerde yazacağını belirterek onun istediği minvalde bir mektup yazmamış kısa zaman sonra da azledilmiştir [6, s. 58].

Ticarî Gelişmeler: Gümrük Vergi İndirimi ve Balıklava veya Gözleve'de Fransa'ya Gümrük Kapısı Açılması Talebi:

Fransızların Kırım ve Karadeniz havalisinin zengin ticaretine ortak olma çabaları Maksud Giray Han devrinde son noktasına ulaşmıştır. Han'ın yanında bulunan Fransız diplomatlar ticarî ilişkilerde de aktif bir rol almaktaydılar. Bu doğrultuda Baron de Tott'a verilen ilk ticarî emirlerden biri Tatarlardan Fransız süvari birlikleri için at temin edilmesi olmuştur. Tott, bu meseleyi Balta ve Tombasar kasabalarının voyvodası olan Yakup Ağa ile halletmek istemiştir. Ancak 1767 kışının sert geçmesi sebebiyle Nogay atlarının beslenememiş olması alışverişi geciktirmiştir [6, s. 48].

Fransız diplomatik misyonu uzun vadede Kırım Hanlığı ile doğrudan ticaret yapmayı, Fransa Devleti'ni Karadenize geçirerek Rusya ve Türkistan pazarına ulaşmayı amaçlamaktaydı. Fransız gemileri Karadeniz'e giremiyor, Fransız tüccarlar mallarını Osmanlı gemileri ile taşıyarak ticaret yapılabiliyordu. Baron de Tott, Kırım'daki görevinin ilk günlerinde ticaret meselesini Han'a açmıştır. Han, Fransız tüccarların Kırım'da ticaret yapmalarını istemekteydi. Tott ise ticaretin gelişmesi ve tüccarların teşvik edilmesinin Kırım Hanlığı ile Fransa Devleti arasında yapılacak karşılıklı anlaşmalarla mümkün olacağını belirtmekteydi. Kırım'a sokulan tüm ürünler Kefe Limanı'ndan giriş yapmakta, ağır vergilere tabi tutulmaktaydılar. Tott, bu durumu fark edince Han ile görüşerek Fransız malları için gümrük vergisini %2

oranında sabitlemek istemiştir. Han, Kefe gümrüğünün Osmanlı Devleti'nin kontrolünde olduğunu belirtince Tott, Kefe gümrüğü nazırına bir mektup göndermiş, Fransızların Kefe ve Kırım'daki ticarî işlerinin, sahip oldukları kapitülasyonlara göre düzenlenmesini talep etmiştir. Kefe'ye ulaşan ürünler için her gümrükte ayrı ayrı vergi talep edilmesi Fransızları yeni arayışlara sevk etmiştir. Fransa Dışişleri Bakanı tarafından Baron de Tott'a gönderilen talimatlarda Fransız ürünlerinin Kefe'den değil, Han'ın hâkimiyetindeki Balıklava ve Gözleve limanları üzerinden Kırım'a sokulması istenmiştir [6, s. 48–49]. Kırım hanlarının böyle bir yetkisi olmadığı gibi Kefe gümrüğünün gelirlerinin kesileceği göz önüne alınırsa Osmanlı Devleti'nin bu işe sıcak bakmayacağı açık olup, hatta Han'ın ihanetle suçlanarak azliyle sonuçlanması muhtemeldir.

Kırım hanlarının, doğrudan Osmanlı Devleti'ne bağlı olan Kefe Gümrüğü'nde herhangi bir hakları bulunmamaktaydı. Ancak Osmanlı Devleti'nin Kefe'ye tayin ettiği nazırlar Kırım hanlarına yılda "*on iki kese akçe-i rûmi*[60]" vermekle yükümlü kılınmışlardır [25, s. 6]. Maksud Giray Han zamanında Kefe Gümrüğü[61] nazırı olan Mehmed Ağa, zikrolunan meblağı vermekte gecikince Han ile aralarında bir gerginlik yaşanmıştır. Han'ın Kefe'ye gönderdiği Abdulkadir Çelebi, adamlarıyla birlikte gümrüğü basmış, yaşanan olaylar gümrüğün altı gün kapalı kalmasına neden olmuştur. Baskın sonucunda Nazır Mehmed Ağa Kefe gümrüğünü bırakıp kaçmış daha sonra Bahçesaray'a gelip Maksud Giray Han'dan af dilemiştir. Nazır Mehmed Ağa, affedilmesinin ardından can güvenliği bulunmadığı gerekçesiyle Kefe Gümrüğü'ndeki görevini bırakarak İstanbul'a dönmüştür [6, s. 49; 22, s. 197–198].

Sonuç. Osmanlı Devleti'nin kuzey sınırlarını teşkil eden, buradan Osmanlı topraklarına gelebilecek tehlikeleri önleyen Kırım Hanlığı, coğrafi bakımdan stratejik bir konumda bulunmuştur. Osmanlı Devleti, Hanlığın kendi çıkarlarına uygun yönetilmesini önemsemekteydi, dolayısıyla tahta çıkacak müstakbel hanları ve Hanlığın iç dinamiklerini kontrol altında tutmuştur. Zikrolunan müdahale Kırım Hanlarının mutlak bir sadakat ile Osmanlı padişahlarına bağlı kalmasını, başarısız görülen hanların kolaylıkla azledilmelerini beraberinde getirmiştir.

Kırım Hanlığı coğrafyasının stratejik önemi yalnızca Osmanlı Devleti için değil, Fransa Devleti için de dikkat çekiciydi. 1764 yılında Lehistan tahtına Rus destekli Ortodoks bir kralın seçilmesi, Avrupa'daki Katolik devletler tarafından endişe ile karşılanmıştır. Zikrolunan devletlerin başını çeken Fransa Devleti, dış politikasında değişikliğe giderek Rusya'nın batıya ilerleyişini durduracak bir Türk–Rus çatışması oluşturmak ve Osmanlı Devleti ile Rusya'yı birbirleriyle meşgul

[60] Osmanlı akçesi.

[61] Osmanlı Devleti tarafından Maksud Giray Han'ın yanına gönderilen Mehmet ile Mehmet Emin adındaki iki memur, kendilerine verilen mektupları Han'a iletmiştir. Zikrolunan memurlar padişaha gönderdikleri arzda, Kırım Hanı'nın kendilerine sadık olduğunu, Taman bölgesinden elde edilen buğdayın yerli neferler ocaklıklarına tahsis edildiğini ve Kefe'deki mukataalar hakkındaki hususları padişaha arz etmişlerdir [BOA, TSMA.e. 758/7, 27 Zilkade 1181 / 15 Nisan 1768].

etmek üzerine bir politika benimsemiştir. Dolayısıyla Fransa Dışişleri Bakanlığı'nın 1767 yılında Kırım'a asker kökenli güçlü bir temsilci olan Baron de Tott'u göndermesi, dış politikasını askerî çatışma üzerine kurduğunun kanıtıdır.

Maksud Giray Han, Kırım Hanlığı'nın Rus hâkimiyetine girmesinden hemen önce Osmanlı Devleti tarafından iki kez tahta çıkarılmış olsa da her ikisinde de azledilerek hanlıktan çekilmek zorunda kalmıştır. Han, özellikle Lehistan meselesinde, Bahçesaray'da bulunan Fransa Konsolos'u Baron de Tott tarafından yönlendirilmiştir. Tott, Han'ın Lehistan konusunda Osmanlı Devleti'ni etkilemesi, hiç olmazsa bağımsız bir politika izlemesi için çabalamaktaydı. Nitekim Han, Kırım devlet ricali ile görüşmekten imtina ettiği meseleleri Fransa konsolosu ile görüşmüş, tartışmış ve buna göre hareket etmiştir. Babıâli'de tüm temsilcilere eşit mesafede durulurken Bahçesaray'da Fransızların diğer temsilciler karşısında üstün olduğu görülmüştür. Ancak Fransız temsilciler nihai hedefte Fransa Devleti'nin politikasını gütmekteydi. Han, bu durumun bilincinde olup Fransız girişimlerine temkinli yaklaşmış, Ruslara karşı harekete geçmek için Osmanlı Devleti'nden gelecek emirleri beklemiştir.

Lehistan tahtında Rus destekli Ortodoks bir kralı istemeyen Katolik muhalifler Şubat 1768'de Bar Konfederasyonu adıyla birleşmiş, Kırım Hanı'ndan askerî yardım talep etmiştir. Maksud Giray Han, bir yandan Fransız temsilcilerin istekleri bir yandan Osmanlı Devleti'nin ilgisizliği arasında kalmıştır. Han, Rusya ve Fransa üçgeninde deyim yerindeyse adeta ateş çemberi içerisinde kalmıştır. Lehistan sınırından gün aşırı gelen saldırı haberleri ve yardım talepleri, Han'ın yanında bulunan Fransız temsilcilerin bekledikleri fırsatı doğurmuştur. Fransız temsilciler, Kırım Hanlığı'nın Babıâli'den bağımsız hareket etmesi için uğraşlarını hızlandırmış, Han'ı Ruslara karşı harekete teşvik etmişlerdir. Han, Lehistan'dan kaçıp kendi topraklarına sığınan Lehlilere sahip çıkmak istiyordu, ancak bu kararı kendi başına alacak kadar bağımsız olmadığının da farkındaydı. Sınırdan gelen haberleri vakit kaybetmeden Babıâli'ye bildiriyor ancak net bir cevap alamıyordu. Babıâli'deki barış yanlısı devlet ricali savaşa sebep olacak herhangi bir hamleden kaçınmaktaydı. Padişah III. Mustafa'nın barış yanlılarını tasfiye etmesinin ardından göreve gelen savaş yanlısı bakanların kurbanı olan Han, Rusya'ya karşı savaş ilan (Ekim 1768) edilmesinin akabinde, savaş ehli olmadığı gerekçesiyle azledilmiştir. Zikrolunan savaş sürerken tekrar göreve getirilen Maksud Giray Han, ikinci hanlık döneminde de savaşta yararlılık gösteremediği gerekçesiyle azledilmiştir.

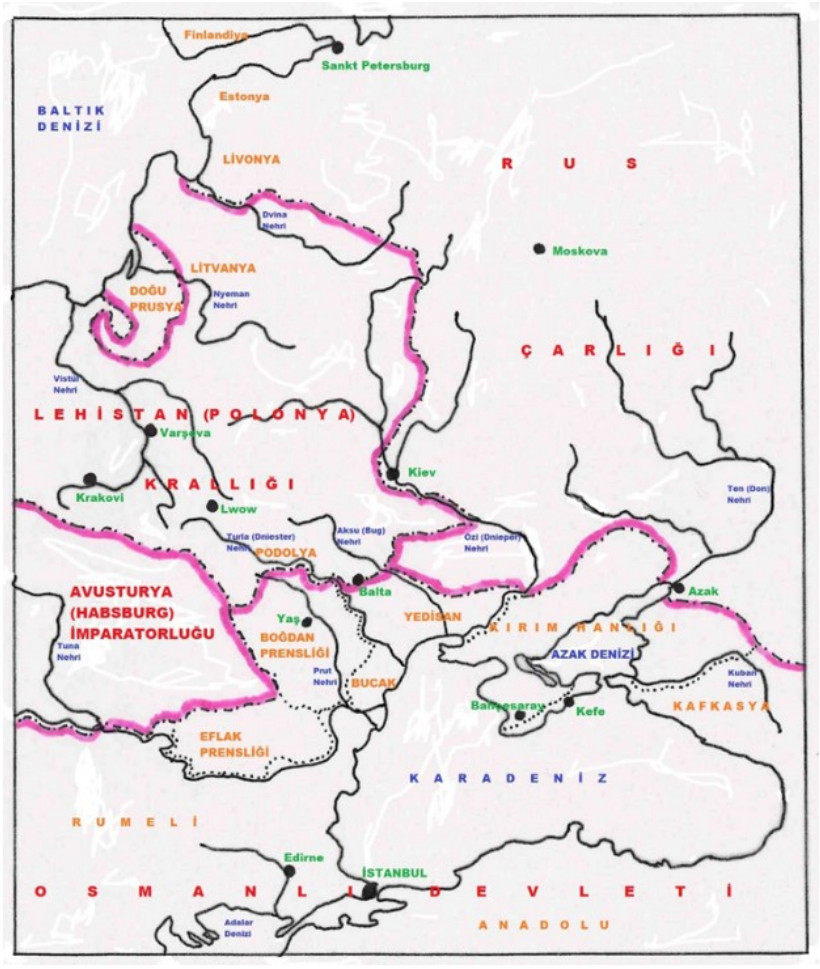
Çalışmamız, Maksud Giray Han'ı, kişiliğini ve devlet yönetimini Fransa'nın Kırım Konsolosluk tercümanı Pierre Ruffin'in gözünden, Kırım Hanlığı'nın idare merkezi olan Bahçesaray'dan incelemiştir. Zikrolunan dönemde gelişen olayların Bahçesaray'a yansımalarını, Han'ın ve devlet ricalinin olaylar karşısındaki tepkilerini, fikir ve tutumlarını ortaya koymuştur. Han, görevde bulunduğu ilk dönemde (1767–1768), 1768–1774 Türk–Rus Harbi'ne gidilen sürecin baş aktörlerinden biri olmuştur. Fransa, Rusya ve Osmanlı Devleti üçgeninde siyaset geliştirmeye çalışan Han, Rusya'nın baskılarına maruz kalan, sıcak çatışmaların odak noktasında bulunan Kırım Hanlığı'nı tehlikelere karşı muhafaza etmenin yollarını aramıştır.

Maksud Giray Han'ın dönemi hakkındaki kaynakların kıtlığı genel kanıyı mevcut bilgiler üzerine yoğunlaştırmaktaydı. Dolayısıyla Kırım yerel kaynaklarında hakkında neredeyse hiç bilgi bulunmayan, Osmanlı kroniklerinde ise bir iki cümle ile geçiştirilen Maksud Giray Han, yeterince tanınmamış, Osmanlı vakanüvislerinin kendisine yakıştırdığı "korkaklık" yaftasıyla tarihe mâl olmuştur.

Maksud Giray Han'ın vesveseli mizacı kendi devrinde görevde bulunan Kadıasker Efendi'nin sözleriyle de delillendirilmiştir. Hatta Baron de Tott dahi ilk izlenimlerinde Han'ı hareminden dışarı çıkmayan biri olarak betimlemekteydi. Çalışmamızda Han'ın olaylar karşısında bahsedildiği kadar tepkisiz kalmadığı, her ne kadar Babıâli tarafından takip edilen barış politikasına uygun hareket etse de kendi politikasını icra etmeye gayret gösterdiği görülmektedir. Buna rağmen Han'ın Babıâli karşısında göstermiş olduğu sadakat, onun savaş aleyhtarlığıyla ve cesaretsizlikle suçlanmasına neden olmuştur.

Fransa Devleti, temsilcileri aracılığıyla Karadeniz ticaretinde söz sahibi olmaya çalışmıştır. Fransız temsilciler, bu süreçte Fransız ticaretini, Osmanlı Devleti'nden edinilen kapitülasyonlar aracılığıyla Kırım üzerinden Rusya ve Türkistan pazarına dahil etmeye çalışmışlardır. Ancak Babıâli'nin uyguladığı ticaret politikası, Fransızları ağır gümrük vergileriyle karşı karşıya getirmiştir. Vergilerden kaçmanın yollarını arayan Fransız temsilciler, Fransız ürünlerinin Osmanlı padişahına ait Kefe gümrüğü yerine Kırım Hanı'na ait limanlar aracılığıyla Kırım'a sokulmasını teklif etmişlerdir. Fransa makamları Osmanlı Devleti'ni saf dışı bırakarak doğrudan Kırım Hanı ile bir ticaret anlaşması yapmak istemiştir. Fransız temsilciler, Kefe'de başlayan ticari girişimleri, yakın ilişki içerisinde oldukları Kırım Hanı'na ait bölgelere taşımak istemişlerdir. Temsilciler ayrıca gümrük vergisi ve ticaret anlaşması konusunda Kırım Hanı ve devlet ricali ile pazarlıklara girişmişlerdir.

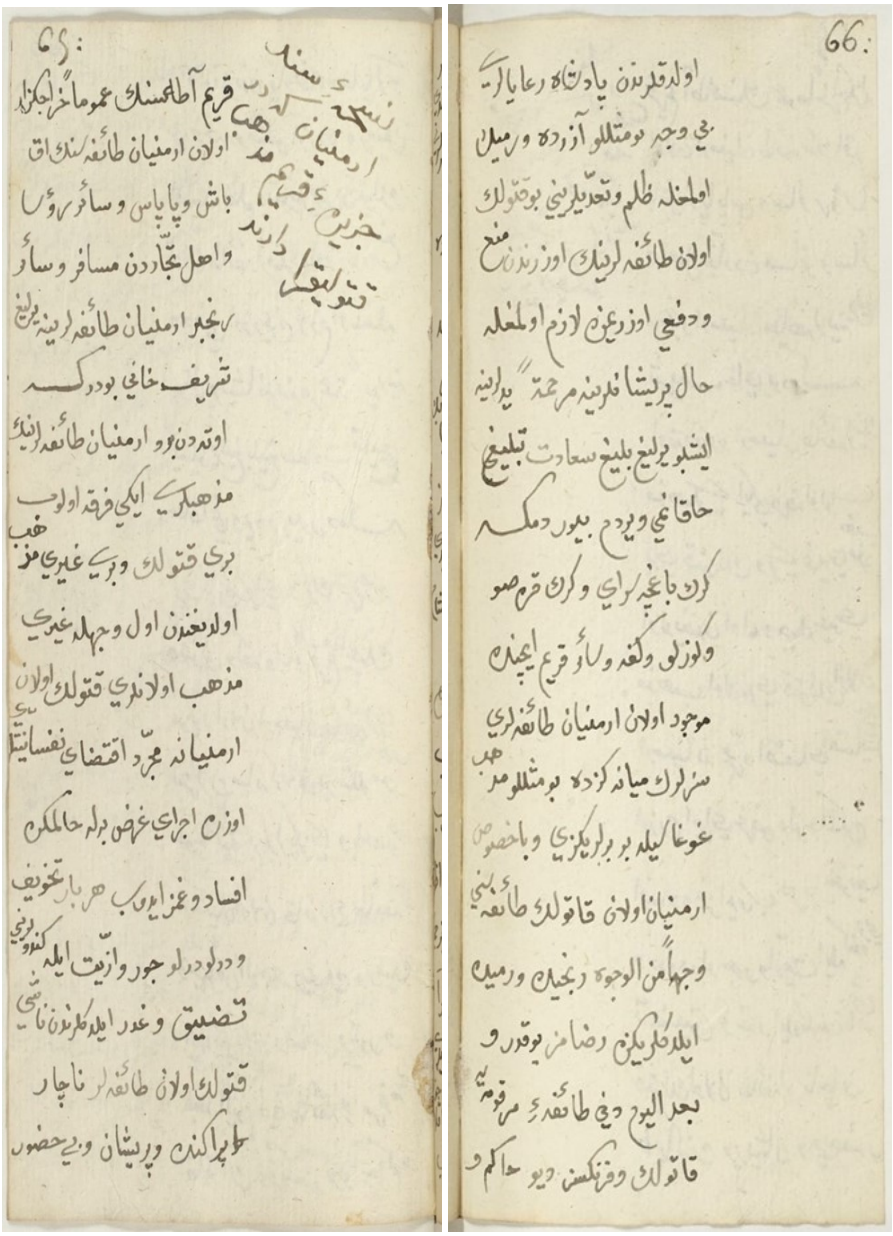
Kırım yerel kaynaklarının 1758 yılında kesildiği, bahsettiğimiz yıllarda Kırım'da –bilinen– herhangi bir yerel tarih yazımının bulunmadığı görülmektedir. Tarihçiler bu eksikliği gidermek için Osmanlı kroniklerine başvurmuşlardır. Çalışmamızda ele aldığımız Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü ve onu destekleyen diplomat mektupları, dönemi, devletin yönetim merkezi olan Bahçesaray'dan gözlemlemesi açısından oldukça kıymetlidir. Dolayısıyla söz konusu diplomatik kayıtlar Kırım Tarihi'nin aydınlatılması noktasında peşlerine düşülmeye değecek mahiyettelerdir.



Resim 1. Harita: Osmanlı-Rus Savaşı (1768–1774) öncesinde Doğu Avrupa'daki siyasî durum[62]

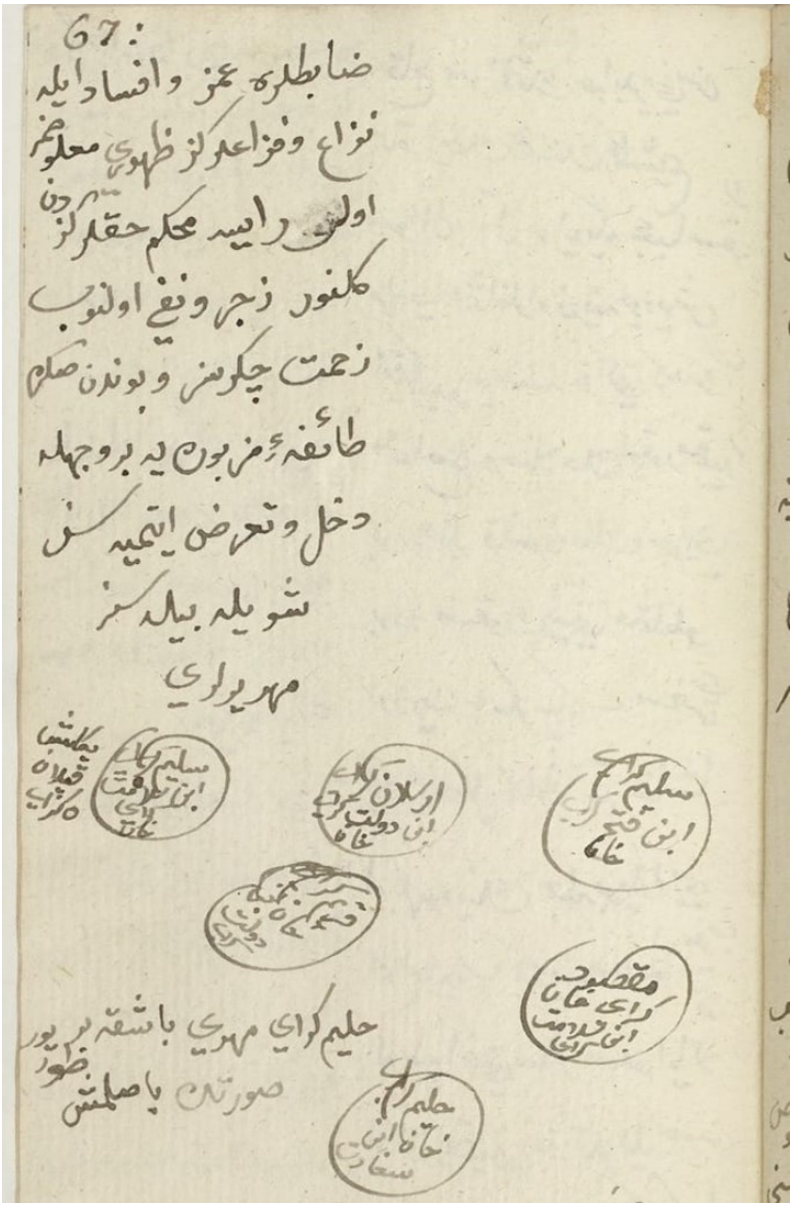
Fig. 1. Map: The Political Situation in Eastern Europe before the Russo-Ottoman War (1768–1774)

[62] Söz konusu harita, Pierre Ruffin'in eserindeki verilere göre Dr. Öğr. Üyesi Mustafa Altunbay tarafından tasarlanıp çizilmiştir. Katkıları için değerli Hocam'a teşekkürlerimi sunarım.



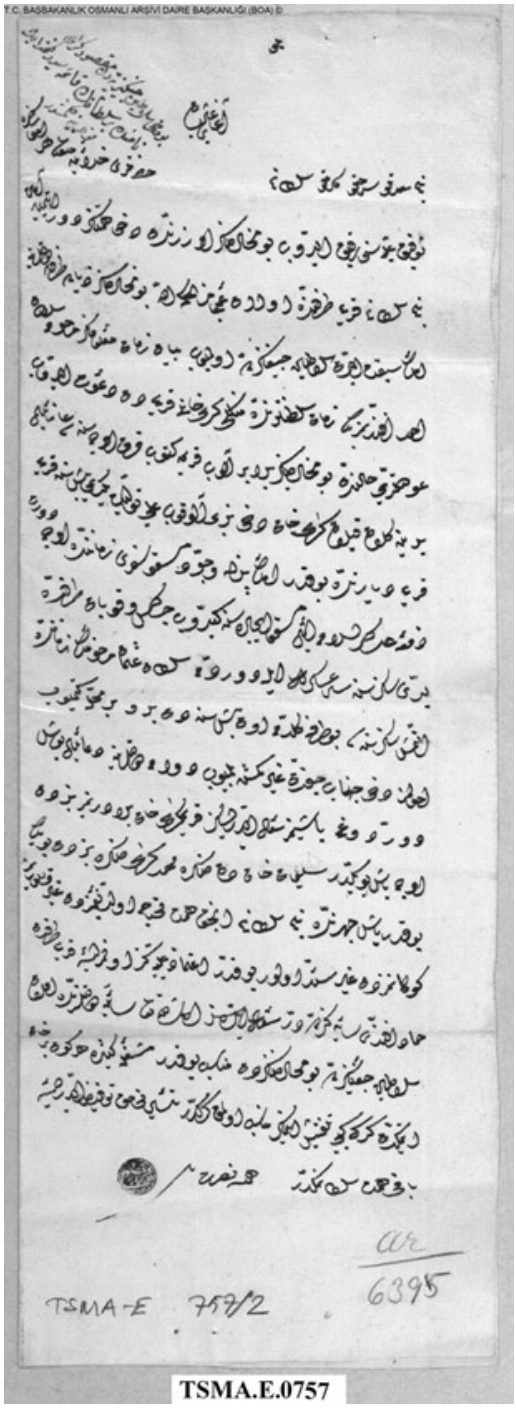
Resim 2. Pierre Ruffin'in Günlüğü'nden Katolik Ermenileri Himâye Yarlığı [25, s. 65, 66, 67]

Fig. 2. The Decree of Protection for Catholic Armenians from Pierre Ruffin's Diary [25, p. 65, 66, 67]



Resim 2. Devamı. Pierre Ruffin'in Günlüğü'nden Katolik Ermenileri Himâye Yarlığı [25, s. 65, 66, 67]

Fig. 2. (Continuation) The Decree of Protection for Catholic Armenians from Pierre Ruffin's Diary [25, p. 65, 66, 67]



Resim 3. Maksud Giray tarafından Sadaret Kethüdâsına gönderilen mektup; Maksud Giray mektubunda Kırım Hanlığı'nın kendisinin hakkı olduğunu ve kendi tayininin uygun olacağını belirtmektedir [BOA, TSMA.e. 757/2, 29 Zilhicce 1180 / 28 Mayıs 1767]

Fig 3. The letter sent by Maksud Giray to the Grand Vizier Kethüdâ; in his letter, Maksud Giray states that the Crimean Khanate has its right and that his appointment is appropriate [BOA, TSMA.e. 757/2, 29 Zilhicce 1180 / 28 Mayıs 1767]

KAYNAKÇA

1. Abdulgaffar Kırımî. Umdetü'l Ahbâr. Haz. Derya Derin Paşaoğlu. Kazan: Şehabettin Mercani Tarih Enstitüsü Yayınları, 2014. 418 s.

2. Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. C: I, İstanbul: Hikmet Neşriyat, 1972. 550 s.

3. Baron de Tott. 18. Yüzyılda Türkler. Çev. M. Reşat Uzmen. İstanbul: Tercüman Yayınları, 1979. 323 s.

4. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü. Kırım Hanlarına Nâme-i Hümâyûn (2 Numaralı Name Defteri). İstanbul: 2013. 288 s.

5. Başer Alper. Bucak Tatarları. Yayımlanmamış Doktora Tezi, Afyonkarahisar: Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2010. 242 s.

6. Birinci Onur. Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü Işığında Maksud Giray Han Dönemi (1767–1768). Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2024. 120 s.

7. David Geza. Baron de Tott, François. TDV İslâm Ansiklopedisi, C.5. İstanbul: TDV Yayınları, 1992. s. 83-84.

8. Demir Uğur. 1768 Savaşı Öncesi Osmanlı Diplomasisi (1755–1768). Yayımlanmamış Doktora Tezi. İstanbul: Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 2012. 340 s.

9. Derin Paşaoğlu Derya. Altın Orda ve Kırım Sahasında Bozkır Aristokrasisinin Güçlü Temsilcileri: Emir Rektemür ve Şirin Mirzalar. Tarih Araştırmaları Dergisi, C.33, S.56. Ankara, 2014. s. 147–190.

10. Derin Paşaoğlu Derya. Emir Edigü (Edige) ve Oğullarının Nogay Ulusundaki Yeri. C.1. Crimean Historical Review, Kazan, 2016. s. 28–64.

11. Doğan Kadriye. Charles Gravier de Vergennes ve İstanbul Elçiliği. Yayımlanmamış Doktora Tezi. Bilecik: Bilecik Şeyh Edebali Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2022. 176 s.

12. Ferrari Nicole Kançal. Kırım'dan Kalan Miras Hansaray. İstanbul: Klasik Yayınları, 2005. 320 s.

13. Fisher Alan. Kırım Tatarları. Çev. Eşref Özbilen. İstanbul: Selenge Yayınları, 2009. 336 s.

14. Halim Giray. Gülbün-ü Hânân. Haz. Alper Başer ve Alper Günaydın. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Avrasya Enstitüsü Yayınları, 2013. 73 s.

15. İnalcık Halil. Kırım Hanlığı. TDV İslam Ansiklopedisi, C.25. Ankara: TDV Yayınları, 2022. s. 449–457.

16. İnalcık Halil. Kırım Hanlığı Tarihi Üzerine Araştırmalar (1441–1700). 4. Basım, İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2024. 593 s.

17. İvanics Maria. Bozkırda Bir Kabilenin Yükselişi: Şirinler. Çev. Mustafa Işık, Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi Kırım, Ed. Yücel Öztürk, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015. s. 53–71.

18. Kahraman Seyit Ali. Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi. 7. Kitap, C.2, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2011. 828 s.

19. Kara Sermüşten. V.V. Velyaminov–Zernov'un Kırım Yurtına ve Ol Taraflarga Dair Bolgan Yarlıglar ve Hatlar Eserine Göre Kırım Tarihi (1666 Adil Giray Han ve

1767 Arslan Giray Han Dönemi Arası. Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2024. 200 s.

20. Karpat Kemal. Bucak. TDV İslam Ansiklopedisi, C.6. İstanbul: TDV Yayınları, 1992. s. 341–343.

21. Kırımlı Hakan. Geraylar ve Osmanlılar. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2022. 1088 s.

22. Köse Ensar. Kırım'ın Sonbaharında Ticaret ve Diplomasi (1768–1769). Avrasya İncelemeleri Dergisi, C.12. S.2. İstanbul, 2023. s. 179–215.

23. Kurat Akdes Nimet. IV.– XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara: TTK Basımevi, 1972. 511 s.

24. Ögel Bahaeddin. Türklerde Devlet Anlayışı. Ötüken Yayınları, 3. Basım, İstanbul: 2019. 368 s.

25. Ruffin Pierre. Ruznâme-i Konsol Faransa dar Kırım. (Paris: Bibliotheque Nationale de France, Archives et Manuscrits de la Bibliotheque Universitaire des Langues et Civilisations, Manuscrits Turc, MS.TURC 189), Bahçesaray: 1768. 142 s.

26. Sağlam Nevzat. Ahmet Vasıf Efendi ve Mehâsinü'l-Âsâr ve Hakâ'iku'l-Ahbâr'ı 1166–1188 / 1752–1774 İnceleme ve Metin / Ankara: TTK Yayınları, 2020. 691 s.

27. Schamıloglu Uli. The Qaraçı Beys Of The Later Golden Horde: Notes On The Organization Of The Mongol World Empire. Archıvum Eurasıae Medii Aevi, IV. Wiesbaden, 1984. s. 283–297.

28. Smirnov Vasily. Osmanlı Dönemi Kırım Hanlığı. Çev. Ahsen Batur, İstanbul: Selenge Yayınları, 2016. 684 s.

29. Sorel Albert. On Sekizinci Asırda Mesele-i Şarkıyye ve Kaynarca Muahedesi. İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2016. 254 s.

30. Söylemez Yavuz. Kırım Hanlığı-Osmanlı Devleti Siyasi İlişkilerinde Rehin Usulü. Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi, C.4, S.2. Ankara, 2019. s. 84–109.

31. Şem'dânî-zâde. Şem'dânî-zâde Fındıklılı Süleyman Efendi Târihi Mür'i't-Tevârih. II. B. Haz. Münir Aktepe. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1980. 169 s.

32. Tansel Selahattin. Osmanlı Leh Münasebetleri 1764–1768. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih–Coğrafya Fakültesi Dergisi, C.4, S.1. Ankara, 1946. s. 69–84.

33. Tığlıoğlu Kapıcı Dilek. Fransız Kaynaklarına Göre Kırım Hanlığı (1700–1768). Yayımlanmamış Doktora Tezi, Ankara: Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2022. 308 s.

34. Tığlıoğlu Kapıcı Dilek. Küçük Tataristan'da Cizvitler: Kırım Hanlığı'nda Fransız Cizvit Misyonu'nun Kuruluşu (1706). Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi, C.33. Ankara, 2020. s. 247–272.

35. Toth Ferench. La Correspondance Consulaire de Crimee du Baron de Tott (1767–1770). İstanbul: Les Edition İsis, 2014. 266 s.

36. Uzunçarşılı İsmail Hakkı. Osmanlı Tarihi. C. 4. 5. Baskı. Ankara: TTK Yayınları, 2007. 681 s.

37. Ülküsal Müstecip. Kırım Türk–Tatarları Dünü Bugünü Yarını. İstanbul: Baha Matbaası, 1980. 366 s.

Yazar hakkında: Onur Birinci – Dr. Öğrencisi, Tarih Anabilim Dalı, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Karadeniz Teknik Üniversitesi (61040, Ortahisar, Trabzon, Türkiye); ORCİD: 0000-0002-4906-5441; birincionur61@gmail.com

Максуд Гирей хан в свете «Крымского дневника» Пьера Рюффена

Онур Бириндж
Караденизский технический университет

Аннотация. Целью данного исследования является рассмотрение государственного управления хана Максуд-Гирея (1767–1768 / 1771–1772), дважды восходившего на престол в критические периоды существования Крымского ханства. Исследование дипломатических отношений, существовавших внутри Крымского ханства в этот период, глазами Пьера Рюффена, французского дипломата и переводчика, активно служившего в Османской империи, царской России и Польше и на протяжении всей своей службы находившегося в тесном контакте с ханом в Бахчисарае. Цель данного исследования – оценить политический статус и геополитическое значение Крымского ханства, расположенного к северу от Черного моря, региона, находящегося под давлением с целью вовлечения в европейскую дипломатию. Кроме того, основными задачами данного исследования являются выявление, сбор и хронологическое изложение первоисточников о хане Максуд-Гирее – фигуре, редко упоминаемой в источниках, которую турецкие историки считают излишней, и которую Османская империя даже обвиняет в трусости. Цель данного исследования – поставить под сомнение достоверность этих утверждений. Работа представляет собой исследование, изучающее и оценивающее текущие военные, политические и дипломатические отношения Крымского ханства в свете исторических источников. Используя анализ документов (контент-анализ), метод сбора данных, используемый в научных исследованиях, мы проанализировали, интерпретировали и оценили первичные данные, полученные из исторических документов, таких как архивные записи, рукописи, летописи, письма и т. д., относящихся к Крымскому ханству, Франции и Османской империи. Таким образом, наше исследование внесет вклад в литературу в виде новых и оригинальных сведений об истории Крыма, Османской империи, Польши и России, а также франко-османских отношений.

Ключевые слова: Бахчисарай, Россия, Екатерина II, Польша, Франция, Пьер Рюффен

Для цитирования: Birinci O. Pierre Ruffin'in Kırım Günlüğü Işığında Maksud Giray Han (Bin Selâmet Giray Han) [Максуд Гирей хан в свете «Крымского дневника» Пьера Рюффена] // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 16–52. DOI: 10.22378/kio.2025.4.16-52

Сведения об авторе: Онур Биринджи – докторант, Исторический факультет Института социальных наук, Караденизский технический университет (61080, Ортахисар, Трабзон, Турция); ORCID: 0000-0002-4906-5441; birincionur61@gmail.com

Maksud Giray Khan in Light of Pierre Ruffin's "Crimean Diary" (Bin Selyamet Giray Khan)

Onur Birinci
Karadeniz Technical University

Abstract. The aim of our study is to analyze the state administration of Maksud Giray Khan (1767–1768 / 1771–1772), who ascended to the throne twice during the critical periods of the Crimean Khanate`s history, and the diplomatic relations in the Crimean Khanate during this time. The aim of this study is to determine the political status of the Crimean Khanate, located in the north of the Black Sea, and the importance of its geopolitical position, analyzing it through the eyes of Pierre Ruffin, a French diplomat and interpreter who was active in the triangle of the Russian Tsardom and Poland, and who was close to the Khan in Bakhchisaray during the period of his being on duty. In addition, one of the main objectives of our study is to identify, compile, chronicle and discuss the accuracy of the claims about Maksud Giray Khan, about whom, in the words of Vasily Smirnov, there is little information in the sources. Turkish historians do not feel the need to mention his name, and he is even accused of cowardice by the Ottoman Empire.

Our study is a qualitative research in terms of examining and evaluating the ongoing military, political and diplomatic relations in the Crimean Khanate in the light of historical sources. Using document analysis (Content Analysis), one of the data collection methods of qualitative research, the raw data obtained from historical documents, such as archival records, manuscripts, chronicles, letters, etc. of the Crimean Khanate, France and the Ottoman Empire were systematically analyzed and interpreted and evaluated with an inductive approach.

Thus, in this study, original information, that has not been reflected in this field before in terms of the history of Crimea, the Ottoman Empire, Poland and Russia, as well as France–Ottoman relations, will be brought to the literature.

Keywords: Bakhchisaray, Russia, Catherine II, Poland, France, Pierre Ruffin's

For citation: Birinci O. Maksud Giray Khan in Light of Pierre Ruffin's "Crimean Diary" (Bin Selyamet Giray Khan). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 16–52. DOI: 10.22378/kio.2025.4.16-52 (In Turkish)

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kırımî. *Umdetü'l Ahbâr*. Ed. Derya Derin Paşaoğlu. Kazan: Şehabettin Mercani Institute of History Publications, 2014. 418 p. (In Turkish)
2. Ahmet Cevdet Paşa. *Tarih-i Cevdet*. Vol. I. İstanbul: Hikmet Publishing, 1972. 550 p. (In Turkish)
3. Baron de Tott. *The Turks in the 18th Century*. Trans. M. Reşat Uzmen. İstanbul: Tercüman Publishing, 1979. 323 p. (In Turkish)
4. Prime Ministry General Directorate of State Archives. *Imperial Letters to the Crimean Khans (Register No. 2)*. İstanbul: 2013. 288 p. (In Turkish)
5. Başer, Alper. *The Bucak Tatars*. Unpublished PhD Dissertation. Afyonkarahisar: Afyon Kocatepe University, Institute of Social Sciences, 2010. 242 p. (In Turkish)
6. Birinci, Onur. *The Reign of Maksud Giray Khan in the Light of Pierre Ruffin's Crimean Diary (1767–1768)*. Unpublished MA Thesis. Trabzon: Karadeniz Technical University, Institute of Social Sciences, 2024. 120 p. (In Turkish)
7. David, Geza. Baron de Tott, François. *Encyclopaedia of Islam (TDV İslâm Ansiklopedisi)*, Vol. 5. İstanbul: TDV Publications, 1992, p. 83–84. (In Turkish)
8. Demir, Uğur. *Ottoman Diplomacy before the War of 1768 (1755–1768)*. Unpublished PhD Dissertation. İstanbul: Marmara University, Institute of Turkic Studies, 2012. 340 p. (In Turkish)
9. Derin Paşaoğlu, Derya. Powerful Representatives of the Steppe Aristocracy in the Golden Horde and Crimea: Emir Rektemür and the Şirin Princes. *Journal of Historical Studies*, Vol. 33, no. 56. Ankara, 2014, p. 147–190. (In Turkish)
10. Derin Paşaoğlu, Derya. Emir Edigü (Edige) and the Position of His Sons in the Nogay Horde. *Crimean Historical Review*, Vol. 1. Kazan, 2016, pp. 28–64. (In Turkish)
11. Doğan, Kadriye. *Charles Gravier de Vergennes and His Embassy in İstanbul*. Unpublished PhD Dissertation. Bilecik: Bilecik Şeyh Edebali University, Institute of Social Sciences, 2022. 176 p. (In Turkish)
12. Ferrari, Nicole Kançal. *The Heritage of Crimea: Hansaray*. İstanbul: Klasik Publishing, 2005. 320 p. (In Turkish)
13. Fisher, Alan. *The Crimean Tatars*. Trans. Eşref Özbilen. İstanbul: Selenge Publishing house, 2009. 336 p. (In Turkish)
14. Halim Giray. *Gülbün-ü Hânân*. Ed. Alper Başer and Alper Günaydın. İstanbul: İstanbul University Eurasian Institute Publications, 2013. 73 p. (In Turkish)
15. İnalcık, Halil. The Crimean Khanate. *Encyclopaedia of Islam (Türkie Diyanet Vakfî İslam Ansiklopedisi)*, Vol. 25. Ankara: Türkie Diyanet Vakfi Publications, 2022, p. 449–457. (In Turkish)
16. İnalcık, Halil. *Studies on the History of the Crimean Khanate (1441–1700)*. 4th ed. İstanbul: İş Bankası Kültür Publications, 2024. 593 p. (In Turkish)
17. İvanics, Maria. The Rise of a Steppe Tribe: The Şirins. Trans. Mustafa Işık. In: Yücel Öztürk (ed.), *Crimea: The Last Stronghold of Eastern European Turkic Heritage*. İstanbul: Çamlıca Publications, 2015, p. 53–71. (In Turkish)
18. Kahraman, Seyit Ali. *Evliya Çelebi's Book of Travels in Modern Turkish*. Book 7. Vol. 2. İstanbul: Yapı Kredi Publications, 2011. 828 p. (In Turkish)

19. Kara, Sermüşten . *Crimean History According to V. V. Velyaminov–Zernov's Work on Yarliks and Letters Concerning the Crimean Homeland and Its Neighbors (Between the Reigns of Adil Giray Khan in 1666 and Arslan Giray Khan in 1767)*. Unpublished MA Thesis. Trabzon: Karadeniz Technical University, Institute of Social Sciences, 2024. 200 p. (In Turkish)

20. Karpat, Kemal. Bucak. *Encyclopaedia of Islam (Türkie Diyanet Vakfi İslam Ansiklopedisi)*. Vol. 6. İstanbul: Türkie Diyanet Vakfi Publications, 1992, p. 341–343. (In Turkish)

21. Kırımlı, Hakan. *The Gerays and the Ottomans*. İstanbul: Ötüken Publications, 2022. 1088 p. (In Turkish)

22. Köse, Ensar. Trade and Diplomacy in the Autumn of Crimea (1768–1769). *Eurasian Studies Journal*. Vol. 12. No. 2. İstanbul, 2023, p. 179–215. (In Turkish)

23. Kurat, Akdes Nimet. Turkic Tribes and States in the North of the Black Sea between the IV *and XVIII Centuries*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Press, 1972. 511 p. (In Turkish)

24. Ögel, Bahaeddin. *The Concept of State among the Turks*. 3rd ed. İstanbul: Ötüken Publications, 2019. 368 p. (In Turkish)

25. Ruffin, Pierre. *Ruznâme-i Konsol Faransa dar Kırım*. (Paris: Bibliothèque Nationale de France, Archives et Manuscripts of the University Library of Languages and Civilizations, MS. TURC 189). Bahçesaray: 1768. 142 p. (In Turkish)

26. Sağlam, Nevzat. *Ahmet Vasıf Efendi and His Mehâsinü'l-Âsâr ve Hakâ'iku'l-Ahbâr (1752–1774): Study and Text*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Publications, 2020. 691 p. (In Turkish)

27. Schamiloglu, Uli. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. IV. Wiesbaden, 1984, p. 283–297. (In English)

28. Smirnov, Vasily. *The Crimean Khanate in the Ottoman Period*. Trans. Ahsen Batur. İstanbul: Selenge Publishing, 2016. 684 p. (In Turkish)

29. Sorel, Albert. *The Eastern Question in the 18th Century and the Treaty of Küçük Kaynarca*. İstanbul: İdeal Kültür Publishing, 2016. 254 p. (In Turkish)

30. Söylemez, Yavuz. The System of Hostages in the Political Relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire. *Journal of Turkish Historical Studies*,. Vol. 4, no. 2. Ankara, 2019, p. 84–109. (In Turkish)

31. Şem'dânî-zâde. *The History of Şem'dânî-zâde Fındıklılı Süleyman Efendi (Mür'i't-Tevârih)*. Vol. II. Ed. Münir Aktepe. İstanbul: İstanbul University Faculty of Letters Publications, 1980. 169 p. (In Turkish)

32. Tansel, Selahattin. Ottoman-Polish Relations, 1764–1768. *Journal of the Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University*. Vol. 4. No. 1. 1946, p. 69–84. (In Turkish)

33. Tığlıoğlu Kapıcı, Dilek. *The Crimean Khanate According to French Sources (1700–1768)*. Unpublished PhD Dissertation. Ankara: Hacettepe University, Institute of Social Sciences, 2022. 308 p. (In Turkish)

34. Tığlıoğlu Kapıcı, Dilek. Jesuits in Little Tartary: The Establishment of the French Jesuit Mission in the Crimean Khanate (1706). *Hacettepe University Journal of Turkic Studies*.Vol. 33. Ankara, 2020, p. 247–272. (In Turkish)

35. Toth, Ferenc. *La Correspondance Consulaire de Crimée du Baron de Tott (1767–1770)*. İstanbul: Les Editions Isis, 2014. 266 p. (In French)

36. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı. *History of the Ottoman Empire*. Vol. 4. 5th ed. Ankara: TTK Publications, 2007. 681 p. (In Turkish)

37. Ülküsal, Müstecip. *The Crimean Turks-Tatars: Past, Present, and Future*. İstanbul: Baha Press, 1980. 366 p. (In Turkish).

About the author: Onur Birinci – Ph.D. Student, Faculty of History, Institute of Social Sciences, Karadeniz Technical University (61080, Ortahisar, Trabzon, Turkey); ORCID: 0000-0002-4906-5441; birincionur61@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 03.07.2025

Принята к публикации / Accepted 28.10.2025

УДК 340.15, 94(47).031 DOI:10.22378/kio.2025.4.53-67

К вопросу о статусе золотоордынских чиновников в итальянских колониях Северного Причерноморья

Марат Гатин, Ленар Абзалов
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Ильяс Мустакимов
Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Национальная библиотека Республики Татарстан
Роман Почекаев
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления статуса некоторых золотоордынских чиновников, которые фигурируют в документах, касающихся истории взаимоотношений Золотой Орды с итальянскими колониями Крыма и Северного Причерноморья XIV–XV вв. (ханские ярлыки, договоры с Венецией и Генуей, Устав Кафы). Сравнивая полномочия чиновников, нашедшие отражение в этих документах и в других известных нам исторических памятниках, авторы уточняют названия некоторых должностей, а также их место в чиновной иерархии Улуса Джучи. В статье впервые вводится в научный оборот перевод ценного исторического источника – ярлыка о назначении на должность сборщика налогов дивана из трактата «Дастур ал-катиб», составленного Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в монгольском Иране в 1360 г. Выводы авторов позволяют уточнить некоторые аспекты организации системы власти и управления Золотой Орды в отношении итальянских колоний на ее территории.

Ключевые слова: Золотая Орда, итальянские колонии Северного Причерноморья, генуэзская Кафа, венецианская Тана, золотоордынская региональная администрация, налоги и сборы, налоговые чиновники

Финансирование: Издание осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Для цитирования: Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К вопросу о статусе золотоордынских чиновников в итальянских колониях Северного Причерноморья // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 53–67. DOI: 10.22378/kio.2025.4.53-67

Введение. История существования итальянских (в первую очередь – венецианских и генуэзских) колоний в Крыму и Северном Причерноморье имеет весьма обширную историографию. Исследователи уделяли внимание внутреннему состоянию этих образований, их отношениям с европейскими «метрополиями» и, конечно же, с Золотой Ордой. К числу наиболее сложных проблем в рамках данной тематики относится статус владений Венеции и Генуи по отношению к Улусу Джучи и его властям. Для ответа на этот вопрос специалисты привлекают разнообразные источники, включая официальные акты Венеции, Генуи и непосредственно их колоний, договоры итальянских торговых республик с золотоордынскими властями, ханские ярлыки, которые регулировали ордынско-итальянские отношения. Эта тематика нашла освещение в работах таких исследователей как Ф.К. Брун, В. Гейд, В.Д. Смирнов, С.П. Карпов, И. Вашари, А.Г. Еманов, С.Г. Бочаров, А.В. Джанов и др. Впрочем, приходится констатировать, что и сегодня однозначного ответа на вопрос о статусе венецианских и генуэзских колоний по отношению к Золотой Орде исследователи пока не нашли, и каждый из них предлагает собственное мнение по нему.

В рамках изучения проблемы правового статуса итальянских колоний различные авторы уделяли внимание и такому показательному аспекту их отношений с Золотой Ордой, как функционирование джучидских чиновников в этих колониях. Однако построения и выводы относительно этих чиновников, основанные на изучении лапидарных упоминаний о них в актовых материалах и нарративных источниках, носят во многом предположительный характер. Однако введение в научный оборот новых исторических источников, содержащих более подробные сведения о правовом статусе чиновников в чингизидских государствах XIII–XIV вв., как представляется, позволяет внести значительные уточнения в представления о специфике взаимоотношений ордынских властей и администраций итальянских колоний Северного Причерноморья.

Методы и материалы. В качестве основного источника, на основе которого авторы настоящего исследования предпринимают попытки уточнения и систематизации сведений о чиновниках Золотой Орды, непосредственно взаимодействовавших с колониями Венеции и Генуи, авторы привлекают средневековый персо-язычный трактат «Дастур ал-катиб фи та‘йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленный в 1360-х гг. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чинов-

ником на службе правителей монгольского Ирана – последних Хулагуидов и первых Джалаиров. Большой интерес представляют включенные в текст трактата образцы подлинных правовых актов – ярлыков о назначении на должности чиновников различных сфер управления: военной, административной, финансовой, хозяйственной, религиозной и др. Эти ханские указы содержат подробные сведения о статусе чиновников – требования к кандидатам, права и обязанности, подведомственность, материальное обеспечение, ответственность за нарушения и др.

Несмотря на то, что «Дастур ал-катиб» имеет иранское происхождение, авторы, вслед за известными востоковедами (в частности, Й. фон Хаммером-Пургшталем и А.Ю. Якубовским), полагают, что информация, содержащаяся в этих ярлыках, может быть использована и при анализе чиновной структуры Золотой Орды. Основанием для этого служит сравнительный анализ источников по истории государств Джучидов и Хулагуидов (и сменивших их Джалаиров), результаты которого свидетельствуют о значительной близости устройства этих чингизидских ханств, близости их систем власти, управления и правового регулирования, в т.ч. и по причине тесного взаимодействия и активного взаимного влияния [1].

В процессе исследования ярлыков из «Дастур ал-катиб» был использован ряд актов о назначении на должность тех чиновников, которые, как представляется, могли быть задействованы в ордынско-венецианских и ордынско-генуэзских отношениях, представляя хана Улуса Джучи и его региональных представителей непосредственно на территории итальянских колоний. Основной задачей в рамках данной статьи авторы ставят соотнесение указанных чиновников с теми, которые упоминаются непосредственно в документах, имеющих золотоордынское или итальянское происхождение. Основными среди таковых, по нашему мнению, являются ярлыки золотоордынских ханов венецианцам Азака (Таны) 1330–1350-х гг., договоры властей Улуса Джучи с генуэзской Кафой 1380-х гг., а также Устав Кафы, изданный в 1449 г.

Поскольку данные источники являются не только историческими памятниками, но и правовыми и дипломатическими (в качестве официальных актов), для их исследования наиболее продуктивным представляется междисциплинарный подход. В его рамках использованы методы как исторических, так и юридических исследований: сравнительно-исторический и сравнительно-правовой подходы, историко-правовой метод, источниковедческий и дипломатический анализ и ряд других.

Результаты. Обратившись к сведениям перечисленных источников, содержащих информацию об отношениях Золотой Орды с венецианскими и генуэзскими колониями, мы обнаруживаем упоминание целого ряда джучидских чиновников, которые напрямую осуществляли взаимодей-

ствие с администрацией факторий. Используемая нами источниковая база содержит сведения об ордынских чиновниках в центрах владений двух итальянских республик – венецианской Тане на территории ордынского Азака (совр. Азов) и генуэзской Кафе (совр. Феодосия), поэтому далее мы будем анализировать статус джучидского чиновничества именно в этих населенных пунктах.

Поскольку по своей природе итальянские колонии являлись, прежде всего, торговыми факториями, не приходится удивляться, что наиболее тесное и регулярное взаимодействие с ними осуществляли именно налоговые сборщики, представлявшие низовой уровень административных отношений между ордынскими и итальянскими властями.

Круг налогов, взимавшихся с генуэзцев и венецианцев, был весьма широк, причем каждый из них должны были взимать специально уполномоченные лица. Так, например, основной налог в торговой сфере – тамгу (обычно характеризуемую как налог с оборота) взимали чиновники, носившие соответствующее название тамгачи (таможенники) [3, с. 54; 7, с. 15]. Другой налог, который в золотоордынских документах упоминается всегда в связке с тамгой (поэтому некоторые исследователи даже склонны отождествлять их [16]), носил название тартанак, т.е. весовой сбор, взимавшийся непосредственно при совершении торговой сделки, и его получали тартанакчи («весовщики») [5, с. 100; 7, с. 15].

Доставленные в Тану или Кафу, либо непосредственно там изготовленные товары не всегда реализовывались на территории этих колоний и, соответственно, в таком случае налоги с оборота или с совершаемой сделки взиматься не могли. Однако не желая терять возможность заработать, ордынские власти практиковали взимание так называемых транзитных пошлин, которые платились при въезде на территорию того или иного региона Улуса Джучи или выезде из него. Если товары перемещались по суше, то они облагались дорожной пошлиной – баджем, которую взимали представители дорожной охраны туткаулы («заставщики») [2, с. 622, 625; 3, с. 52]. Если продукция доставлялась морем, то в гаванях взимался также специальный транзитный сбор, который, в частности, в ярлыках венецианским купцам Азова носил наименование «мачтового» или «якорного» [7, с. 151][1].

[1] Естественно, эти пошлины уплачивались и теми торговцами, которые прибывали в ордынские владения, чтобы совершать сделки именно в них, а не просто проезжали по территории Улуса Джучи в другие государства. Отметим, что подобное «двойное налогообложение» не являлось ордынским изобретением – напротив, есть все основания считать, что власти Улуса Джучи позаимствовали эту практику в Трапезундской империи, где взимался тот же набор налогов в торговой сфере, причем порой в Трапезунде и Золотой Орде совпадали даже ставки

Наряду с разнообразными налоговыми чиновниками в итальянских колониях действовали и другие представители ордынских властей. В итальянском варианте договоров Золотой Орды с генуэзцами Кафы 1380 и 1381 гг. они фигурируют как titayn и titam, в латинском варианте Устава Кафы 1449 г. – titanus [8, с. 700, 704; 17, с. 763]. В свое время В. Юргевич перевел этот термин как «тудун» [17, с. 763], современные же исследователи используют перевод «титям» («тетим», «титим») [8, с. 702, 707; 9, с. 240]. Согласно сведениям упомянутых документов, этот чиновник назначался для суда над «ханлюками», т.е. подданными ханов Золотой Орды, которые проживали (или временно пребывали) в итальянских колониях.

Наконец, в отношениях с венецианцами и генуэзцами Крыма и Северного Причерноморья были задействованы также наместники близлежащих административно-территориальных единиц самой Золотой Орды. Так, с венецианцами Кафы контактировал наместник Азака, что вытекает из содержания ярлыков ханов Узбека, Джанибека и Бердибека венецианским купцам. Аналогичные контакты, согласно ордынско-генэзским договорам, с властями Кафы осуществляли наместники Солхата (Крыма).

Какова была иерархия этих чиновников, осуществлявших совершенно различные функции и на разных уровнях? В глазах современных исследователей она была простой и логичной. Так, А.Г. Еманов, характеризуя взаимоотношения ордынских властей в отношениях с генуэзской Кафой, выстраивает следующую их структуру: тамгачи – титин (титям) – бек (наместник Солхата) [9, с. 286]. Однако более детальное ознакомление с актами, отражающими отношения Золотой Орды с итальянскими колониями, равно как и с правовыми документами соседнего монгольского Ирана, позволяют высказать сомнения в такой однозначности данной структуры подчинения.

Для начала обратимся к статусу титяма. Эта должность практически не фигурирует в официальных золотоордынских документах – за исключением ярлыка хана Мухаммада-Булака митрополиту Михаилу (Митяю) 1379 г., в котором титямом титулуется небезызвестный Мамай, кстати, являвшийся потомственным правителем Крымского тумена [6, с. 182–184]. Другие упоминания этого титула встречаются, как ни странно, в русских летописях, в которых так называются некоторые ханские послы в русских землях, обладавшие особыми полномочиями. Обращение к практике империи Юань позволило П.О. Рыкину установить, что «титям» с большой ве-

---

соответствующих сборов и принципы освобождения от уплаты определенных видов товаров (драгоценных камней и металлов и пр.) [10, с. 48–49]. Поэтому можем предположить, что и ряд должностей чиновников, ответственных за взимание соответствующих видов налогов, мог быть также позаимствован из трапезундской практики, лишь получив собственно «ордынские» (тюркские) названия.

роятностью – это заимствованный из китайской административной практики титул «тидянь», который также присваивался чиновникам и посланцам, обладавшим широкими полномочиями [14].

В практике монгольского Ирана этот термин китайского происхождения не встречается, однако, по мнению авторов настоящей статьи, его аналогом в этом государстве может быть должность эмира ольке, три образца ярлыка о назначении которого имеются в «Дастур ал-катиб»: речь идет о правителе региона (провинции, вилайета), который наделялся чрезвычайными полномочиями в сфере управления, суда и командования войсками в связи либо с иностранным вторжением, либо с внутренними беспорядками [12, с. 20–25 араб. паг.]. По сути, этот сановник по статусу был равен шихне (персидский эквивалент золотоордынского баскака или даруги) [11], но обладал более широкими полномочиями в сфере власти и управления, которые, впрочем, могли быть с него сняты после стабилизации обстановки во вверенном ему регионе.

Неудивительно, что ордынским чиновникам, которые в XIV–XV вв. осуществляли управленческие и судебные функции в регионах, большинство населения которых составляли иностранцы, к тому же находившиеся и в подчинении собственных «метрополий», также могли быть дарованы особые полномочия, о чем и свидетельствует титул «титям». Ни договоры генуэзцев Кафы с правителями Солхата 1380 и 1381 гг., ни Устав Кафы 1449 г. не содержат положений о том, что титямы в этом городе были подотчетны крымскому наместнику: несомненно, они (как и эмиры ольке в Иране) назначались на должность непосредственно ханами и отчитывались непосредственно перед ними[2].

Теперь обратимся к налоговым чиновникам, взимавшим сборы и пошлины в Кафе и Тане. Несомненно, такие разные чиновники, отвечавшие за сбор отдельных видов налогов[3], должны были, в конечном счете, контролироваться некоей вышестоящей инстанцией. Однако являлся ли таковой титям? В договорах 1380 и 1381 гг., равно как и в Уставе Кафы, налоговые сборщики упоминаются отдельно от титяма, которому принадлежат исключительно административные и судебные, но никак не налоговые полномочия.

[2] Тот факт, что титямы упоминаются в договорах, которые заключали с Кафой наместники Солхата, отнюдь не свидетельствует о подчинении первых последним: поскольку противоположную сторону представляли консулы и административная верхушка фактории, а не центральные власти Генуи, вполне логично, что и с ордынской стороны договор заключал не хан, а региональный администратор от его имени.

[3] Например, тамгачи не должны были взимать никаких других налогов, кроме тамги [3, с. 54; 12, с. 34].

Вновь обратившись к практике монгольского Ирана, мы не обнаруживаем ярлыков о назначении непосредственных сборщиков налогов (вышеупомянутых тамгачи, тартанакчи и пр.), но зато имеется документ о назначении на должность того, кто, по всей видимости, являлся для них вышестоящей инстанцией – речь идет о сборщике налогов дивана (сахиб-и джам‘и-и амвал-и дивани)[4]. Этот документ также содержится в трактате «Дастур ал-катиб» и в свое время был переведен Й. фон Хаммером-Пургшталем на немецкий язык. Ниже мы приводим перевод как версии австрийского востоковеда, так и первый русский перевод этого документа с оригинала.

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя [18, S. 512][5]	**Перевод с оригинала [12, с. 163 араб. паг.]**[6]
XXXII. Грамота [ярлык] сборщику налогов Дивана (только один [образец]) Поскольку ходжа Эминеддин – надежный и богобоязненный человек, всегда был известен своей воздержанностью и отсутствием всякой корысти, Мы поручили ему с начала этого года сбор средств Дивана, дабы он мог заняться продвижением этих дел способом, который ожидается от его надежности и религиозности, чтобы он мог проявить величайшую заботу о сохранении средств Дивана и не дать никому ни гроша без совета и указания Дивана. По этим причинам вступает в силу этот указ, чтобы эмиры и члены Великого Дивана и наместники страны признавали его сборщиком средств Дивана, не назначали никого другого рядом с ним в этом деле и считали его руку в сохранении средств сильной и твердой. Члены Великого Дивана должны ежегодно	**Раздел двадцатый. О препоручении должности сборщика налоговых поступлений, находящихся в ведении [Великого] дивана**[7] Поскольку ходжа Амин ад-Дин известен [своей] надежностью и богобоязненностью и молва о его воздержности и скромности достигла [нашего] слуха, с начала этого года мы препоручили ему должность сборщика налоговых поступлений, находящихся в ведении [Великого] дивана (صاحب دیو واذ ی اموال جمعی) с тем, чтобы он занимался этим делом так, как это ожидается от его надежности и богобоязненности. Пусть прилагает все усилия к обеспечению сохранности[8] средств [Великого] дивана, и не выдает никому ни одной монеты, кроме как по письменному поручению или грамоте (حوالۀ ت و تبۀ را), [исходящим из] [Великого] дивана. Посему настоящий указ вступает в силу с тем, чтобы эмиры, члены Вели-

[4] В переводе И.Н. Березина – «сборщик диванных плат» [4, с. 59].
[5] Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.
[6] Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.
[7] Имеется в виду, что в ведении дивана находится сбор податей/налогов.
[8] Букв. «охранению, защите» (محافظت).

установленным образом выплачивать сумму в шесть тысяч динаров сборщику налогов и посему не должны беспокоить его какими-либо просьбами.	кого дивана, хакимы и мутасаррифы вилайетов[9] признавали его сборщиком налоговых поступлений, находящихся в ведении [Великого] дивана, не почитали кого-либо другого его сотоварищем и соперником в отправлении этой должности и признавали его полную мочь в том, что касается обеспечения сохранности средств. Пусть члены [Великого] дивана ежегодно выделяют сумму в размере трех тысяч динаров ходячей монеты в качестве жалования сборщика налоговых поступлений, находящихся в ведении [Великого] дивана, из собираемых [и хранимых] им средств и тем самым не вынуждают его обращаться и просить [жалование][10].

Согласно Рашид ад-Дину, до введения этой должности все налоги и сборы должны были собирать и передавать в казну главы региональной и местной администрации (либо назначенные ими откупщики), которые зачастую и повышали произвольно ставку налогов, и оставляли себе значительную часть собранных средств. В эпоху ильхана Газана (1295–1304) была введена централизованная структура налоговых чиновников, и над чиновниками, взимавшими отдельные виды налогов, были поставлены сборщики налогов от дивана[11]. Они имели резиденцию в центре региональной администрации, а для сбора средств с налоговых чиновников на местах прибывали в соответствующую местность и разбивали свою «палатку», куда должны были являться местные сборщики, чтобы сдать полученные средства [13, с. 257–259].

[9] В двух списках «Дастур ал-катиб»: «вилайета». В новейшем иранском издании «Дастур ал-катиб»: «вилайетов» [19, с. 573].

[10] Разница в размере жалования этого чиновника у Й. фон Хаммера-Пургшталя и в позднейших публикациях источника вызвана тем, что в списке «Дастур» Венской национальной библиотеки, которым пользовался австрийский ученый, действительно указана сумма 6 000 динаров.

[11] Подчеркивание в ярлыке того, что данный сборщик собирает налоги непосредственно для Великого дивана, свидетельствует, что речь идет не о рядовом налоговом чиновнике, непосредственно взаимодействовавшем с налогоплательщиками, а именно о вышестоящем должностном лице, которому эти рядовые чиновники и были подотчетны.

В городах, центрах ремесла и торговли, где главным сбором являлась тамга [3, с. 51], были размещены специальные таблицы с указанием ставок налогов: «Пошлины тамговые, согласно тому, как они, каждая в отдельности, соответственно разным областям, написаны на обороте, пусть напишут на доске и выставят у ворот каждого селения, где взимают особую пошлину, дабы, основываясь на этом, [их] доставляли по частям. Пусть ни одна душа не вносит в них новшеств и не вводит изобретенных правил, а откупщики под предлогом того, что мы [Газан-хан] повысили таможенные пошлины, пусть не взимают выше установленных пошлин и не вводят изобретенных [ими] правил» [13, с. 260]. Вероятно, сборщики налогов дивана должны были ориентироваться на указанные в таблицах ставки при подсчете сумм полученных налогов.

Как следует из вышеприведенного ярлыка, а также и из других средневековых персидских источников [15, с. 119], эти чиновники находились на жаловании непосредственно из Великого дивана, что позволяло им более эффективно собирать налоговые поступления, поскольку они никак не зависели от региональных или местных властей. Собранные средства, как, опять же, гласит анализируемый ярлык, они хранили у себя, не имея полномочий по их расходованию, пока в регион не прибывали уполномоченные лица из столицы (скорее всего, с вооруженной охраной) и не забирали деньги уже для доставки в казну.

У нас нет прямых указаний источников на то, что такие сборщики налогов дивана были в Золотой Орде. Однако вполне логичным представляется, что ханы-Джучиды были заинтересованы в полном и своевременном получении налоговых поступлений с мест в казну не меньше, чем их персидские родственники[12]. Таким образом, вопрос о подчиненности золотоордынских налоговых чиновников в Тане и Кафе представляется решенным. Проведенный анализ, таким образом, не подтверждает структуру ордынских органов власти, участвовавших в отношениях с итальянскими колониями, предложенную А.Г. Емановым: хотя все чиновники, включенные в нее исследователем, несомненно, являлись участниками этих отношений, система их подчиненности была принципиально иной.

Независимость налоговых чиновников и их вертикальная подчиненность представителям своего же ведомства распространялась также на отношения с итальянскими налогоплательщиками. Так, Устав Кафы гласил: «Постановляем и повелеваем, чтобы никто из генуэзцев и жителей Каффы, какому бы он ни принадлежал народу, не смел прямо или косвенно, явно

[12] Подчеркнем, что Й. фон Хаммер-Пургшталь перевод и ярлыка о назначении сборщика налогов дивана включил в приложение к своей книге по истории Золотой Орды, полагая, что такие чиновники могли функционировать и в ней, а не только в монгольском Иране.

или тайно вмешиваться в сбор пошлин, производимый ханлюками или кем-либо из них, не смел бы ни брать их на откуп, ни принимать в них участие прямо или косвенно, а также не входить в сношения с таможенными их чиновниками, продавая им товар на известный срок, прямо или через других, под штрафом в 50 до 200 сомов, с каждого, кто возьмет на откуп пошлины или какую-нибудь из них или будет в них участвовать» [17, с. 741].

Помимо Великого дивана, только сами ханы Золотой Орды имели право вносить корректировки в распределение налоговых средств, поступающих в казну. Так, хан Джанибек выделил своей матери Тайдуле в качестве дополнительного дохода часть таможенных сборов в Азаке. А его сын Бердибек, в свою очередь, передал часть доли Тайдулы (3 сома с каждого корабля, приходящего в Азак) в пользу своего сподвижника Тоглу-бая [7, с. 152, 165].

Политический кризис второй половины XIV в. в Золотой Орде и все возрастающая неспособность ханов контролировать ситуацию в Крыму привели к существенному урезанию полномочий ханских чиновников в итальянских колониях. Так, согласно ордынско-генуэзским договорам, в Кафе сбором налогов занимались только «коммеркиарии», т.е. сборщики «коммеркия»: так в итальянских документах фигурировала тамга, следовательно, речь идет о деятельности одних только тамгачи, ни о весовом сборе, ни и транзитных пошлинах даже не упоминается [8, с. 702, 707; 9, с. 238]. Полномочия титяма в этой генуэзской колонии также были существенно урезаны в пользу генуэзской администрации Кафы. Об этом красноречиво свидетельствует одна из статей устава Кафы 1449 г.: «Постановляем и повелеваем, чтобы тудун или начальник ханлюкский не смел и не думал вмешиваться в дела жителей Каффы, когда они оставались или жили в городе или на предместьях в течение одного года с их семействами, ибо тогда они должны считаться генуэзцами, а не ханлюками, и судить их обязан г. консул Каффы или его викарий и судьи, до ведомства которых это принадлежит». Тем не менее, можно констатировать, что сами институты чиновников как в административно-судебной сфере (титям), так и в налоговой (тамгачи) продолжали сохраняться в отношениях с итальянскими колониями Крыма вплоть до окончательной утраты контроля над ним ханов Золотой Орды, после чего они в той или иной степени были унаследованы уже правителями Крымского ханства, анализ отношений которых с итальянскими колониями уже не входит в задачу настоящей статьи.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование позволяет внести некоторые коррективы в ранее сформированное представление о золотоордынских чиновниках, представлявших интересы ханов на территории итальянских колоний в Крыму и Северном Причерноморье. Система

взаимоотношений обитателей генуэзских и венецианских торговых факторий с ордынской администрацией видится более сложной, чем представлялось до сих пор: колониальной администрации приходилось взаимодействовать не только с представителями региональных ордынских властей, но и с чиновниками налогового ведомства, контролировавшимися непосредственного центральными органами власти Улуса Джучи. Эти выводы, сделанные на анализе материала о взаимоотношениях Золотой Орды и итальянских колоний Северного Причерноморья, как представляется, могут быть использованы для уточнения системы налогов и сборов и структуры налогового аппарата Улуса Джучи в целом.

Вместе с тем, следует принимать во внимание, что сложившаяся система административных и налоговых отношений Золотой Орды с итальянскими колониями не была статичной, одинаково действовавшей в течение всего периода их взаимодействия (т.е. в XIII–XV вв.). Внутренние процессы и в Улусе Джучи, и в факториях Венеции и Генуи приводили к трансформации этих отношений, изменению статуса ханских представителей на территории колоний, совокупности налогов и сборов и полномочий лиц, ответственных за их взимание.

Полагаем, что результаты данного исследования, включая информацию вновь введенных в научный оборот исторических источников, могут способствовать дальнейшему изучению ряда аспектов как ордынско-итальянских отношений, так и административных и налоговых отношений в самом Улусе Джучи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур алкатиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 4. С. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798

2. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Платные дороги» в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 16. 2024. С. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029

3. Али-Заде А.А. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII–XIV вв. Термин «тамга» // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. 1955. № 5. С. 51–63.

4. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 112 с.

5. Вашари И. Заметки о термине tartanaq в Золотой Орде // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 97–103.

6. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. 276 с.

7. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.

8. Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 4. С. 675–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.675-713

9. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб.: Алетейя, 2022. 734 с.

10. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 232 с.

11. Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1. Институт шихне и его эволюция // Золотоордынское обозрение. Т. 13. 2025. № 3. С. 523–542. DOI: 10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542

12. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи та'йин алмаратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 70 с. + 524 с. араб. паг.

13. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

14. Рыкин П.О. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 475-492.

15. Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.

16. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. с нем. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

17. [Юргевич В.] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 629–837.

18. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

19. Muhammad bin Hindūshāh Nakhjavānī (Shams Munshī) (8th Century A.H.). Dastūr al-kātib fi ta'yīn al-marātib. Ed. and researched by A.A. Ahmadi Darani. Vol. 2. Tehran: Miras-e Maktoob, 2017. ١٠٧٠ + 7 p.

Сведения об авторах: Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7698-0450; marat_gata@mail.ru

Абзалов Ленар Фиргатович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3952-6715; len_afzal@mail.ru

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник, Национальная библиотека Республики Татарстан (420111, ул. Пушкина, 86, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136; imus2007@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (194100, ул. Кантемировская, 3А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528; rpochekaev@hse.ru

On the status of the Golden Horde officials in the Italian colonies of the Northern Black Sea Region

Marat Gatin, Lenar Abzalov
Kazan (Volga Region) Federal University

Ilias Mustakimov
Kazan (Volga Region) Federal University;
National Library of the Republic of Tatarstan

Roman Pochekaev
"Higher School of Economics" University – St. Petersburg

Abstract. The article is an attempt to clarify the status of the Golden Horde officials mentioned in documents related to the relations of the Golden Horde with Italian colonies of Crimea and Northern Black Sea Region of 14th–15th cc. (khans' yarliks, treaties with Venice and Genoa, Statute of Caffa). The comparison of function of these officials and ones fixed in other historical monuments allows authors to specify some titles of such officials and identify their place in the administrative hierarchy of the Jochi Ulus. There is the first introduction of the Russian translation of valuable historical source – a yarlik on the appointment of collector of taxes for Divan form the treaty named "Dastur al-katib" written by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani in the Mongol Iran of 1360s. The results of research allow us to clarify some aspects of organization of the Golden Horde power and administration towards the Italian colonies on the territory of this state.

Keywords: Golden Horde, Italian colonies of the Northern Black Sea Region, Genovese Caffa, Venetian Tana, Golden Horde regional authorities, tax and duties, tax collectors

Financial Support: The study was supported by Ibn Sina Foundation and on a base of competition for the search of grants after Ibn Sina. Project no.: 2025.02.07.

For citation: Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. On the status of the Golden Horde officials in the Italian colonies of the Northern Black Sea Region. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 53–67. DOI: 10.22378/kio.2025.4.53-67 (In Russian)

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. "Dastur al-katib" as a source on history of a state, law and chancellery culture of the Golden Horde (by the example of yarliks on appointment of emir of ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2022, vol. 10, no. 4, pp. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 (In Russian)

2. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. "Toll roads" in the Chinggisid states f 13th–14th cc. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2024, no. 16, pp. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029 (In Russian)

3. Ali-Zadeh A.A. On history of feudal relations in Azerbaijan if 13th–14th cc. "Tamga" term. *Bulletin of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR*, 1955, no. 5, pp. 51–63. (In Russian)

4. Berezin I. *Essay on internal system of Jochi Ulus*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing press, 1863. 112 p. (In Russian)

5. Vaşari I. Notes on the term tartanaq in the Golden Horde. *Soviet Turkic Studies*. 1987, no. 4, pp. 97–103. (In Russian)

6. Grigor'ev A.P. *Collection of khans' yarliks to Russian metropolitans: Source study of the Golden Horde documents*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. 276 p. (In Russian)

7. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Collections of the Golden Horde documents of the 14th century from Venice: Source study*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002. 276 p. (In Russian)

8. Dzhanov A.V. The Tatar-Genoese Treaties of 1380 and 1381. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 675–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.675-713 (In Russian)

9. Emanov A.G. *Heaven Jerusalem of Babylon: search for fate of medieval Caffa/ Feodosia*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2022. 734 p. (In Russian)

10. Karpov S.P. *Trapezund Empire and Western European states in 13th–14th cc.* Moscow: Moscow University Press, 1981. 232 p. (In Russian)

11. Mustakimov I.A., Abzalov L.F., Gatin M.S., Pochekaev R.Yu. Basqaq, daruga, shihne: the problem of correlation. Pt. 1: The institution of shihne and its evolution. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 523–542. DOI: 10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542 (In Russian)

12. *Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Crit. texts, intr. and index by A.A. Alizade. Vol.II. Moscow: Nauka Publ., 1976. 70 p +524 p. Arab. pagination. (In Russian, Persian)

13. Rashid ad-Din. *Compendium of Chronicles*, vol. III. Transl. from Persian by A.K. Arends; ed. by V.V. Struve. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1946. 340 p. (In Russian)

14. Rykin P.O. Tityam: on the Chinese title in the medieval Russian chronicles. Vakhtin N.B., Levinton G.A. (eds.). *AB-60. Collected articles on the occasion of 60th anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin.* St. Petersburg: European University in St. Petersburg Press, 2007, pp. 475–492. (In Russian)

15. Khatibi S. *Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th–14th cc.* Ashkhabad: Ylym Publ., 1985. 134 p. (In Russian)

16. Schpuler B. *Golden Horde. Mongols in Russia. 1223–1502.* Transl. from Germ. by M.S. Gatin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)

17. [Yurgevich V.] Statute for Genovese colonies in the Black Sea issued in Genoa in 1449. *Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1863, vol. 5, pp. 629–837. (In Russian, Latin)

18. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 S. (In German)

19. Muhammad bin Hindūshāh Nakhjavānī (Shams Munshī) (8th Century A.H.). Dastūr al-kātib fi ta'yīn al-marātib. Ed. and researched by A.A. Ahmadi Darani, vol. 2. Tehran: Miras-e Maktoob, 2017. – ١٠٧٠ + 7 p. (In Persian)

About the authors: Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7698-0450; marat_gata@mail.ru

Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3952-6715; len_afzal@mail.ru

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Researcher of the National Library of the Republic of Tatarstan (86, Pushkin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136; imus2007@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, "Higher School of Economics" University – St. Petersburg (3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528; rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 21.10.2025

Принята к публикации / Accepted 28.10.2025

УДК 94(47).04 DOI:10.22378/kio.2025.4.68-98

Между Батуриным и Бахчисараем: Запорожская Сечь в первые месяцы после заключения русско-крымского перемирия 1681 г.

Кирилл Кочегаров
Институт славяноведения РАН

Аннотация. Заключение Бахчисарайского перемирия, завершавшего русско-турецкую войну 1672–1681 гг., не означало прекращения русско-крымско-османского соперничества за контроль над территорией Запорожской Сечи. Вопреки позиции русского посольства хан и султан отказались признавать суверенитет России над Сечью. Гетман Иван Самойлович и русское правительство пытались скрыть этот неприятный факт от запорожцев, но те уже довольно скоро столкнулись с запретом ходить в низовья Днепра на промыслы, который был объявлен им беем османской крепости Казыкермен Хуссейном Муравским. Турецко-татарская сторона использовала этот экономический рычаг, чтобы заставить запорожцев пойти на более тесные контакты и сепаратное соглашение. Это вызвало волнения на Сечи, выразившиеся в отправке посольства к хану Мурад-Гирею и смене кошевого. Однако новый кошевой не решился развивать связи с Крымом. Все лето 1681 г. запорожские казаки обращались к гетману и русскому правительству с просьбами приложить все усилия для отмены указанного запрета. Московская дипломатия, не имея возможности сделать это немедленно, представляла оглашенный Муравским запрет как «обиды», противоречащие заключенному в Бахчисарае перемирию, и обещала вести об этом переговоры в Турции, куда направилось русское посольство.

Ключевые слова: Запорожская Сечь, Крымское ханство, гетман Иван Самойлович, Бахчисарайское перемирие, хан Мурад-Гирей

Для цитирования: Кочегаров К.А. Между Батуриным и Бахчисараем: Запорожская Сечь в первые месяцы после заключения русско-крымского перемирия 1681 г. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 68–98. DOI: 10.22378/kio.2025.4.68-98

«…Непобедимый нааснейший салтан
турский, государь мой, для того построил
зде городы, чтоб на Низ ни един жив дух
не ходил!»[1]

Из письма казыкерменского бея
Хуссейна Муравского запорожским казакам.

Введение. Русско-крымско-турецкие переговоры о мире, завершавшие войну России с Османской империей и Крымским ханством 1672–1681 гг. длились с сентября 1679 г. и лишь в марте 1681 г. ознаменовались заключением Бахчисарайского перемирия, которое также не стало точкой в дипломатической борьбе. Переговоры были чрезвычайно сложными и трудными. Московское правительство, учитывая интересы гетмана Войска Запорожского Ивана Самойловича и Малой России, пыталось добиться закрепления за царем Запорожья и части Правобережной Украины, которые были главным предметом вооруженного соперничества сторон. В финальную стадию переговоры вступили осенью 1680 г., когда в Крым прибыло посольство стольника В.М. Тяпкина и дьяка Никиты Зотова. В январе 1681 г. хан Мурад-Гирей одобрил образец соглашения (черновой вариант представлен ему 3 января, беловой на татарском – 9 января), по которому перемирие заключалось на 20 лет, границей между Портой и Россией объявлялся Днепр, на правом берегу за царем признавался Киев с пригородами и земли Запорожской Сечи. При этом хану и султану запрещалось строить города и заселять территории Правобережной Украины (в том числе за счет перебежчиков из царской державы) между Днепром и Южным Бугом, позволялись вольные промыслы запорожских казаков и свободная кочевка татар в нижнеднепровских степях. Однако после консультаций с султанским двором, текст грамоты, на которой должен был присягать Мурад-Гирей, переписали «с убавкой». Тяпкин и Зотов отказались принимать новую грамоту, их угрожали заковать в кандалы. Из новой редакции договора были удалены пункты о вольных промыслах для запорожских казаков, условие сохранения пустой территории между Бугом и Днепром трансформировалось в обязательство обеих сторон «на Днепре по обоих сторон городов и городков не делать». На этом тексте, датированном 3 января, Мурад-Гирей принес присягу 4 марта 1681 г., после чего он был все-таки принят Тяпкиным и Зотовым в ходе отпускной аудиенции. Также им вручили и грамоту великого визиря Кара-Мустафы с одобрением мира, территориальные условия которой были еще более жесткими: о русской власти над Запорожьем в ней не говорилось [3, с. 569–658][2]. Вопрос о Запорожской Сечи, которую

[1] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 12.

[2] Переводы текстов шерти Мурад-Гирея и грамоты визиря Кара-Мустафы опубликованы: [2, с. 175–180]. Ср.: [6, с. 496–501].

турецко-татарская сторона пыталась поставить под свой контроль на завершающем этапе войны, разрешился таким образом совершенно не так, как себе это представляли в Москве и Батурине и как писали в наказах направлявшимся в Крым послам. Это ставило и русское правительство, и особенно гетмана в сложное положение и свидетельствовало о том, что борьба за контроль над территорией Запорожья отнюдь не закончена. И дело было не только в том, что окончательно мир должен был быть утвержден в ходе русского посольства в Османскую империю, где московская дипломатия могла надеяться на пересмотр отдельных пунктов шертной грамоты Мурад-Гирея. Для гетмана и русского правительства крайне важно было удержать под своим контролем ситуацию в самом Запорожье, не допустив там социально-политической дестабилизации и укрепления турецко-татарского влияния. Ряд таких шагов был предпринят Москвой и Батуриным осенью 1680 – в начале 1681 гг.[3], однако условия заключенного перемирия, несомненно, ставили перед ними новые вызовы. В первую очередь это касалось гетмана Самойловича, активно контактировавшего с запорожцами весной – летом 1681 г., планы и поступки которых привлекали его повышенное внимание. Не менее важно понять, как реагировали запорожцы на изменившиеся в результате мира условия ведения хозяйственной деятельности в низовьях Днепра и на попытки хана Мурад-Гирея и особенно бея г. Казыкермен Хуссейна Муравского усилить свой контроль над Запорожьем. Наконец, мотивы действий и сами действия последних также требуют дополнительно исследования, поскольку часто остаются за кадром достаточно упрощенной экспансионистской схемы. Весь этот комплекс проблем, пусть и затронутый на достаточно узком хронологическом промежутке, имеет, как представляется, существенное значение для дальнейшего изучения механизмов и причин упадка пограничных сообществ Северного Причерноморья в конце XVII–XVIII вв.

Политика Запорожской Сечи в первые месяцы после заключения Бахчисарайского перемирия и ее отношения с гетманом Малой России и турецко-татарской стороной практически не рассматривались в научной литературе. Исключение тут составляет разве что фундаментальная «История запорожских казаков» Д.И. Яворницкого [4, с. 584–594]. Однако этот исследователь не имел доступа ко многим связанным с указанной проблематикой архивным документам. Кроме того, изложение в его труде истории Запорожья в 1681 г. сводится лишь к обширному цитированию новых источников без попыток их обобщения и системного анализа. Все это делает актуальным обращение к обозначенной теме на основе как новых материалов, так и документов, введенных в оборот Д.И. Яворницким.

[3] См. об этом подробней: [1].

Украина и заключение Бахчисарайского перемирия

Приступая к освещению поставленных вопросов, в первую очередь важно понять, насколько на Украине и в Запорожской Сечи адекватно представляли себе условия перемирия в первые недели и месяцы после его заключения. 23 марта 1681 г. русские послы В.М. Тяпкин и Н.М. Зотов в сопровождении гетманского посланца, писаря Прилуцкого полка С. Раковича, прибыли в Сечь. Они объявили о заключенном мире и предупредили кошевого и казаков о необходимости немедленного прекращения всех вооруженных действий. Запорожцы встретили русских послов «с радостию, и любовью, и честию», в ознаменование их визита в сечевой церкви был отслужен молебен за здравие царя Федора Алексеевича, кошевой пригласил русское посольство к себе на обед. О конкретном содержании ханской шертной грамоты московские дипломаты запорожцам не сообщили [3, с. 647]. Поэтому последние вместе с Тяпкиным и Зотовым направили в Батурин свое посольство из трех человек: куренного атамана Ивана Тарана, казаков Ивана Нещерета (Мещерета) и Семена Дюка. Во врученном им на раде письме казаки просили гетмана Самойловича сообщить об условиях Бахчисарайского перемирия, подчеркивая, что со времен смерти кошевого атамана Ивана Серко в своих дальнейших отношениях с Крымом – быть ли с ним «в братстве или так, как перед тем было», они во всем полагаются на него[4].

Прием в городах Малой России русского посольства был не менее торжественным. Население радовалось заключенному миру, духовенство выходило навстречу посольству с крестами и святой водой, мещане и посполитые – с хлебом-солью, казаки – со знаменами, трубами и литаврами. 12 апреля вся миссия прибыла в Батурин. После торжественной встречи и благодарственных речей, Тяпкин и Зотов объявили Самойловичу «словесно» о «мирном постановлении» то, что «надлежало ведать». Как следует из дальнейшего изложения, Самойловичу было объявлено, что границей между Россией и Турцией будет Днепр, а правобережная сторона «учинилась за салтаном турским». Текста договора гетман не получил [3, с. 647–651].

Основываясь на устных заявлениях русских послов, 15 апреля гетман Иван Самойлович издал универсалы с объявлением о мире по всем полкам и городам, адресуя его «православного християнского малоросийского народа обоих духовного и мирского чинов началным и подначалным обретающимся людем», включая старшину, рядовых казаков и проч. «Яко по докучливых поветреных непогодах благоприятные и веселые временности бывати обыкли, – провозглашал гетман, – тако ж и по тех до сих неблагодатных и тяжесных воинских трудностях и безвременияx, которые в прошлых колкодесятных летех в Украине нашей Малоросийской пребывая, всякого человека в православном народе нашем весма отегощали, ныне по милосердому милостиваго небеснаго

[4] Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 493, 506–507.

владетеля призрению и молитвами вся содевати могущими пречистой и пресвятой Девы Богородицы, меж пресветлым монархом нашим, его царским величеством, великою прилежностию о том труждаючимся, и меж салтаном Порты Турской, и ханом крымским постановлено целое перемирье». После пожеланий жителям Малой России, чтобы они «всякие смуты, хлопоты в желанное успокоение обратив, счасливого, радостного и безмятежного жития в долготу дней употребляли», в универсале следовало изложение условий мира, весьма, впрочем, лапидарное. В первую очередь заявлялось, что «столный Киев, малоросийский город» остался под царской властью со всем «поветом». При этом отмечалось, что «вси городы заднепрской стороны», согласно договору, не должны отходить Турции и Крыму, но кто получает власть над этими территориями, не разъяснялось. Тут же провозглашался строгий запрет перехода с Левого берега Днепра на Правобережье и обратно под угрозой суровой казни («отобрание всех животов» и «всегдашнее тюремное сидение»). В связи с прекращением военных действий гетман объявлял запрет на любые военные промыслы казацких ватаг в отношении Турции и Крыма: «тогда увещеваем и приказываем прилежно, дабы тако воинскими полевыми промыслами промышляючие конечно в ватагах ходити и убытки турским и крымским государствам чинити перестали». За нарушение этого предписания объявлялась смертная казнь. Универсал должен был быть прочитан публично во всех подвластных гетману городах и селах[5]. Как видно, населению Украины условия мира сообщались в весьма усеченном виде. Акцент делался на сохранение за русским царем «стольного града» Киева с окрестностями, вопрос о Правобережье освещался скорее размыто. Самойлович знал, что оно осталось за Турцией, но, видимо, не желал вызывать недовольство жителей поднепровских левобережных селений, имевших на правой стороне Днепра многочисленные пасеки, участки дровяного леса, сенокосы и проч. В связи с этим вполне уместным будет предположение, что Тяпкин и Зотов, описывая гетману условия перемирия, опирались на врученный ими хану проект от 3 января 1681 г., а не на тот вариант, который был утвержден Мурад-Гиреем в марте.

Глаза на истинное содержание соглашения открыл гетману писарь С. Ракович, которого он «наодине» расспрашивал о результатах бахчисарайских переговоров после отъезда Тяпкина и Зотова. Ракович достаточно подробно и точно обрисовал реальные условия, на которые согласился Мурад-Гирей (граница по Днепру, Киев с пригородами и Запорожье за Россией и др.). Узнав, что одним из пунктов договора является запрет строительства новых и починки старых городов по обоим берегам Днепра, а также, что вольные промыслы запорожцев гарантированы только лишь устным ханским обещанием[6],

[5] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 20–21.

[6] «А о войске Низовом Запорожском устне хан говорил, что волно казаком из Сечи как в Днепре, так и в полевых речках рыбу и зверей ловити и жити безо всякого опасения».

но не текстом шертной грамоты, гетман забеспокоился. Беспокойство это было тем более очевидно, что Самойлович уже поспешил написать в Сечь о разрешении казакам вести свободный промысел в низовьях Днепра в связи с заключением перемирия (см. об этом далее). Гетман немедленно выслал Раковича и прибывших с Тяпкиным и Зотовым в Батурин запорожцев вслед русским послам с обширной грамотой. Он справедливо указывал на крайнюю невыгодность для Малой России статьи о запрете строительства и ремонта городов по Днепру[7], на шаткость устного ханского обещания касательно запорожских промыслов[8] и просил как можно скорее отправить посольство в Турцию с наказом активно добиваться пересмотра этих пунктов в окончательной версии мирного договора. Сообщая, что получил просьбу от запорожцев уведомить их об условиях перемирия, Самойлович просил прислать им «обнадеживальную» царскую грамоту «о святом покою и о всех их варунках, чего б они в своем житье были в Сече надежны и как им в промыслах своих рыбных поступати»[9]. Тем самым гетман предлагал московскому правительству взять на себя ответственность за объявление запорожцам о невыгодных для них условиях заключенного перемирия.

Прежде чем перейти к рассмотрению положения Запорожской Сечи весной 1681 г., необходимо сказать несколько слов о той атмосфере, которая царила на южном днепровском пограничье весной 1681 г. Инерция многолетней войны проявлялась в отдельных вооруженных стычках в степях нижнего Днепра и Южного Буга уже после заключения перемирия, но еще до его официального объявления в пограничных регионах – районах Запорожской Сечи и османских крепостей. Запорожцы сетовали, что «городчаня (гарнизоны османских крепостей на Нижнем Днепре – *К.К.*) во всю зиму на всех лугах около самой Сечи немало товарства нашего в неволю побрали и нестерпимые учинили шкоды», хотя Х. Муравский узнал о заключении русско-крымского пере-

[7] «Ся сторона Днепра яко есть истинная ваша царского величества отчина, так издавна неотступно под высокими вашего царского пресветлого величества скипетрами пребывает, не надобно было о строении сее стороны Днепра городов вспоминати. Ведаю, что спор был о той разоренной стороне, в которой чтоб городы строены не были, то есть надобно, а есть ли на сей стороне городов строити так как и на той стороне перемирные договоры заказати имеют, а еще когда без такого договору что опроче старых, где люди живут, укрепляти их повинно, тогда уже нельзя как Киева и Переяславля, так и иных на побережю Днепра будучих городов в те перемирные лета починивати и укрепляти».

[8] «Есть ли толко голым устным словом хан крымской говорил, а не написано то в шертном листу, тогда та свобода Низовому войску не может быти надежна, но можно то отменити, чево не написано и когда бусурманя слова ханского не додержат о Войску Низовом, то не имея в письме того обязания, нечем их устыдити и попирати».

[9] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9а. Л. 1–8 об. Грамота получена в Москве 18 мая.

мирия гораздо раньше, чем это стало известно в Сечи. Сами казаки тоже не были праздными, высылая в степь ватаги для захвата языков. Одна из них, «о покою святом не ведая», разгромила татарский отряд на Черной долине (по пути из Перекопа). Часть татар спаслась и ушла в Казыкермен, откуда немедленно было направлено 300 всадников на выручку пленных. Они нагнали запорожцев «не доходя урочища Царувского». В ходе последовавшей стычки казаки были разбиты, потеряв часть пленных и немалое число своих товарищей, которые в том числе попали в неволю и были отведены в османские крепости на Днепре[10]. Более удачным был промысел городовых казаков на Правобережье Днепра «в полях диких за Очаковым», «на перелазех на урочищах Телик-Гули»[11]. Где-то в первой половине апреля 1681 г. конная ватага Полтавского полка (400 чел. по крымским данным, 70 чел. согласно заявлением гетмана Самойловича) под командованием Трофима Толмача, вышедшая для «военного промысла» еще до Великого поста, напала и разгромила достаточно крупный татарский отряд во главе с двигавшимся из Крыма на Буджак дефтердарем (чиновник, ответственный за сбор налогов и составление налоговых реестров)[12], который «послан был для общих государственных дел в Белгород». По заявлениям Мурад-Гирея из отряда в 110 чел. 7 чел. были убиты, включая и дефтердара, а остальные разбежались или попали в плен[13]. Татары не оставались в долгу. Незадолго до дня св. Георгия (23 апреля), когда известия о заключении мира уже стали распространяться по Малой России, казаки полтавского полка отправились ловить рыбу на р. Самару, будучи уверены в своей безопасности, однако «татары не в малой купе, набежав, взяв от верху Самары станы и пасеки разоряли, аже до самого устья и всех людей… побрали в неволю». Сообщая об этом гетману (письмо от 29 апреля 1681 г.), полтавский полковник Павел Семенов просил его требовать от хана сыска и освобождения захваченных рыбаков и указывал, что ежели их не отпустят, «то будет весь народ наш вонтпити (сомневаться. – *К.К.*) о перемирье, что ныне обманом на Самаре татары учинили над людми нашими»[14].

[10] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 2–3.

[11] Х. Муравский утверждал, что это произошло «на Кошубиной долине за Очаковым под Белым городом» (Там же. Л. 11).

[12] В источниках он именуется тефтердар-ага (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 401), тефтедарь-ага (Там же. Л. 340, 411), однако речь, несомненно, о должности. В переводе письма к гетману казыкерменского бея Х. Муравского фигурирует наименование «индефтердар-ага». При этом бей утверждал, что он «есть четвертым сенатырем в крымском синклите» (Там же. Л. 277).

[13] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 401–402 (письмо Самойловича Мурад-Гирею), 411–412 (письмо Мурад-Гирея Самойловичу); Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9 а. Л. 7–8 об. (грамота Самойловича на царское имя).

[14] Там же. Л. 407 (письмо Самойловича Мурад-Гирею), 409–411 (письмо П. Семенова гетману).

Объявление запорожцам о Бахчисарайском перемирии

Вскоре после отъезда из Батурина Тяпкина и Зотова послание о мире было направлено гетманом Самойловичем в Запорожскую Сечь с казаком Игнатом Порпурою[15]. Гетман сообщал, что перемирие заключено на двадцать лет, Киев с уездом (включая городки Васильков, Стайки, Треполье) остался за Россией, в остальном граница между владениями царя и султана установлена по Днепру, но с запретом для османской стороны заводить поселения на Правобережье («городов на той стороне Днепра в побережье турская власть строити не повинна»), а также перехода людей для жительства с левого берега реки на правый и обратно. По условиям мира Низовому войску на Днепре якобы гарантировалась полная свобода промыслов: «вам, Войску Низовому, в реке Днепр от верху даже до низу не токмо рыбы и зверь всякой, но и… добыватца волно в речках полевых; добывать рыбы и зверь не будет вам возбранно». Наступление мира означало введение гетманом для запорожцев категорического запрета на любые враждебные акции в отношении турок и татар под угрозой смерти: «а есть ли своеволные убыточники хотя с сей стороны объявятца, таковых сыскивать, а что схватили и назад изобиженой стороне отдать, а самых своеволников смертью казнить». Соответственно гетман «увещевал» кошевого и старшину, чтобы они, «доволяся тем святым перемирным договором, воздерживали свое товарыщство от хитителных добычей, чтоб никакая от вас, Войска Низового, ни малая не являлася причина к нарушению того святаго меже монархами покоя». Нарушителей следовало строго карать и ни в коем случае не укрывать виноватых: «а кто от вас учинился своеволной, таков пусть ведает, что нигде не укроетца, везде ево найдут и везде под наказания выдадут». Гетман предлагал запорожцам забыть о военной добыче и сосредоточиться на мирных промыслах: «Пусть всяк из вас, добрых молотцов, удоволитца добычею рыбною и звериною, а крововую добычу оставить». Более детально условия мира («совершенное вам, Войску Низовому, объявление») должны были быть оглашены Сечи отдельной царской грамотой. В конце послания Самойлович благодарил запорожцев за дружественный прием и отпуск из Сечи царских послов в Крым, обещал им царскую милость и предлагал прислать своих представителей в Кишенку (местечко Полтавского полка) для получения собранных там для Сечи по приказу гетмана продовольственных запасов [16]. Самойлович таким образом не решился донести до Сечи истинные условия соглашения, изложив им условия перемирия именно в той редакции, в которой их предложило хану русское посольство в Бахчисарае в январе 1681 г., а не в том варианте, как их приняла крымско-османская сторона. Упоминая о царской грамоте с «совершенным» объявлением об условиях мира, Самойлович

[15] Имя установлено на основе ответного послания запорожцев (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 5) и позднейших упоминаний [5, с. 586; 4, с. 2].

[16] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 14–19. Письмо датировано апрелем, без указания дня.

тем самым оставлял за Москвой окончательное решение о том, как преподнести Сечи отсутствие в договоре гарантии свободных промыслов в низовьях Днепра.

В своем письме гетман также просил запорожцев проводить до Казыкермена возвращавшегося от него татарина Зейнела (Зелниила), который приезжал для «розмены неволников» и теперь вез гетманское письмо Мурад-Гирею с поздравлениями по случаю заключения мира и заявлением, что «во все полки и в украинные городы» разосланы универсалы с суровым запретом нарушать мир «под смертною казнью»[17]. Получив объявление о мире и возможности безопасно вести промыслы на Днепре, обрадованные запорожцы вручили сопровождавшим татарина казакам вышеупомянутое гетманское послание и собственное «войсковое письмо» к Х. Муравскому, «объявляя, что нам, Войску Запорожскому, волно добыватца на Низу ниже городков во всех урочищах войсковых, рыбу и зверь ловить, и соль брать в речках полевых». Однако посланцев Сечи в Казыкермене ожидал весьма неприятный сюрприз[18]. В ответном письме кошевому Ивану Стягайло Муравский заявлял, что условия мира несколько иные, в сравнении с теми, что поспешил объявить запорожцам гетман: «на Низ никому не волно будет ходити, понеже такой имею указ от салтана турского; о том твоя милость не печался, хотя господин гетман Войска Запорожского, к себе привлекая, пишет о волности на Низ, а непобедимый наяснейший салтан турский, государь мой, для того построил зде городы, чтоб на Низ ни един жив дух не ходил!» Дополнительно едущим из Сечи купцам запрещалось провозить алкогольные напитки[19]. При этом в связи с последним заявлением Муравский констатировал: «везде то деетца, что пошлину платят, как монарх всякому бею приказал, в той повинности прикажи быть, понеж не в хлев приезжают, а я от них поклону не вижу!». Чтобы удостовериться в его правоте касательно запрета промыслов в низовьях Днепра, бей предлагал кошевому послать «людей нарочитых» в посольстве к Мурад-Гирею и договариваться о промыслах с ним («и если что доброе требовать будете, и о том у хана просити»). В качестве жеста доброй воли, Муравский, впрочем, пропустил возвращавшихся с промыслов в низовьях Днепра казаков во главе с неким Еремой в Сечь беспрепятственно.

Расточая комплименты гетману Самойловичу за готовность соблюдать мир в духе польской барочной риторики[20], Х. Муравский одновременно заяв-

[17] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 18; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 400. Текст гетманского письма не сохранился.

[18] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 1.

[19] «А о купцах многожды писал, чтоб питья никакова не возили, потому что обманом хотят себе прибыль учинить».

[20] «Причитаю то добродетелному вожду, гетману заднепрскому, который яко честный наследник усматривает отчизны своей и напоминая Войско Запорожское, яко отец отчизны своей, междо монархами радеет о том, как бы лутче покой свя-

лял кошевому и запорожцам, что казацкие нападения не прекратились, и перечислял инциденты под Очаковым и в Черной долине. Жалуясь на отряд запорожцев, который недавно захватил нескольких человек прямо у одной из османских крепостей, Муравский декларативно подчеркивал, что не стал посылать погони, требуя «правды», то есть сыска виновных и возвращения пленных, от кошевого. «Пусть злодей злодейски умирает!» – витийствовал бывший подданный Речи Посполитой[21].

Послания бея весьма емко охарактеризовали ту политику, которую турецко-татарская сторона решила проводить в отношении Запорожской Сечи после заключения Бахчисарайского перемирия. Введение запрета на промыслы в низовьях Днепра ставило в текущем году Сечь в сложное хозяйственное положение, поскольку в условиях мира, нарушать который под угрозой смерти запрещалось, возможности материального обогащения запорожцев снижались. При этом Хуссейн Муравский лишь в общем виде заявлял о необходимости платить пошлины приходящим с Сечи торговцам, и видимо, промысловикам, но никаких уточнений об их размерах от него не последовало. Возможно, сами тарифы еще только должны были быть согласованы с центральными властями самой Порты, но вряд ли это могло быть сделано до завершения русско-турецких переговоров. Промедление в этом вопросе было даже выгодным османской стороне, делая запорожцев более податливыми в условиях ограниченного по времени промыслового сезона лета-осени 1681 г. Расчет турецко-татарской стороны был двояким. Во-первых, ограничение промыслов должно было привести к оттоку людей из Сечи и тем самым уменьшения ее военного потенциала. Во-вторых, оставшиеся казаки, осознавая, что зависят в хозяйственно-экономических вопросах скорее от хана и бея, чем от гетмана и царя, которые оказались не в состоянии защитить их интересы в новом мирном договоре, охотней бы пошли на расширение самостоятельных контактов с Крымом и Казыкерменом. Все это ставило под сомнение суверенитет России над Запорожьем, который, впрочем, крымско-османская сторона и так отказалась признать по Бахчисарайскому перемирию.

Получив от Х. Муравского столь обескуражившие их новости, кошевой Стягайло и запорожцы написали гетману Самойловичу, повторяя, что «по покойнике Серко сложили на велможность вашу (на гетмана. – *К.К.*) раду и пораду, так и ныне безимянно воли вашей починать ничево не смеем и не держа-

тый весть и приказывает яко вождь и ковалер, никому не наровя, как хто заслужил, так пусть наказание примет».

[21] Там же. Л. 10–13. Письма Х. Муравского кошевому от 13 и 15 мая. Несмотря на военное противостояние, имевшее ярко выраженный конфессиональный характер, между Сечью и Казыкерменом существовали не только торговые, но и финансовые взаимосвязи. В одном из писем Муравский отмечал, что в крепость приезжал некий Данила для возврата ранее ссуженных денег (надо полагать, кому-то из местных жителей) и успешно взыскал ранее выданный заем (Там же. Л. 12).

ем». Казаки просили гетмана хлопотать в Москве, «чтоб нам, Войску Запорожскому волность в Днепре на всяких добычах [была], как при прежних велможности вашей предках волность всякая в Днепре бывала». Выражая гетману свою лояльность, запорожцы обещали крепко соблюдать объявленное перемирие и не отправлять своих посланцев к крымскому хану, но просили содействовать освобождению казаков, попавших в плен в бою на Царувском урочище. В конце письма, благодаря Самойловича за обещанные припасы, сечевые казаки просили доставить их на кош подводами, потому что в данный момент у них не хватало лодок («лип»), которые были задействованы для речного промысла[22].

После объявления запорожцам о перемирии, сделанном со стороны гетмана, должно было последовать официальное и наиболее полное извещение от имени царя Федора Алексеевича. Вопрос этот был весьма деликатным для Москвы, которая должна была принять непростое решение: в какой форме объявить запорожцам содержание заключенного соглашения? Отделаться молчанием касательно отсутствия в договоре гарантий свободных казацких промыслов в низовьях Днепра было нельзя в свете заявлений Муравского. Поэтому подготовка грамоты затянулась.

Ракович и запорожцы догнали русское посольство в Туле. Тяпкин и Зотов сообщили о казаках в Москву, где 14 мая было указано (по грамоте из с. Преображенского, где находился царский двор, управлявшему Москвой в отсутствие государя кн. Я.Н. Одоевскому) отправить их назад к гетману из-за слухов о начавшейся в Крыму эпидемии. Въезд русского посольства в Москву был также задержан. При этом в столице посчитали необходимым отправить к Самойловичу жалованье для запорожцев, «применяясь к прежним дачам». 25 мая в Малороссийском приказе был дан указ об отправке троим войсковым товарищам жалованья, «что даетца на отпуске и вместо поденного корму и питья, что они не были на Москве, денег по четыре рубли, по сукну аглинскому, по паре соболей по три рубли пара человеку». С жалованьем отправился в

[22] Там же. Л. 1–5. Письмо И. Стягайло и Низового Войска от 16 мая (в рукописи ошибочно – 6 мая) 1681 г. (начало не сохранилось). К нему прилагалось письмо кошевого к гетману, где он благодарил за присланный ему через И. Порпуру «гостинец» и сообщал, что отправит к нему куренного атамана с вестью, когда казаки выедут в Кишенку для получения приготовленных там припасов (Там же. Л. 6). В отдельном письме от 14 мая кошевой и запорожцы просили гетмана способствовать освобождению сидевших в Казыкермене пленников: Конона, сына атамана Поповичевского куреня Лукьяна, захваченного прошедшей зимой на Великом Луге и Василия Тищенко, взятого в плен в ходе боя с татарами казацкого отряда Ф. Шепеля в ноябре 1680 г. (из Великогородского куреня, атаманом которого был казак Федор). За обоих пленников Х. Муравский требовал своего челядника Мухаммеда (Магмета), попавшего в плен под Чигирином и заключенного ныне в Глухове и некоего Шабана. Запорожцы просили гетмана отдать им указанных пленников для обмена (Там же. Л. 7–9).

Батурин 28 мая (этой датой выдана проезжая грамота) сержант Первого московского выборного полка Петр Обакумов. В грамоте гетману Самойловичу отмечалось, что указ в связи с доставленными запорожцами в Тулу письмами (которые в качестве карантинной меры было велено перед отправкой в столицу переписать набело) объявит гетману едущий к нему стольник и полковник Александр Карандеев[23].

Карандеев прибыл к гетману в стан у Новгорода-Северского и 25 мая 1681 г. после публичной аудиенции, в отсутствие старшины, вручил Самойловичу тексты заключенного договора, предупредив, чтобы об их содержании Войску Запорожскому, городовому и низовому он объявлял «как пристойно, по своему разсмотрению, применяясь тамошнему настоящему делу». Характерно, что на предложение Карандеева направить царские грамоты о мире малороссийским полковникам Самойлович отреагировал негативно, тогда как на отправке грамоты к кошевому продолжал настаивать «для того, чтоб он, кошевой атаман, и все Низовое Войско Запорожское про то перемирье с салтаном и ханом ведали и в том перемирье его царского величества грамотою наипаче удостоверились и были на его царского величества милость во всем надежны». Тут же последовали заявления гетмана о свежих жалобах запорожцев на казыкерменского бея, что он им «чинит тесноты и в речки и на Низ для рыбы и соли не пропускают». Гетманские прогнозы о «голом» ханском слове таким образом полностью оправдывались, в связи с чем он еще раз потребовал включить в наказ русским послам в Турцию пункт об обеспечении вольных промыслов запорожцев в низовьях Днепра и возврате отнятой добычи в случае грабежа («взятое сыскав отдавали безо всякого умаления»). Информацию об этом следовало, по мнению гетмана, отразить и в будущей царской грамоте на Сечь[24].

Мнение гетмана, высказанное Карандееву, подкрепляли врученные им стольнику и полковнику статьи. Гетман считал необходимым скрепить новой ханской шертью условие, «чтоб казаком запорожским в Низ Днепра и в полевых речках рыб и всякого зверя и соль волно было добывать». Несмотря на то, что хан якобы «словесно» это обещал Тяпкину и Зотову, «что будет им свободно в Низ Днепра соль имать в озерах и рыба, и зверь всякой ловить, однако когда в перемирной шертовой записи тех волностей не написано и для того разсуждая, что в таких договорах голым словом обещано, а писмом не бывает укреплено, то крепко здержано быти не может». Самойлович считал это тем более необходимым, что проблема уже возникла. После того как «по речам послов его государевых, в Крыму бывших», он написал запорожцам о свободе промыслов, они тут же столкнулись с отказом казыкерменского бея признать за ними это право: «бей казыкерменской совершенно им отказал, чтоб ниже городков турских над Непром обретающихся для рыбной и зверниой ловли и брания соли казаки ходить не дерзали, а сказывает, будто выше городков

[23] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 125–131 об.
[24] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 469–472.

надобно быть рубежу и научает он бей, Войско Низовое, чтоб они о тех своих старинных в Низу Днепра бывших прибылях хана крымского просили». Понимая, что это грозит дрейфом Сечи в сторону Крыма и Турции, он настоятельно просил, «чтоб та о волностях Войска Запорожского статья как зело надобная милосердным его монаршеским попечением и повелением была опасена»[25]. Другая крайне «неприбыльная статья» «всему Малоросийскому краю» – это пункт перемирия о запрещении «становить города» по обоим сторонам Днепра. «Таким делом, – полагал гетман, – не толко новых городов зде строить, но и старых починить нельзя будет, а надобно было опасти, чтоб волно городы по сей стороне Днепра строити и старые починивати как ныне»[26].

По возвращении Карандеева результаты его посольства были заслушаны Боярской думой 14 июня. Она констатировала, что просьбы гетмана «о запороженях» и «о строении городов на сей стороне Днепра», высказанные А.Ф. Карандееву, уже включены в тайный наказ русским послам в Стамбул, которых решено было отправить в путь поскорее[27]. Что касается грамоты запорожцам, то предложение гетмана сообщить им условия мира было принято негативно[28]. Вместо этого решили ограничиться общей декларацией, что тексты русско-крымско-османского соглашения отправлены гетману, а русским послам даны инструкции сделать представление османскому двору касательно «обид», которые запорожцы испытывают от казыкерменского бея[29].

Решение направить запорожцев за выяснением условий мира к гетману и изобразить нанесенные Муравским «обиды» сечевым казакам как частный инцидент, было принято в Москве не без колебаний. Об этом свидетельствуют два черновых отпуска грамоты, предназначенной для запорожцев (оба не датированы). Первый из них, видимо, более ранний – это действительно наиболее «совершенное», как и обещал запорожцам Самойлович, объявление о заключенном перемирии и его условиях. Сделано оно было, правда, в полном соответствии с январской редакцией Бахчисарайского договора, положения которой в Крыму и при султанском дворе соблюдать не собирались. Кошевому и запорожцам объявлялось о закреплении за Россией Киева, а также самого Запорожья: «нашей царского величества отчине, городу Киеву з городами и землями, изстари к нему належащими и от Киева до Запорожья, и Запорогам, и тебе, нашего царского величества подданному кошевому атаману и всему при

[25] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 354–358.

[26] Там же. Л. 358–359.

[27] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 323. Отправка послов – окольничего И.И. Чирикова и дьяка П.Б. Возницына как раз происходила в этот момент [6, с. 505].

[28] «А что в гетманском писме написано, чтоб в грамоте на кош имянно написать, как им на Запорожье быть, в каком определении, чтоб они ведали и были надежны, что волно им в Днепр в реках рыба ловить и соль брать, и того б ныне не писать до возврату великих послов».

[29] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 487–488.

тебе посполству пребывающему быть в нашей, великого государя, нашего царского величества стороне». Отмечалось, что «которые пустые земли за Днепром во владенье салтана турского и на тех землях городов и городков не делать». В подтверждение якобы именно этих обязательств Турции и Крыма посланники прислали в Москву «салтана турского запись, а хана крымского шертную грамоту за золотою печатью, на которой грамоте хан и калга, и нурадын-салтан за себя и за весь Крым при них, Василье и при дьяке Никите на куране шерть учинили» (на самом деле содержание ханской шерти и письма османского визиря, как отмечалось выше, было иным). Войску Запорожскому, городовому и низовому предлагалось «при покое святом в счасливой и благочестивой нашего царского величества державе… тешитца». Содержалась в грамоте и констатация гетманской просьбы о закреплении ханской шертью права запорожцев вести свободные промыслы в низовьях Днепра[30], однако далее текст обрывается, и как в Москве предполагали отреагировать на это, не ясно.

Второй отпуск составлен в полном соответствии с рекомендациями Боярской думы от 14 июня. Он как раз избегает изложения условий перемирия (здесь лишь указано, что список договора послан к Самойловичу), сводя их к следующему пассажу: «Вы, Войско Низовое Запорожское со всеми своими приналежностями как изстари было пребываете под нашею царского величества самодержавною рукою в подданстве, о чем и в шертной ханове грамоте имянно писано». В значительно большей степени данный текст посвящен проблеме «обид», нанесенных Низовому Войску казыкерменским беем. Стягайло и запорожцам предписывалось, тем не менее, строго соблюдать мир и ожидать результатов «жалобы» на политику Муравского, которую к суланскому двору должны принести русские послы. Все решение текущих противоречий между Сечью и турецко-татарской стороной перекладывалось на гетмана: «А буде впредь покажетца вам с стороны салтана турского и хана крымского какая противность и вы б писали о том нашего царского величества к подданому, Войска Запорожского обоих сторон Днепра к гетману Ивану Самойловичю». Именно ему царским указом поручено писать к Х. Муравскому и добиваться, чтобы турки и татары «в ваши стародавние владения, ни в какие угодья не вступались и тем обиды не чинили». Кроме того, низовых казаков и кошевого просили не «ставить» себе «во оскорбление» отказ центральных властей пропустить в Москву Тарана и его товарищей[31].

Именно этот текст, датированный 1 июля[32], и был, судя по всему, отправлен Самойловичу для пересылки запорожцам. Он прилагался к царской грамо-

[30] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 8а. Л. 1–6. В тексте отмечалось, что известия о заключении перемирия пришли в Москву 29 апреля.

[31] Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 509–510 об.

[32] Дату установил Д.И. Яворницкий, который сам текст не знал [5, с. 2; 4, с. 585].

те, адресованной самому гетману от 30 июня. В ней отмечалось, что в инструкцию послам в Турцию включены вопросы о Запорожье и городах по Днепру[33].

Царская грамота для запорожцев была получена в Батурине где-то в середине июля. В послании сечевым казакам от 18 июля гетман Самойлович сообщал, что наконец-то отпускает с полученным из Москвы посланием задержавшихся у него сечевых посланцев Ивана Тарана и Ивана Нещерета. Сделать это ранее, не дождавшись присылки войску «имянной монаршей его царского величества грамоты» было бы «непригоже». Гетман подчеркивал, что задержка с ее получением была обусловлена серьезными причинами[34]. Под последними в первую очередь следует иметь в виду установленные Москвой на южном пограничье карантинные меры из-за начавшейся в Крыму смертельной эпидемии.

Официальная царская декларация запорожцам об условиях Бахчисарайского мира, подготовка которой несколько затянулась[35], подводила черту под позицией Москвы и Батурина относительно тех его условий, которые считались приемлемыми для гетмана и русского правительства. В вопросе о Запорожской Сечи они были противоположны позиции ханского и особенно турецкого дворов, которые отказались признать Запорожье владением России и свободу казацких промыслов в низовьях Днепра, подтвердив это врученными русской стороне документами. Это сбило с толку запорожцев, для которых радость от заключенного мира очень скоро сменилась горьким разочарованием. На Сечи возникли предпосылки для всплеска казацкого недовольства, формирование которых следует рассматривать в контексте отношений гетмана Самойловича и хана Мурад-Гирея в конце апреля – июне 1681 г.

Запорожская Сечь и миссии в Батурин Мустафы Челибея

Убийство дефтердара, судя по всему, серьезно обеспокоило крымский двор, который немедленно выслал к Самойловичу своего посланца – Мустафу Челибея (Мустафа Агметев). 10 апреля он прибыл на Сечь, вручив запорожцам письма хана и казыкерменского бея с обвинениями в разгроме татарского отряда под Очаковым. В ответных письмах хану и бею запорожцы отрицали свое участие: «наше товарство в нынешнее время за Богом не были, а на том поле около Богу и нигде никаких обид государству крымскому не чинили». В Сечи справедливо полагали, что нападение на отряд дефтердара совершили «городовые ватаги» и для выяснения ситуации прикомандировали к двигавшемуся в

[33] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 331–334.

[34] Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 12. Л. 38. Об отпуске Тарана и его товарищей в Сечь с царской грамотой гетман сообщил царю в послании от 21 июля 1681 г. (Там же. Л. 14).

[35] Гетман напоминал Москве на необходимости ее отправки вновь в послании от 27 апреля 1681 г. (Там же. Л. 504–506).

Батурин Мустафе Челибею свое посольство во главе с заслуженным казаком Петром Вербицким. В послании с ним сечевые казаки также сообщали гетману: «в нынешнее время из войска нашего на Низ пошли [люди] для ловления рыб и зверей близ городков, надеясь на нынешние междо монархами и народом посполитым перемирные договоры». Казаки эти, судя по всему, отправились на промыслы, вскоре после визита в Сечь Тяпкина и Зотова. Запорожцы не знали точных условий заключенного перемирия, поэтому их беспокоила судьба товарищей, и они с нетерпением ожидали конкретных рекомендаций («порады») от гетмана, чтобы «то товарство наше на Низу не потерять, которые для добычи безопастно розошлися». В конце послания запорожцы повторяли просьбу прислать в Сечь «ватагою через поле» «хлебные запасы» (гетман хотел, чтобы казаки сами забрали их из Кишенки), а также железо и смолу для починки речных судов[36].

Мустафа Челибей прибыл в Батурин в двадцатых числах апреля, доставив гетману ханское послание. Обращаясь к «християнского народа почтенному и чесному гетману барабашскому», Мурад-Гирей отмечал, что «московские послы с Московским государством и с тобою, гетманом, перемирье учинили и шертная грамота дана». Далее он жаловался на убийство дефтердара, которое приписывал запорожцам, и заявлял: «А после перемирного договору и в дружбе будучи такого дела чинити не годитца». Хан демонстративно подчеркивал, что не ведает, с разрешения гетмана произошло подобное нападение или нет, обещая пожаловаться на него в Москву. Мурад-Гирей предлагал Самойловичу, что если ему «нынешний мир годен», пусть он немедленно выдаст захваченных татар «с лошадьми и с ружьем, и с пожитком». На случай, если бы гетман заявил, что ему «до запорожцов дела нет», хан обещал разобраться с ними сам[37].

Гетман ответил обширным посланием 24 апреля 1681 г. В жалобах хана на убийство дефтердара Самойловича задели намеки, что «бутто запорожцы пребывают в моем гетманском непослушании». Поэтому он декларативно заявлял Мурад-Гирею: «Войско Низовое, в Сече пребывающее, мне гетману во всем послушно». При этом Самойлович признавал, что хотя он и является «регементарем» (правителем) над Сечью, который в случае необходимости «может приказать тому войску», верховная власть над Запорожьем принадлежит русскому царю, от которого сечевые казаки «имеют жалованье» и которому «верную свою сохраняют службу».

Признавая факт разгрома отряда дефтердара, участие запорожцев в этой акции гетман отрицал. Он утверждал, что «учинили то казаки розных городов украинских» в ответ на нападения крымских татар «из Белогородчины» и из

[36] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 493, 495–496. Письмо от 11 апреля. П. Вербицкий вернулся в Сечь вместе с И. Порпурой (Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 9. Л. 5).

[37] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 411–412.

Немирова по распоряжению Ю. Хмельницкого. Кроме того, произошло это в то время, «когда у нас не толко о учиненном святом перемирье, но и о возвращении послов монархи нашего и посланца моего, в Крым посланных, никакие ведомости не было». Поэтому Самойлович «регименту своего казаков не толко (не) унимал от военного промыслу, но еще им успоминал, что всякой рыцерской молодец всяким способом татар громили и о взятью языка промышляли». Гетман указывал, что еще «в прежнем листе» (послано с татарином Зейнелом) предупреждал хана о выходе «в поле» перед началом Великого поста (в 1681 г. начался 14 февраля) нескольких «ватаг добрых военных казаков из розных городов», одна из которых и разгромила отряд дефтердара. Самойлович выражал официальное сожаление в связи с произошедшим, оправдываясь, что стычка произошла из-за того, что казаки еще не знали о заключенном перемирии. Он упрекал хана, что тот не сообщил ему о нем заранее, когда «договоры» с русской делегацией уже приходили «к совершению». Тогда бы гетман якобы успел отправленные «ватаги возвратить». Резюмируя, он предлагал Мурад-Гирею не считать произошедший инцидент нарушением мира, обещая впредь его прочно соблюдать, «чтоб никакие ватаги под соседское государство… не ходили», а также карать всех своевольников.

Демонстрируя добрую волю, Самойлович приказал «сыскивать и на пристойное место приводить» пленников из-под Очакова, одновременно послав гонца к царю за инструкциями, как ему поступать в этом деле («имея над собою облаадателя и государя, его царское пресветлое величество, бес которого воли и ведомости чинити мне ничего не годитца»). Гетман заранее предупреждал хана, что «в казацких руках» находится лишь около 30 пленников. Последнее мог подтвердить и знатный татарин Адиль, который был взят в плен вместе с ними и находится ныне в Батурине («сказывает, что всех их татар живых в руках казацких 30 человек обретаетца, а иные были раненые и многие померли до нынешняго времяни»).

Не забывал Самойлович и об ответных претензиях, упрекая Мурад-Гирея в разбойных действиях «чамбулов татарских», захвативших полтавских рыбаков на р. Самаре. Он подчеркивал, что не считает эту акцию произошедшей с ведома Мурад-Гирея и не «причитает» нападение к нарушению перемирия, но просил «тех людей наших, в неволю в полон взятых, приказати сыскать и возвратить». В конце письма Самойлович просил отпустить двух запорожских казаков – Якова Проскуру и Стефана Белого, которые были посланы в Очаков как заложники («в заставу») еще при жизни Ивана Серко и которым якобы очаковский бей «уши… отрезал, ести велел и глаза выкулопати хочет». Гетман напоминал, что Мурад-Гирей приказал их отпустить еще «в то время, коли Батырча мурза из Сечи отпущен»[38].

[38] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 400–409.

27 апреля гетман Самойлович отправил в Москву грамоту с просьбой об указаниях, что делать с захваченными под Очаковым пленными[39], однако Мустафа Челибей не дождался, когда гетман получит царский ответ и в конце апреля вернулся домой. Мурад-Гирея это не удовлетворило, и он вторично послал его в Батурин. Посол в сопровождении четырех спутников выехали из Крыма 27 мая. О дате отправления мы знаем благодаря боярину В.Б. Шереметеву, который отправил с ним своего человека Микитку с письмом к гетману И. Самойловичу (обращался к гетману как «вязень и нужетерпец крымской и заточенный в жидовском городке дватцать один год»). Между прочим, боярин полагал, что гонец направлен непосредственно к царю в Москву и потому просил гетмана отпустить его в дальнейший путь, не задерживая[40].

Мустафа Челибей вез новое письмо хана, в котором тот выражал надежду, что инцидент под Очаковым будет урегулирован и гетман возвратит захваченных казаками пленных. Попутно Мурад-Гирей признавал, что некие из «безчисленных орд крымских воры» совершили набег в Малую Россию, захватив четверых казаков (речь шла о самарских рыбаках), которых хан возвращал с Мустафой-Челибеем, заявляя, что указанных разбойников он распорядился «лютою смертию мучив, казнить, дабы на то смотря, нихто не дерзнул впредь такое зло делати»[41]. Письмо аналогичного содержания написал Самойловичу и ханский визирь Ахмед-ага, добавив лишь требование пропустить Мустафу Челибея в Москву в случае отказа освободить пленных[42].

Когда Мустафа Челибей проезжал через Казыкермен, Х. Муравский прикомандировал к нему своего слугу Сеферода-баши с письмом на польском языке (от 10 июня 1681 г.) к гетману. Бей выражал стремление жить с гетманом в мире и дружбе. Он якобы договорился с возвращавшимся из Крыма С. Раковичем, чтобы в случае пограничных конфликтов гетман не жаловался немедленно в Москву. Это, видимо, подразумевало, что претензии в нарушении мира следовало сначала предъявить ему, бею, и возникший конфликт мог быть таким образом разрешен без вмешательства центральных правительств обеих стран – России и Турции. Муравский считал необходимым прокомментировать и причины высылки Мустафы Челибея, заключавшиеся в нарушении мира («сламали покой святой меж монархами нашими»). Причем бей подчеркивал, что это уже вторая подобная акция со стороны казаков, в то время как хан строго соблюдает перемирие. В связи с этим Муравский настаивал, чтобы запорожцы перестали разбойничать на пограничье и «постоянны были во

[39] Текст этой грамоты сохранился во фрагментах: Там же. Л. 492, 494, 504–506.

[40] Там же. Л. 274–275.

[41] Там же. Л. 372–374. Между прочим, в грамоте Мурад-Гирея подчеркивалось, что татарский посланец выслан «к наяснейшему царскому величеству московскому».

[42] Там же. Л. 375–376.

всем». Кроме того, он просил, чтобы гетман дал распоряжение о запрете продажи турецких и татарских пленных греческим купцам, «которые великие вымышляли окупы на них», зная, что «кто на воде утопает, тот и за бритву хватается» (то есть попав в плен, согласен на любой выкуп) и обменял или разрешил выкупить их напрямую. В конце письма бей предлагал вести с ним и с Мурад-Гиреем переписку на польском языке «для того, что удобнее и не трудно с полского на турской язык перевесть»[43].

Кроме гетмана, Мустафа Челибей должен был вручить письмо хана к кошевому Ивану Стягайло. Мурад-Гирей писал вполне дружелюбно, величая Стягайло атаманом «войск его царского величества запорожских» и тем самым как бы формально признавая суверенитет России над Сечью, что несколько противоречило конкретным шагам турецко-татарской стороны. Сообщая о казни «жестокою смертию» разбойников, напавших на самарских рыбаков, Мурад-Гирей преподносил это как урок для любого, кто мыслил о подобных «злых делех», подчеркивая тем самым желание сохранять с Сечью мир[44]. Хану вторил его визирь, Ахмед-ага[45].

Около 12 июня (этим днем датировано письмо кошевого Ивана Стягайло гетману о татарском посольстве) крымская миссия прибыла в Запорожскую Сечь. Согласно обычаю доставленные ей письма крымского визиря, хана и казыкерменского бея к запорожцам, были распечатаны и прочитаны вслух на собравшейся раде. Запорожцев дружелюбный тон крымско-турецкой стороны, впрочем, совсем не вдохновил. «А в тех листах Войску Запорожскому никаковы потехи, – жаловались они Самойловичу, – а наипаче прибылного нам дела о добыче на Низу в соли и рыбе во всех урочищах днепровых и речках полевых не имеем, что бей казыкерменской ни единого духа из нашего товарыщства не пущает в низ ниже городков». Повторяя уже дежурную сентенцию о готовности быть под гетманским протекторатом после смерти Серко, Сечь выражала надежду, что гетман «яко регимонтар» добьется в Москве соответствующих шагов по изменению этого положения («изволь нам освободить низовую добычю, а найпаче в нынешнее время время, чтоб нам Войску Запорожскому дорога мимо городки была пространна»). Запорожцы просили сообщить им о мерах в этом направлении как можно скорее, прежде возвращения из Батурина Мустафы Челибея, поскольку «около городков на низу на добычах» сейчас находятся множество казаков, которых их товарищи боялись потерять как «неосторожно поступающих». Письмо вместе с татарским посольством

[43] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 276–278. В конце письма бей писал: «А для приятства посылаю милости твоей ханку, прошу изволь милость твоя от меня то приняти приятно». Что означает в данном случае «ханка», неясно.

[44] Там же. Л. 207.

[45] Там же. Л. 206.

повезли в Батурин запорожские представители: Роман Малюк и Гаврило, атаман Сергеевского куреня «с ыными товарышствы»[46].

Известия о новом посольстве Мустафы Челибея гетман направил в Москву с гонцом Иваном Войтенко 14 июня 1681 г. Сообщая о разгроме отряда дефтердара, Самойлович докладывал, что 28 пленных из этого отряда отысканы и помещены в Гадяче «за сторожею» до царского распоряжения. Гетман просил прислать его поскорее, поскольку Мустафа Челибей в случае его отказа освободить пленников якобы собирался ехать в Москву. Эта угроза носила, впрочем, характер демонстрации, поскольку гонец не имел даже писем от хана к царю. В связи с этим гетман выражал недоумение, зачем боярин В.Б. Шереметев требовал пропуска ханского посланца в русскую столицу. Самойлович, в том числе и из-за известий о моровом поветрии в Крыму, начавшемся еще зимой, предпочел задержать Мустафу Челибея и требовал в связи с этим разъяснений. Гетман не торопился отпускать и плененных под Очаковым татар, в том числе и потому, что крымская сторона вернула лишь четырех рыбаков из тех, что были захвачены на р. Самаре[47].

Кроме того, гетман поднимал важный вопрос о формах и содержании своих контактов с Крымом после заключения перемирия. Он прогнозировал, что татарские гонцы теперь будут часто наносить визиты в Батурин по разным делам («похочет хан крымский, яко близ с малоросийскою страною смежный и о малых, и о великих делех присылать часто своих… посланцов»), одновременно акцентируя внимание царского двора на том, что содержание их обходится недешево, поскольку крымцы и по пути, и гостя у гетмана, требуют себе кормов и подвод, да еще и «о скором своем отпуске назад зело докучают». Кроме того, часть дел, с которыми хан может присылать, Самойлович очевидно считал мелкими и недостойными внимания царского двора. В связи с этим он просил позволения отправлять и принимать ханских гонцов в различных «мелких и обычных» делах, не испрашивая каждый раз санкции Москвы. «А должность мою я ведаю, – уверял Самойлович московские власти, – что по верной службе моей належит мне о всяких и малейших делех вам, великому государю, чинить известно»[48].

Пожалуй, важнейшей частью послания Самойловича был помещенный в конец письма запорожский вопрос. Здесь еще раз подробно излагалось все то, о чем гетман уже писал в Москву ранее – о запрете бея пускать запорожцев в низовья Днепра, недовольстве запорожцев и необходимости исправить ситуацию на переговорах в Турции. «Хан крымской и его государство, – сокрушал-

[46] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 489–491. Кроме того, запорожцы вторично просили прислать им продовольственные запасы подводами, т.к. необходимое количество челнов в Сечи отсутствовало из-за того, что «войско все разошлось на добычю».

[47] Там же. Л. 339–343.

[48] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 344.

ся гетман, – с Серком покойным атаманом кошевым перемирья становя, никогда казаком запорожским на низ Днепра для обычных добычей не возбраняли [ходить]; и естли Серко, человек мелкой […] мог ту волность Войску Низовому опасти, а для чего ж бы ваши царского пресветлого величества преславныя монаршеския, которые на весь свет высокую имеют честь, попеченья, не имели такова малого дела у них, хана крымского и салтана турского взыскать к лутчей преславной вашей монархии прибыли?!»[49].

Указ с боярским приговором по гетманской грамоте состоялся 23 июня. Самойловичу предписывалось вернуть захваченных татар с требованием, чтобы крымская сторона выдала и остальных захваченных на Самаре рыбаков; решать впредь самому все мелкие порубежные конфликты «по войсковым своим правам», не пропуская приезжающих гонцов в Москву, а лишь информируя Малороссийский приказ о результатах разбирательств. Что касается запорожцев, то в Москве заявили, что соответствующая статья включена в наказ выехавшему в Турцию посольству, а прибывшему в столицу представителю ханства об отмене запрета на запорожские промыслы в низовьях Днепра «говорено пространно» (в целом это было действительно так, см. далее). Дополнительно Самойловичу предлагалось самому написать Хуссейну Муравскому, «чтоб он запорожаном против прежняго исконнаго владенья ни в чем не заборонял, понеже Запороги по договором мирным в государеве стороне»[50]. О всех этих решениях Самойлович был проинформирован царской грамотой[51].

Получив царские указания, гетман распорядился отпустить в обратный путь Мустафу Челибея и Сеферода-башу, освободив и отправив с ними 28 татар, захваченных под Очаковым. Они покинули Батурин 20 июля в сопровождении гетманского посольства во главе с нежинским полковым писарем Иваном Дорошевичем, чьей задачей было добиться освобождения в Крыму аналогичного числа малороссийских казаков. Представители хана и казыкерменского бея повезли своим господам обширные гетманские послания, в которых излагался ряд принципиальных для Самойловича моментов касательно дальнейшего взаимодействия с турецко-татарской стороной в регионе южного пограничья. Во-первых, гетман декларировал, что освобождение пленных татар состоялось по получении царского указа согласно монаршей воле, подчеркивая таким образом готовность осуществлять контакты с Крымом в мирное время с санкции Москвы. Во-вторых, в гетманских грамотах подчеркивалось, что пленники были законной военной добычей, поскольку взяты в плен еще до объявления перемирия и их освобождение – добрая воля гетмана и царя в надежде, что и со стороны Крыма последуют ответные шаги. «Татар тех, – писал гетман, – не для того возвращаем, чтоб нас принуждала до того должность, но возвращаютца те и отдаютца для доброй вашей ханской милости охоты и

[49] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 344–346.
[50] Там же. Л. 339 об., 340 об., 341 об.
[51] Там же. Л. 284–289. Окончание отпуска не сохранилось.

приязни». Выражением такой приязни Самойлович склонен был считать освобождение нескольких рыбаков с р. Самары и выражал надежду, что число отпущенных казаков еще вырастет, «чтоб есми тем, – говорил Самойлович, – тем паче укреплялись о постоянном с стороны вашей ханской милости и всего государства крымского покое и приятелстве».

Вместе с тем в грамоте Мурад-Гирею Самойлович выражал ряд упреков. Первый из них касался двух татарских нападений на окрестности г. Тора, которые случились уже после заключения перемирия, «когда весь наш росийской народ везде был в безопасении». В ходе него татары «в несколких обозах великое число людей погромили», захватили множество пленных и в том числе 10 человек из «гадецкого замка» самого гетмана, которые посланы были туда для добычи соли. Самойлович подчеркивал, что не считает это проявлением ханской политики, но действиями очередных «своевольников», которые «обыкли жить ловлею, не почитая и не содержая покою святаго», и требовал немедленного освобождения пленных. «Та шкода и убыток наш зело болен нам», – отмечал он, утверждая, что со своей стороны, «что ни есть шкод государству крымскому из страны нашей учинилось бы, готовы есмы справедливость учинити над преступниками». Другой упрек касался уже известного запрета запорожцам «ходить по Днепру вниз челнами для рыбного и соленого промыслу». Не говоря об этой проблеме в письме Хуссейну Муравскому, Самойлович пространными аргументами, в том числе напоминая об устном обещании Мурад-Гирея, данному В. Тяпкину и Н. Зотову, просил хана добиться от турецких властей отмены пресловутого ограничения и «приказать» бею, чтобы тот «казакам запорожским на низ Днепра для рыбного и соляного промыслу ходить не возбранял». Мурад-Гирею напоминали, что «при прошлых ханах, так и ныне свежо при владении вашей ханской милости с самим Войском Низовым постановя перемирье, казаком вниз реки Днепра на рыбные и слояные промыслы ходить не возбранялось, аще тогда вашей ханской милости и меншими людми, одними запорожцы постановленное перемирье так было крепко, что волности круг добычей соляных и рыбных Войску Низовому были отверсты». Ныне это тем более возможно, полагал гетман, «понеже с обоих сторон почитание монаршеское междо народы покой подтвержало, а особно, что те волности никому не вредят».

Сообщая в Москву об отпуске ханского и бейского представителей вместе с Дорошевичем, гетман вновь сетовал, что запорожцам «без Низу днепрового, се есть без мест тех, где Днепр впадает в море, откуду и рыбная и соляная добыч из давных лет взыскуется, обойтися немочно», также как и «городовым малоросийским жителем, а наипаче ж подле Днепра обретающимся без той там стороны совершенно прожить трудно, понеже на той там стороне имеют свои лесные займища, пасеки, в речках рыбные ловли и з добычи звериной прибыли». Причем в последнем случае Самойлович подчеркивал, что жители Левобережья будут ходить за Днепр «для всякого надобия», даже если «з жестоким приказом пригрожено было там не бывать». Царским послам в Турцию

следовало, по мнению гетмана, добиваться пересмотра соответствующих положений русско-крымского соглашения «ласковыми словами и разумными предложенми, а хотя и дачею какою»[52].

В уже упоминавшейся грамоте запорожцам от 18 июля гетман Самойлович сообщал, что донес в Москву о проблемах взаимоотношений Сечи с Х. Муравским, прося «помочи и обороны», и что о беспошлинном хождении на промыслы в низовья Днепра будет хлопотать в Константинополе царский посол. Сечь информировали и о соответствующем обращении гетмана к Мурад-Гирею. «Надеемся, что хан учинит прошению нашему доволно», – утешал Сечь гетман, – «понеже при договорах перемирных истинное таково было ево ханское слово, что старинные волности ваши и наши войсковые во всем не нарушены и соблюдены будут». «Не сетуйте, ваша милость, – продолжал он далее, – понеже что бей казыкерменский спорит о волностях наших, и то исправит всемогущий Бог». Одновременно Самойлович предупреждал запорожцев о необходимости строго соблюдать мир. «Прилежно берегитесь в том, дабы всяк с вашего товарства не дерзнул во время сего святаго покоя противно чинити, а преступных крепко наказуйте и чините управу», – призывал Самойлович запорожцев[53].

Недовольство запорожцев, смена кошевого и посольства к хану и гетману

26 июня в Сечь прибыли Стефан Белый и Яков Проскура – заложники, отпущенные очаковским беем. Вместо них в Очакове остались «порукою» нежинский грек Кирьяк и Грицко, товарищ Тимошевского куреня, которые приехали в Очаков «купецким делом». Они согласились на это, поскольку бей угрожал давно содержавшимся у него казакам лично «очи вылупить», если их не выкупят в ближайшее время. Бей требовал от Сечи освобождения двух пленных татар, Мухаммеда и Абдурахмана, содержавшихся в Нежине у некоего грека Христофора, выкуп в размере полутора тысяч левков, а также соболиные и беличьи меха («испод соболей», «цки беличьи»). Запорожцы, не имея у себя в данный момент «ни татар, ни казны войсковой», 29 июня отправили к гетману освобожденных из очаковского заточения Проскуру и Белого в сопровождении двух других нежинских греков-купцов – Демьяна и Павла, а также атаманов Донского куреня Андрея и Каневского куреня Грицко с просьбой о предоставлении назначенного беем выкупа и выдачи упомянутых татар для

[52] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 12. Л. 1–15 (гетманская грамота на царское имя), 16–22 (грамота хану от 21 июля 1681 г.), 23–28 (грамота бею от 18 июля 1681 г.). В ответной царской грамоте от 2 августа 1681 г. гетмана еще раз заверяли, что все его пожелания касательно инструкций русским послам в Османскую империю в делах доступа запорожцев в низовья Днепра, а городовых казаков – на Правобережье, будут обязательно учтены (Там же. Л. 71–74).

[53] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 38–41.

обмена[54]. В отдельном письме кошевой Иван Стягайло, уверяя, что запорожцы в данный момент воздерживаются от отправки «послов» в Крым и решения вопроса о днепровских пошлинах самостоятельно, просил гетмана добиться, чтобы сечевым казакам была восстановлена «как при прежних предках… всякая волность в Днепре для добычи». Актуальность этого вопроса резко возросла в связи с тем, что «ныне пора приходит идти войску (на промыслы. – *К.К.*), но бей ни единого духа не пропущает на низ». Помимо этого, Стягайло повторял просьбу доставить в Сечь все еще не присланные продовольствие и воинские припасы, пропустить запорожских посланцев в Москву, и не «досадовать», что войско просит у гетмана денег на выкуп товарищей у очаковского бея[55].

В июле для запорожцев стало очевидно, что в ближайшее время, в том числе в течение начавшегося охотничьего и рыболовного сезона добиться свободного прохода в низовья Днепра на промыслы не удастся. Это, по всей видимости, вызвало определенные волнения на Сечи, под давлением которых кошевой Иван Стягайло согласился на отправку посольства в Крым (как и предлагал Х. Муравский) для решения вопроса касательно казацких промыслов на Нижнем Днепре. Ранее кошевой избегал делать это в угоду гетману Самойловичу. Мурад-Гирей дал аудиенцию посланцам во главе с Сергеем, атаманом Ирклеевского куреня, в ходе которой выслушал их речь и принял письмо. В ответном послании кошевому и войску хан предлагал заключить с Низовым войском отдельное мирное соглашение, для чего предлагал прислать к нему уполномоченных представителей. После этого Мурад-Гирей обещал хлопотать об отмене пошлин у султана, предлагая казакам в качестве временной компенсации пока что ездить за солью к Перекопу, где им будет разрешено покупать ее без дополнительных наценок и сборов [4, с. 585][56]. В письме таким образом недвусмысленно выражалось стремление Крыма установить более тесные и дружественные связи с Запорожьем. Указывая на необходимость заключения отдельного «мира» и демонстрируя готовность выступить ходатаем интересов Сечи при османском дворе, Мурад-Гирей претендовал на самостоятельные, без контроля Москвы и Батурина, отношения с Запорожьем. Снова, как и во времена И. Серко, крымская сторона пыталась использовать заинтересованность казаков в решении конкретных вопросов для укрепления своего влияния над Сечью в целом. И снова такие шаги не удовлетворяли запорожцев, что получило свое проявление в смене их настроений. В результате Стягайло получил отставку, а новый кошевой, Трофим Константинович Волошенин, поспешил отправить посольство к гетману с объявлением о попытке

[54] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 92. Ч. 2. Л. 31–34.

[55] Там же. Л. 34–37.

[56] Архивный оригинал см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 21–22. Документ озаглавлен как «Перевод с турского писма, каково писал крымской хан Мурат-Гирей на Запорожье х кошевому атаману к Ивану Стягайлу».

казаков обратиться к Мурад-Гирею и новыми просьбами добиваться свободного прохода по Днепру мимо османских крепостей. Посольство везло полученные послания хана и ханского визиря (текст последнего неизвестен) в том числе и потому, что в Сечи не смогли перевести написанный арабской графикой текст (о результатах миссии в Бахчисарай казаки судили на основе устной реляции атамана Сергея) и просили гетмана, «переписавши с турецкого на руское», прислать перевод в Сечь.

В Батурин двинулась миссия во главе с Климом Кислицей, атаманом Незамаевского куреня и уже упоминавшимся Сергеем с двумя письмами кошевого и войска от 29 июля. В первом тексте казаки оправдывались за отправку миссии в Крым, подчеркивая, что сделали это по воле всего войска, а не по распоряжению кошевого Стягайло. Описывая обстоятельства этого решения, запорожцы справедливо указывали гетману, что его заявления о свободе промыслов на Днепре согласно условиям Бахчисарайского перемирия не соответствуют заявлениям и действиям Муравского, который не пускает в низовья Днепра даже тех, кто следует туда с официальным письмом Низового войска забрать ранее оставленные снасти или иной скарб. Запорожцы сетовали, что свобода промыслов сохранялась для них даже во время недавней войны с турками и крымцами, мир же принес Низовому Войску подлинное «заточенье». В другом письме сечевые казаки просили Самойловича хлопотать в Москве о ежегодном царском жалованье и вновь напоминали об отправке в Запорожье обещанных им гетманом продовольственных запасов, железа и смолы [4, с. 586–588][57].

О реакции Самойловича на запорожское посольство можно судить из его ответа, отправленного на Сечь. Она была тем острее, тем справедливее были упреки запорожцев в адрес гетмана и царя, которые не могли отстоять интересы подвластного России Низового войска. Гетман резко выговаривал запорожцам за отправку посольства к Мурад-Гирею, указывая им на то, что даже хан – «великий пан и монарх» – без воли Порты ничего не делает. Тем более негоже, полагал гетман, вмешиваться таким «слугам» как запорожцы в переговоры, которые ведут их верховные правители – царь и султан. «Ми писали до вас многокротне, – говорилось в письме, – що о волности ваши, Войска Низового, которые и нам належат, стараемося пилно». Он призывал казаков набраться терпения в ожидании завершения переговоров с Турцией, куда отправились царские послы и стремился всячески обесценить тревоживший его приязненный настрой Мурад-Гирея в отношении запорожцев. Все ханские заявления гетман считал «шутками», что должно было стать ясным и из отправленного к

[57] Оригинальные письма запорожцев Самойлович переслал в Москву; эти тексты нашел и включил в свою книгу Д.И. Яворницкий: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 403. Л. 1–2; Там же. Д. 404. Л. 1–2. Переводы см.: Там же. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 8–13.

запорожцам текста ханского письма, переведенного «с турецкого писма на руское» в гетманской канцелярии.

Второй гетманский упрек в адрес Сечи заключался в самовольной смене кошевого атамана, осуществленной без совета с гетманом. Самойлович был доволен деятельностью и лояльностью Стягайло, хотя он также в свое время был избран без совета с гетманом, и теперь выражал недоумение «безрассудной» отставкой кошевого, который только-только вошел в дела. При этом, не желая окончательно отвратить от себя запорожцев, Самойлович обещал вскоре прислать в Сечь продовольствие, железо, смолу и рыболовные неводы (от своего требования, чтобы казаки все забрали сами из Кишенки, он, таким образом, отказался); обещал хлопотать в Москве об отправке ежегодного царского жалованья [4, с. 591–593][58].

12 августа гетман отправил письмо в Москву, излагая обстоятельства прибытия запорожского посольства и прилагая к посланию перевод с ханского письма, оригиналы писем запорожцев и копию своего ответа Низовому Войску. Самойлович настоятельно, извиняясь за многократные напоминания об одном и том же, просил послать вдогонку выехавшим туда послам отдельного гонца с инструкциями добиваться свободного прохода запорожцев на Днепр всеми возможными способами. По мнению гетмана, если запорожцы не получат никакого «пожитку» от заключенных договоров, впору было ожидать нового витка нестабильности и волнений в Сечи («жебы через то на що злое межи ними не занеслося»), не выгодных Батурину и Москве[59]. Ответная царская грамота гетману с уверением, что русская дипломатия сделает все от нее зависящее, чтобы добиться свободного прохода запорожцев на промыслы мимо османских крепостей и все необходимые инструкции московским послам на этот счет даны, была подготовлена 31 августа. В поддержку предпринятых шагов Самойловича о недопущении партикулярных контактов Сечи с Крымским ханством, в Москве подготовили грамоту для нового кошевого Т. Волошенина. Ее также пересылали гетману, который должен был отправить послание на кош, попутно досконально выяснив обстоятельства и причины свержения Стягайло [4, с. 593–594][60]. В царской грамоте кошевому и Низовому Вой-

[58] Копию письма Самойловича запорожцам, присланную в Москву см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 405. Л. 1–1 об. Окончание текста отсутствует и это видимо стало причиной, по которой Д.И. Яворницкий поместил в свою книгу его перевод. Текст перевода см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 14–20.

[59] РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 406. Л. 1–1 об. Письмо получено в Москве 20 августа. Д.И. Яворницкий поместил в свою книгу перевод письма [4, с. 588–590]. Текст перевода см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 1–7.

[60] Дата грамоты – 29 августа – указана Д.И. Яворницким ошибочно. Текст чернового отпуска см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 23–29. Вначале в царской грамоте было конкретно отмечено, что по просьбе Самойловича послам будет направлена очередная депеша с требованием добиваться сохранения запорожских вольностей в промыслах на Нижнем Днепре, но затем этот фрагмент был

ску выражалось недовольство монарха посольством запорожцев в Крым, казакам Запорожской Сечи предписывалось подчиняться гетману и все вопросы в отношениях с ханом и казыкерменским беем решать через него. В то же время запорожцев уверяли, что вопрос о вольном проходе по Днепру до устья поручено решать отправленным в Порту царским послам, в связи с чем сечевым казакам следует надеяться на царскую милость и самостоятельных действий в этом вопросе не предпринимать. Характерно, что царское жалованье запорожцам обещали прислать «смотря по вашей службе», то есть в зависимости от их дальнейшей лояльности Москве и Батурину [5, с. 1–4][61].

Нельзя сказать, что Москва, несмотря на всю медлительность и осторожность, осталась совершенно глуха к недовольству запорожцев, выражаемому столь явно и не менее активно транслируемому в столицу гетманом Самойловичем. 23 июня 1681 г. в ходе приема прибывших в Москву крымских послов в посольском шатре глава русской дипломатии думный дьяк Ларион Иванов спросил у главы миссии, мурзы Кемана Сулешева, на каком основании «царского величества людем, которые живут по Днепру в реках ездить и рыб ловить, и соли имать не дают»? Кеман-мурза не ответил прямо, но сообщил о якобы имевшем место словесном обещании Мурад-Гирея, данном Тяпкину и Зотову, разрешить запорожцам приезжать и покупать соль у Перекопа. Ларион Иванов продолжал настаивать, что указанный запрет установлен «противно шертной грамоте», в которой «написано имянно, что рыба ловить и соль имать поволно». Дьяк имел в виду образцовую запись, врученную хану в январе 1681 г. русскими послами, однако Кеман-мурза не обратил на это внимание (или сделал вид, что не обратил) продолжая утверждать, что «то дело малое», и даже если казаки не будут ездить для покупки соли к Перекопу, им ее привезут для продажи «нарочно». Иванов заявил на это: «Когда малые дела содержатца, тогда и великие в твердости бывают». На этом переговоры завершились[62]. Крымская сторона, как видно, не желала дискутировать проблему, возможно в связи с тем, что решение о запрете походов в низовья Днепра было принято и исполнялось османской стороной в лице Муравского и, собственно, инициатива об ужесточении политики в отношении запорожцев в большей степени исходила от Турции, нежели от ханского двора. Московская дипломатия также не желала на данном этапе активно педалировать этот вопрос. В царских грамотах Мурад-Гирею, которые повез в июле 1681 г. в Крым толмач Аврам Павлов, очень мягко и расплывчато говорилось о том, что царь Федор

вычеркнут. Вставленный вместо него текст уже содержал лишь ссылки на наказ послам и ранее отправленную им по просьбе гетмана грамоту.

[61] По каким-то причинам Д.И. Яворницкий не привел содержание этой грамоты в своей книге и даже не упомянул о ней. Отпуск грамоты см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 14. Л. 30–39. Это послание было направлено (вместе с гетманской грамотой) по почте 2 сентября 1681 г.

[62] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1681 г. Д. 8. Л. 270–271.

Алексеевич принял ханскую шерть, «хотя в ней против обрасцовые шертные записи», врученной хану Тяпкиным и Зотовым «не все исполнено» и выражалась надежда на исправление ситуации в будущем[63]. Этими заявлениями на данном этапе и исчерпывались попытки русской дипломатии добиться пересмотра пункта Бахчисарайского договора о промыслах запорожских казаков.

Заключение. Мир, заключенный в Бахчисарае в начале 1681 г., стал для Запорожской Сечи одним из важнейших рубежей на пути ее исторического развития. Значение этого события не было осознано самими запорожцами ни сразу после заключения договора, ни впоследствии, да и в историографии оно, пожалуй, не получило должного осмысления с точки зрения его роли в истории Низового войска. Условия русско-крымско-османского перемирия на достаточно длительный срок ограничили не только военные возможности запорожских казаков, но и в перспективе подрывали их экономический потенциал. Соглашение, отражавшее острое соперничество крупнейших держав региона за реальный контроль и формальный суверенитет над Запорожьем, объективно способствовало началу процесса постепенного угасания Сечи как самостоятельного военно-политического центра. На протяжении многих десятилетий Сечь существовала в условиях прозрачных границ и отсутствия институтов четкого контроля центральных властей разных государств за территориями Северного Причерноморья, на которые они формально претендовали. Теперь эта эпоха заканчивалась, и парадоксально, что первый шаг в усилении контроля над Сечью был сделан именно турецко-татарской стороной, а не Россией, политике которой традиционно приписывается (в целом справедливо) тенденция на централизацию управления регионом. При этом турецко-татарская политика не сводилась лишь к прямому военному давлению, а представляла собой достаточно изощренную систему политико-дипломатических мероприятий, включавших укрепление османских крепостей на Днепре, вовлечение запорожцев в дипломатические контакты, оказание на них давления с применением экономических рычагов. Все это получило дополнительный импульс после заключения Бахчисарайского перемирия, когда последовали довольно продуманные шаги Х. Муравского по ограничению запорожских промыслов в низовьях Днепра[64] при одновременном подталкивании их к прямым переговорам с ханом Мурад-Гиреем. При этом Муравский, талантливый дипломат и администратор, демонстрировал дружелюбие, пропуская в виде исключения запорожцев из низовьев Днепра обратно на Сечь, а османские власти в его лице не спешили с введением пошлин в отношении запорожских промышленников, а только декларировали возможность их установления.

[63] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1681 г. Д. 16. Л. 4.

[64] Полностью остановить их в текущем году не удалось, о чем свидетельствуют письма самих запорожцев с упоминанием многих товарищей, разошедшихся для добычи рыбы и дичи.

Гетман Самойлович и русское правительство, которые претендовали на единоличный суверенитет над Запорожьем, пытались скрыть от запорожцев реальные условия Бахчисарайского договора, но эти действия достаточно быстро потерпели неудачу в свете ставших явными запретов Муравского. В этих условиях Москва и Батурин пытались переложить ответственность за оглашение четких условий мира запорожцам друг на друга, в конце концов вовсе отказавшись от этого и предложив Сечи уповать на результаты жалобы царских послов султанскому двору в отношении «обид» казакам от казыкерменского бея. Тем самым русско-украинская сторона пыталась представить политику бея как нечто окказиональное, не имеющее под собой четких основ, что на самом деле было не так.

Неспособность гетмана и русского правительства отстоять интересы Запорожской Сечи в отношениях с Крымом и Турцией привела к определенной дестабилизации обстановки в среде запорожского казачества, что выразилось в самовольном, без санкции гетмана, посольстве запорожцев к Мурад-Гирею и смене кошевого Стягайло, не пробывшего на своем посту и года. На более активное сотрудничество с Казыкерменом и Бахчисараем сечевые казаки, впрочем, не решились, а усилившаяся в Крыму и Северном Причерноморье эпидемия, в ходе которой погиб Х. Муравский и гетманское посольство И. Дорошевича, привела к вынужденной паузе в контактах между крымско-турецкой стороной, гетманом Самойловичем и Запорожской Сечью до января 1682 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочегаров К.А. Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 117–160.

2. Лашков В. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь: типография газеты «Крым», 1891. 206 с.

3. Мурзакевич Н. «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Отд. 2–3. Одесса: в городской типографии, 1850. С. 568–658.

4. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. 2. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1895. 624 с.

5. Эварницкий Д.И. Источники по истории запорожских казаков. Владимир: типолитография губернского правления, 1903. Т. 1. 1072 с.

6. Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 583 с.

Сведения об авторе: Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (119334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9877-7381; kirill-kochegarow@yandex.ru

Between Baturin and Bakhchisaray: The Zaporizhian Sich in the first months after the conclusion of the Russo-Crimean truce of 1681

Kirill Kochegarov
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The struggle over the territory of the Zaporizhian Sich between the Ottoman Empire, the Crimean Khanate and Russia continued even after the armistice in Bakhchisaray was concluded. The khan and sultan refused to recognize the Russian tsar's sovereignty over the Sich despite claims of Russian envoys in Crimea. Hetman Ivan Samoilovich and the Russian government failed to keep this fact in secret from Zaporizhian Cossacks, who very soon faced a ban for hunting and fishing on the Lower Dniper, which was announced to them by Hussein Murawski bey, the governor of Gazikermen, the Ottoman fortress on the Lower Dniper. The Ottoman and Crimean diplomats decided to use such economic leverage to engage Zaporizhian Cossacks in separate agreements. It presumably caused unrest in Sich; Cossacks sent envoys to Murad Girey khan and then overthrew a koshevoy ataman, their commander. New appointed koshevoy ataman did not dare to keep separate ties with the khan and as his predecessor, asked the hetman and the Russian government to do their best to cancel the ban, which had been established by the Ottoman authorities. The Russian diplomacy had not any chance to do it immediately and that's why kept Murawski's ban as occasional violation of the peace treaty, promising to negotiate this issue in Turkey where Muscovite envoys were coming to.

Keywords: Zaporizhian Sich, Crimean Khanate, Hetman Ivan Samoilovich, Bakhchisaray truce, Murad Giray khan

For citation: Kochegarov K.A. Between Baturin and Bakhchisaray: The Zaporizhian Sich in the first months after the conclusion of the Russo-Crimean truce of 1681. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 68–98. DOI: 10.22378/kio.2025.4.68-98 (In Russian)

REFERENCES

1. Kochegarov K.A. Zaporozhian Sich in the Second Half of 1680: beginning from the death of koshevoi ataman Ivan Serko to the Treaty of 1681 in Bakhchysarai. *Tsentral'nojevropeiskije issledovaniia = Central European Studies*. 2025, issue 8. Pp. 117–160. (In Russian)

2. Lashkov V. *Documents of diplomatic relations between the Crimean Khanate and the Muscovite State in XVI and XVII centuries, which are preserved in the Moscow Main Archive of the Foreign Ministry*. Simferopol: "Krym" publishing house, 1891. 206 p. (In Russian)

3. Murzakevich N. *The Copy of the diplomatic diary of stolnik, colonel and governor of Pereiaslavl' Vasilii Tiapkin and clerk Nikita Zotow, envoys of the great lord...* Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei = Essays of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 2. Derartments 2–3. Odessa: in city publishing house, 1850. P. 568–658. (In Russian)

4. Evarnickij D.I. *History of Zaporizhian Cossacks.* Vol. 1. Saint-Petersburg: I.N. Skorochodova publishing house, 1895. 624 p. (In Russian)

5. Evarnickij D.I. *Sources on history of Zaporizhian Cossacks*. Vol. 1. Vladimir: tipolithography of the provincial governement, 1903. 1072 p. (In Russian)

6. Iafarova M.R. *The Russo-Ottoman confrontation in 1672–1681*. Moscow: "Nauka" publishing house, 2024. 583 p. (In Russian).

About the author: Kirill A. Kochegarov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32A, Lenin Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9877-7381; kirill-kochegarow@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 21.09.2025

Принята к публикации / Accepted 25.10.2025

УДК 902/904 DOI:10.22378/kio.2025.4.99-128

Историко-археологические исследования поселения Салачик в 2023–2024 гг.: предварительные результаты

Александр Манаев
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Эмиль Сейдалиев
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова;
Институт археологии Крыма РАН;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Валентин Ганцев
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Аннотация. Предместье Салачик является одним из важнейших сакральных мест мусульманской культуры в Крыму. Расположенные здесь памятники отражают не только религиозные традиции ислама на полуострове, но и эволюцию такого политического образования как Крымское ханство. В то же время под охраной государства в качестве объектов культурного наследия находятся непосредственно сохранившиеся строения – дюрбе Хаджи Герая, Зынджырлы медресе, не учитывая при этом ценность исторического ландшафтного окружения, а также сохранившиеся археологические комплексы османского времени. В 2023–2024 гг. на территории Салачика были проведены археологические разведки, направленные на определение границ культурного слоя поселения Салачик и постановку его на государственный учет в качестве выявленного объекта археологического наследия.

Ключевые слова: Крымское ханство, поселение Салачик, культурный слой, дюрбе Хаджи Герая, Зынджырлы медресе

Для цитирования: Манаев А.Ю., Сейдалиев Э.И., Ганцев В.К. Историко-археологические исследования поселения Салачик в 2023–2024 гг.: предварительные результаты // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2025.4.99-128

В последние годы заметно активизировалось археологическое изучение памятников тюркской культуры эпохи Средневековья и Нового времени, связанных с историей Золотой Орды, Крымского ханства и Османской империи. На археологической карте полуострова появляется большое количество новых объектов мусульманского наследия, что обусловлено как в целом резким увеличением археологических разведок в регионе, так и ростом систематических плановых исследований по изучению истории Крыма.

На некоторых тюркских памятниках, датируемых XIV–XIX вв. были проведены масштабные археологические работы, результаты которых введены в научный оборот. В первую очередь отметим исследования на территории Ханского дворца [36], раскопки некрополя Кырк-Азизлер в Бахчисарае [9; 10; 19; 30], изучение некрополя Мачи-Сала в Бахчисарайском районе [26], раскопки мусульманского некрополя в Гурзуфе на территории МДЦ «Артек» [51], поселения «Сеткин» в Нижнегорском районе [14], поселений «Батальное» (в комплексе с некрополем) [16], «Кош-Кую» [50], «Кенегез Восточное» на территории Ленинского района [54], золотоордынских поселений Старый Фонтан и Тобен-Сарай в Белогорском районе [45; 46], поселения и могильника Су-Баш [27; 28; 29] и поселения Жемчужина 1 в Кировском районе [52], изучение территории предполагаемого места расположения дворца калга-султана в Симферополе [44], мусульманского могильника Живописное 1 в Симферопольском районе [31; 32], многолетние раскопки ведутся на городище Солхат и связанными с ним объектами в Старом Крыму [20; 21; 22; 47; 48; 49].

Помимо перечисленных памятников с 2017 г. на государственный учет были поставлены мусульманские кладбища «Верхняя Кутузовка I и II», некрополь «Азиз Девлет-баба» в Алуштинском регионе, мусульманский некрополь в г. Евпатория, участок культурного слоя генуэзского и османского периода в Судаке, мусульманское кладбище по ул. Басенко в Бахчисарае, мусульманское кладбище Карасу-Базара и некрополь «Койнаут» в Белогорском районе, поселение «Биюк-Кабачь Южное I» в Красногвардейском районе, поселения «Зеленый Яр I и V», «Конрат», «Кушай Ресы 2», «Фонтан 6», «Луговое северо-западное 1», а также некрополь «Ак-Монай» на территории Ленинского района, мусульманский могильник «Желтокаменка» в Сакском районе, мечеть «Шейх-Кой» [7], мусульманский Аянский некрополь в Симферопольском районе, деревня «Сая» на территории Черноморского района и ряд других объектов[1]. Отметим также появление

[1] Перечень выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Республики Крым; Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Крым. URL: https://mkult.rk.gov.ru/structure/43acd2d2-f820-4d1c-a60d-1b19350f0386 (дата обращения 05.09.2025).

публикаций, анализирующих исторический ландшафт сельских поселений Крыма в период позднего средневековья и Нового времени, в частности, на примере деревни Ходжа-Сала в Бахчисарайском районе [13].

Количественный и качественный рост новой информации о крымских памятниках позднесредневекового периода и Нового времени, а также анализ ранее накопленных сведений позволяет сегодня говорить о необходимости разработки типологии и хронологии объектов, а также групп археологических материалов этой эпохи; корректировки методики археологических исследований этих памятников; современный анализ и каталогизацию музейных коллекций, связанных с ними. В этой связи отметим работу В.Е. Науменко об истории изучения археологических объектов османского времени в Крыму [35], а также ряд статей С.Г. Бочарова, в которых анализируется специфика исторической топографии городских центров периода Крымского ханства [2; 3; 4; 5; 6; 8].

Одним из ключевых регионов для понимания специфики формирования поселенческих структур раннего периода Крымского ханства является Бахчисарай, а конкретнее микрорайон Салачик или Староселье в долине р. Чурук-Су. Он ограничен на востоке склонами г. Беш-Кош и устьем балок Кучук-Ашлама и Биюк-Ашлама-дере, на юге склонами плато Бурунчак и Успенской скалы и разделяющей их балкой Марьям-дере, на севере возвышенностью Сувлу-Кая. Участок поселенческой структуры в данном месте занимает территорию, вытянутую по линии восток – запад-юго-запад, примерно, на 1 км, при ширине 120–450 м (Рис. 1).

На сегодняшний день большая часть Салачика, за исключением центральной части, застроена индивидуальными жилыми домами и объектами общественного питания (иногда высотой до 3-х этажей), что нарушает восприятие сохранившегося средневекового архитектурно-археологического комплекса. Несмотря на это, под строениями середины XX – начала XXI в. могут находиться сохранившиеся культурные напластования, связанные с функционированием средневекового поселения Салачик[2].

[2] Например, остатки бани (хамам) к западу от Зынджырлы медресе открыты только после сноса в 2008 г. одного из корпусов психоневрологической больницы-интерната, возведенного на этом месте в 1950-е гг.

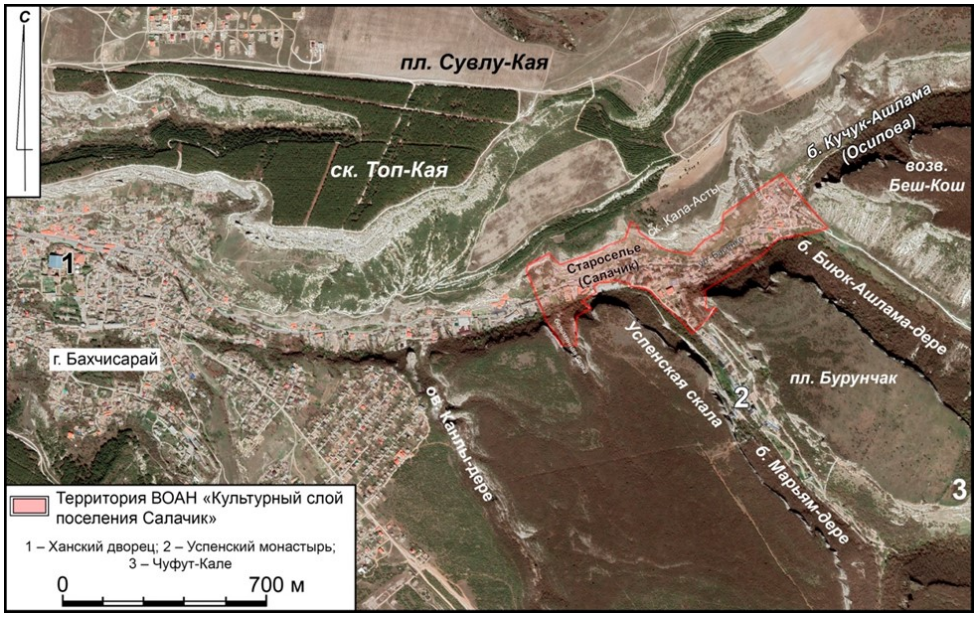


Рис. 1. Космический снимок из ресурса Google Earth
с указанием основных топографических ориентиров и месторасположения
ВОАН «Культурный слой поселения Салачик»

Fig. 1. A satellite image obtained from the Google Earth platform, which provides a clear view of the main topographical features and the location of the archaeological site identified as the “Cultural Layer of the Salachik Settlement”

На территории Салачика со второй половины XV в. существует постоянное поселение, появление которого связано с деятельностью первых крымских ханов Хаджи и Менгли из династии Гираев [35, с. 428]. Хаджи Герай (1441–1466 гг.) окончательно утвердился на ханском престоле в 1449 г. Первой столицей Крымского ханства при нем становится Кырк-Йер (Чуфут-Кале), где находился монетный двор; долина р. Чурук-Су приобретает черты общегосударственного центра. Точное месторасположение ставки хана определить сейчас затруднительно. Можно только гипотетически предполагать, что она находилась в Салачике у подошвы массива Бурунчак, где в 1466 г. был похоронен сам Хаджи Герай [38, с. 136].

На рубеже XV–XVI вв. Менгли I Гераем (1467–1515) в Салачике возводится дворец[3], вокруг которого был сооружен комплекс общественных зданий – кюллие (мечеть, хамам (баня), лечебница, общественная благо-

[3] В настоящее время локализация этого объекта остается неизвестной.

творительная кухня (имарет), здание собраний (диван), постоялый двор (хан)). От этого дворцового комплекса сейчас сохранились дюрбе, возведенное в 1501 г. над могилой Хаджи Герая, религиозное учебное заведение Зынджырлы-медресе (1500 г.), руины мечети и хамам, мусульманское кладбище (Ханлык) [43, с. 16–17, 22; 35, с. 428–429], строительная надпись Зала Высокого суда Сахиб Герая в Зынджырлы-медресе и, возможно, Демир-Капу в Ханском дворце [43, с. 78–79; 12, с. 78–80; 53, с. 87]. Дворцовый комплекс в Салачике будет оставаться постоянной резиденцией для следующих трех ханов – Мухаммед I Герая (1515–1523), Гази I Герая (1523–1524), Саадет I Герая (1524–1532). В период правления Сахиб I Герая (1532–1551) ханская ставка переносится из Салачика, ниже по течению р. Чурук-Су, на место, где сегодня находится Бахчисарайский ханский дворец.

Градостроительное ядро Салачика, которое включает в себя дюрбе Хаджи Герая, Зынджырлы-медресе, Медресе 1909 г., а также еще ряд объектов, закреплено за ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». В качестве объектов культурного наследия эти памятники уже в начале XX века находились под охраной государства. В 1925 г. У.А. Боданинский перечислил комплекс в Салачике в списке исторических памятников и городищ, находящихся в ведении Бахчисарайского дворца-музея. В 1926 г. эти объекты были включены в «Список археологических, архитектурных революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении КрымОХРИСА и Главнауки [11, с. 15]. В 1963 г. на основании Постановления Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970 Дюрбе Хаджи Гирая и Зынджырлы-медресе были отнесены к памятникам архитектуры республиканского значения[4]. В 2012 г. они были включены в состав объекта культурного наследия «Историческое окружение столицы крымских ханов в г. Бахчисарае» для внесения в Предварительный Список Всемирного наследия ЮНЕСКО[5] [38, с. 123–125] (Рис. 2).

[4] Постанова Ради Міністрів УРСР від 24.08.1963 р. № 970 «Про впорядкування справи обліку та охорони пам'ятників архітектури на території Української РСР» // Законодавство про пам'ятники історії та культури. Київ, 1970. С. 244–355.

[5] The historical surroundings of Crimean Khans' capital in Bakhchysarai. URL: https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5774/ (Accessed: 05.09.2025).

Рис. 2. Центральная часть ВОАН «Культурный слой поселения Салачик» с указанием основных объектов, расположенных в его границах. Аэрофотоснимок, вид сверху

Fig. 2. The central area of the identified archaeological site is the “Cultural Layer of the Salachik Settlement”, with indications of the main features located within its boundaries. Aerial photograph, view from above

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.10.2015 г. № 2073-р дюрбе Хаджи Герая и Зынджырлы-медресе были включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации в качестве памятников федерального значения[6].

В то же время объекты Салачика – дюрбе Хаджи Герая и Зынджырлы-медресе – рассматривались всегда в большей части как архитектурные объекты, и именно в таком качестве они и находились на государственном учете. Такой подход абсолютно игнорировал понимание Салачика как архитектурно-археологического комплекса. В связи с этим на современном этапе возникла необходимость установления границ культурного слоя этого поселения, выявления новых внутрикомплексных объектов, определе-

[6] Распоряжение Правительства РФ от 17.10.2015 г. № 2073-р. URL: http://government.ru/docs/all/103835/ (дата обращения 05.09.2025).

ния предмета охраны этого памятника. Подобные работы в последнее время были выполнены для ряда других объектов Крыма, которые также номинально относились к архитектурному наследию, при этом многие годы исследовались именно в качестве эталонных археологических памятников полуострова. В данном случае речь идет о выявлении культурного слоя Судакской крепости, Ханского дворца в Бахчисарае, городищ Мангуп-Кале, Эски-Кермен и укрепления Горзувиты [24; 25].

Методика определения границ культурного слоя включала в себя как анализ историко-архивных, картографических и библиографических материалов, так и непосредственно полевые исследования – закладку археологических разведочных шурфов.

Первое краткое средневековое письменное упоминание о Салачике относится к 1578 г. Его приводит польский посол Мартин Броневский, живший при дворе Мухаммед II Герая (1577–1584) и оставивший сочинение «Описание Татарии». Из этого источника следует, что «*в конце этого города* [Бахчисарая] *есть другой город называемый Салачик. С хорошими домами, построенными турецкими жителями. Ханский дворец, или дом, древними татарскими государями великолепно украшен зданиями, мечетями, гробницами и банями. Ханы…нередко удаляются в этот дворец со своими женами; потому что это место или положение дворца, очень благоприятно для охоты. Там есть сады яблоней и других плодов, виноградники, прекрасные поля, орошаемые чистыми ручьями. Много гор и лесов, где видны развалившиеся здания, большие замки, города…*» [39, с. 168–169, 197].

Следующее развернутое описание построек в Салачике оставлено турецким путешественником Эвлия Челеби, посетившим Крым в 1666–1667 гг. Он сообщает следующее: «[Салачик] *древний город, в нем всего три тысячи домов, крытых красной черепицей, с высокими трубами. Все здания каменной кладки, с каменными стенами …. Всего там пять кварталов с пятью михрабами, а у пяти мечетей есть пять минаретов старой формы. Но в этом городе нет лавок, постоялого двора и бань, потому что близко город Бахчисарай …. Раньше в этом городе Эски Саладжик было множество постоялых дворов, мечетей, бань и медресе. Теперь осталось большое медресе Менгли Герай-хана*[7] *…. Недалеко от этого медресе осталась прекрасная светлая баня*[8]*, с отличной водой, воздухом и зданием. Напротив этой бани, через дорогу – древний дворец Джучи Герай-хана …. Теперь этот дворец представляет собой каменное строение,*

[7] Зынджырлы медресе, построенное в 1500 г.

[8] Остатки этой бани (хамам), к западу от Зынджырлы медресе, раскопаны в 2008 г. А.М. Ибрагимовой.

маленькую крепостцу …. По сторонам четыре башни, на запад выходят железные ворота. Внутри есть мечеть с двумя низенькими минаретами … На дороге, ведущей от дворца, есть высокий дворец правосудия … Этот дворец крыт досками … Теперь в этом дворце нет ничего, кроме оружейной» [53, с. 85–87]. Как мы видим, после переноса ханской резиденции в Бахчисарай ряд зданий дворцового комплекса в Салачике использовались по иному назначению. Бывшая ставка хана превращается в рядовое поселение, которое, судя по историческим картам, на протяжении XVIII – первой половины XX в. оставалось самостоятельным и обособленным от Бахчисарая.

В какой-то момент оказался утрачен Высокий дворец правосудия (Зал дивана), строительная надпись из него была перенесена в Зынджырлы-медресе. В 1820 г. значительные руины с оборонительными стенами и воротами на пути с Чуфут-Кале между Успенским монастырем и Зынджырлы-медресе описал И.М. Муравьев-Апостол [34, с. 131–132]. В 1888 г. из здания мечети Менгли I Герая была извлечена строительная надпись 1274 г. [41, с. 59–60]. На сегодняшний день она утрачена, однако, связывать ее с функционированием в Салачике во второй половине XIII в. какой-то постройки не стоит. Возможно ее вторичное использование как строительного материала при возведении мечети Менгли I Гераем во второй половине XV в.

Несмотря на очевидный упадок резиденции крымских ханов в Салачике, до начала XX в. дюрбе Хаджи Герая и связанное с ним кладбище остаются важными мемориальными комплексами. В дюрбе, кроме Хаджи Герая, согласно письменным источникам, были похоронены Менгли I Герай и Сахиб Герай. В 1909 г. к юго-западу от Зынджырлы-медресе возводится новое здание медресе, в организации строительства которого активное участие принимал И. Гаспринский. В Салачике кроме комплекса медресе функционируют здания гражданской архитектуры, часть из которых сохранилась до сегодняшнего дня [43, с. 21, 32, 34–37].

В августе 1926 г. Б.Н. Засыпкиным и У.А. Боданинским осмотрены памятники, расположенные в Салачике, с целью выработки мер по их поддержанию и ремонту [23, с. 575]. В 30-е гг. XX в. здания бывшего ханского комплекса использовались для нужд педагогического техникума и медицинского училища. В годы Великой Отечественной войны на территории памятника были размещены склады немецкой армии. В 1950-х гг. территорию в истоке балки Марьям-дере передали психоневрологической больнице-интернату. Сохранившиеся здания дворцового комплекса приспособили под нужды интерната, например, дюрбе использовалось в качестве складского помещения [43, с. 27–30].

Застройка Салачика ханского времени состояла из пяти кварталов (махалле), в каждом из которых находилась мечеть [53, с. 86]. На плане 1786 г. в Салачике указано шесть мечетей, три в устье балки Марьям-дере, на левом берегу р. Чурук-Су, в махалле Зынджырлы-медресе, одна на западной окраине Салачика в квартале Баба-Курт, одна в восточной части поселения, в махалле Асма-Кую. Еще одна мечеть указана на правом берегу р. Чурук-Су, западней впадения в эту реку ручья Газы-Мансур, между кварталом Зынджырлы и Баба-Курт. Дешифровку этого плана выполнили С.Г. Бочаров и Ш.С. Сейтумеров, которые указали в Салачике четыре мечети – в махалле Зынджырлы медресе, Салачик Асма-Кую в западной части и Баба-Курт в восточной части поселения. Между последней и первой локализуется мечеть, название которой не установлено. Отметим, что мечеть в махалле Баба-Курт, указанная в западной части Салачика на карте 1786 г., является последним из указанных в этом направлении строений. Также исследователями в Салачике отмечено четыре кладбища (в махалле Баба-Курт, при Зынджырлы медресе и мечетях Баба-Курт и Салачик Асма-Кую), пять фонтанов, баня, мавзолей Хаджи Герая и медресе [8, с. 21–30, Рис. 1].

Эпиграфические находки, кроме квартала Зынджырлы медресе, сделаны на кладбище при мечети Баба-Курт. Большая часть надгробных памятников кладбища при этом культовом здании на сегодняшний день практически полностью утрачена, за небольшим исключением. В фондах Бахчисарайского музея-заповедника хранится надгробие Сафира, сына Али, 1760 г. и опубликовано одно надгробие Курт Хусейна, сына Адиля [43, с. 35]. Внешний вид мечети Баба-Курт известен по довоенной фотографии из фондов Бахчисарайского музея-заповедника [33]. Время и обстоятельства утраты объекта остаются неясными (скорее всего, здание разобрали после 1944 г.). В комплекс кладбища при этой мечети также входит священное место с могилой святого – Йигит-Амет Эрен. Это место находится над мечетью Баба-Курт и упоминается в описании Успенского монастыря 1905 г. В состав Эрена входила пещера и ниша-подрубка в скале, видимо, место погребения святого [42, с. 4]. Перед нишей-подрубкой нами в 2023 г. зафиксировано надгробие «баш-таш». На территории самого Эрена и на его периферии расположен ряд объектов, которые, видимо, относятся к более раннему времени: ниша-подрубка в виде креста, скальная ванна со сливом и четырехъярусный комплекс со скальной лестницей между вторым и третьим ярусами.

Мечеть в махалле Салачик Асма-Кую впервые упоминается в исторических источниках начала XVIII в. Рядом с ней находилось кладбище. У.А. Боданинский датировал минарет указанной мечети XVI в. Она сильно пострадала во время землетрясения 1927 г. Здание этой мечети разобрано

после 1937 г. (сегодня на этом месте, в районе д. № 101 и № 60 по ул. Басенко, находится пустырь) [43, с. 19–20].

Квартальная застройка Салачика, в основном, утрачена между 1921/1922 гг. и серединой XX в., когда сильный голод нанес значительный удар населению этого поселения. Многие из тех, кто не умер и пережил голод, эмигрировали. В результате большая часть домов (в основном махалле Зынджырлы медресе и Баба-Курт) были разрушены [1, с. 34].

Научное изучение центрального комплекса зданий бывшей резиденции ханов было начато в 1961 г. специалистами Республиканской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Работы были проведены в Зынджырлы-медресе с целью выявления его первоначальных архитектурных форм. В 1965–1966 гг. произведены частичные ремонтно-реставрационные работы. В 1990 г. и начале 2000-х гг. этот объект обследован сотрудниками «Укрпроектреставрация» [23, с. 575, 577].

Археологическое изучение средневековых памятников Салачика началось в 1991 г. У западной стены дюрбе Хаджи Герая был заложен шурф размерами 1,5×1,5 м, выявив культурные напластования на глубину до 1,75 м. В этом шурфе зафиксированы кладки стен постройки, примыкающей к дюрбе. В слое рыхлого грунта светло-серого цвета обнаружено два венчика от красноглиняных пифосообразных сосудов (гуфов), которые исследователями были датированы XV–XVI вв. Находки из слоя внутри сооружения немногочисленные и датированы суммарно XVII–XIX вв. Зафиксированная стратиграфическая ситуация позволила прийти к выводу, что сооружение, отрытое в шурфе, было возведено вскоре после строительства дюрбе. Однако понять его функциональное назначение тогда не получилось, т. к. требовалось значительное расширение площади исследования[9].

Масштабные археологические исследования комплекса дворцовых построек Салачика предприняты в 2003–2011 гг. В ходе этих работ были проведены раскопки вокруг дюрбе, в Зынджырлы медресе, открыты руины хамам. В 2003, 2006–2007 гг. по периметру дюрбе раскопочные работы в шурфах были доведены до уровня дневной поверхности сооружения склепа [11; 17, с. 218–251; 40, с. 20–66]. Перед южным фасадом дюрбе выявлены остатки стен более раннего помещения, у западной грани вновь открыта кладка, ранее фиксируемая исследованиями в 1991 г. Также во время рас-

[9] Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 1877. Мыц В.Л., Кирилко В.П. Отчет об археологическом исследовании мечети в с. Пионерском Симферопольского района, мавзолеев Мухамед-Шах-Бея и Хаджи-Герая в г. Бахчисарай в 1991 г. С. 14–16.

копок дюрбе открыто два ранних христианских надгробия, конца XIII – начала XIV в. (№ «V 197» по IOSPE) и 1291 г. (№ «V 198» по IOSPE)[10].

С восточной стороны, под дюрбе, возведенном в 1501 г. Менгли I Гераем, исследован ранний склеп (усыпальница), построенный, по всей видимости, для Хаджи Герая. В этом склепе зафиксировали 18 мусульманских захоронений (из них пять – детские) в гробах, принадлежащих членам ханской династии Гераев.

Во время раскопок в Зынджырлы-медресе обнаружен материал, датированный А.М. Ибрагимовой совокупно XVI–XVIII вв. На территории между дюрбе и Зынджырлы-медресе открыто мусульманское кладбище XVII–XVIII вв., раскопки на котором доведены до уровня «дневной поверхности XIX в.» и затем прекращены (изучено до 1,5 м культурного слоя) [11, с. 13, 18]. Планировалось продолжить исследования на этом участке, параллельно с будущими раскопками мечети.

К западу от медресе на площади 2500 кв. м в 2008 г. вскрыты, как говорилось выше, остатки хамам, колодец, часть двора и начало городской застройки. Археологические материалы, полученные во время этих работ датированы XV – XVIII вв. В изученном культурном слое преобладала строительная керамика (плинфа, черепица, трубы). Встречались кухонная и столовая посуда, импортная художественная керамика производственных центров Изник и Кютахья, китайский фарфор. По серебряным монетам Крымского ханства, большинство из которых обнаружены в колодце, объект датирован серединой XV – концом XVIII вв. [40, с. 54–55, 62].

К сожалению, археологическая часть работ 2003–2011 гг. оставляет желать лучшего [18, с. 180–183]. Материалы раскопок опубликованы в довольно общем виде, отсутствуют чертежи стратиграфической ситуации на исследуемых участках, нет и таблиц с обнаруженным массовым археологическим материалом – керамикой.

В 2012–2013 гг. экспедицией под руководством Э.И. Сейдалиева были продолжены раскопки западнее хамам, с целью восстановить стратиграфическую ситуацию на месте резиденции ханов[11]. Раскоп состоял из трех квадратов общей площадью 75 кв. м. На глубине 1,7–2,0 м от уровня со-

[10] Публикатор надгробий А.Ю. Виноградов справедливо предполагает их перенесение с территории балки Марьям-дере (Виноградов А.Ю. Т. V. Византийские надписи. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/5.197-ru.html; https://iospe.kcl.ac.uk/5.198-ru.html (дата обращения 05.09.2025).

[11] Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 27. Д. 42. Сейдалиев Э.И. Отчет об археологических раскопках в историческом квартале «Салачик» г. Бахчисарай [в 2012 г.]; НА БИКАМЗ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 48. Сейдалиев Э.И. Отчет об археологических раскопках в исторической части г. Бахчисарай [в 2013 г.].

временной поверхности удалось выявить горизонт с мощением середины – второй половины XV в. Всего в пределах раскопа 2012–2013 гг. обнаружено 48 монет, подавляющее большинство которых датируется периодом Крымского ханства; четыре монеты принадлежат правителям Российской империи, две выпущены на монетных дворах Золотой Орды и ранней Османской империи. Массовый археологический материал представлен фрагментами керамических изделий (черепицы и бытовой посуды) и металлических изделий [37, с. 235–236]. В ходе наших работ 2022–2023 годов для определения границ культурного слоя поселения Салачик на местности было заложено 25 археологических шурфов, размерами 2,0×2,0 м. Общая площадь разведочных работ составила 100 кв. м. (Рис. 3–4). Здесь также собран подъемный археологический материал, представленный керамическими изделиями XVI–XVIII вв. В отношении методики полевых работ отметим, что целью закладки шурфов являлось обнаружение культурного слоя. В случаях, когда в шурфах выявлялись помимо культурного слоя фрагменты кладок либо предполагаемые пятна погребений, работы приостанавливались и до материка не проводились, поскольку зачастую это требовало увеличения площади исследования (прирезки) в соответствии с методикой проведения археологических работ. В остальных случаях работы выполнялись на максимальную глубину до достижения материковых горизонтов. В шурфах №№ 4, 6–7, 13–14, 16–18, 20–22, 24–25 археологический материал и культурный слой не обнаружены. Ниже рассмотрим шурфы, в которых культурный слой был зафиксирован (Рис. 3–4).

Археологический шурф № 1 заложен в 0,87 км к востоку от дома 12 по ул. Басенко и в 0,61 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Археологический материал на этом уровне представлен фрагментами строительной и столовой керамики. Максимально изученная глубина – 0,98 м, стратиграфически прослежены пять слоев.

На уровне 5-го слоя раскопочные работы на площади шурфа № 1 были приостановлены. Под южным бортом шурфа зачищен локальный комплекс – развал кровельной черепицы. С этим же слоем связан фрагмент стены постройки, открытый в центральной части шурфа. Археологические находки выявлены во 2-ом, 3-м, 4-м и 5-ом слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, фрагментами курительных трубок, архитектурными деталями (пинакль) и индивидуальными находками (кованые гвозди и ременная пряжка).

Рис. 3. Космический снимок из ресурса Google Earth с указанием поворотных точек по границе территории ВОАН «Культурный слой поселения Салачик» и месторасположения археологических шурфов №№ 1–25

Fig. 3. A satellite image obtained from the Google Earth platform, which shows the turning points along the boundary of the archaeological site known as the “Cultural Layer of the Salachik Settlement” and the locations of archaeological excavation sites numbered 1–25

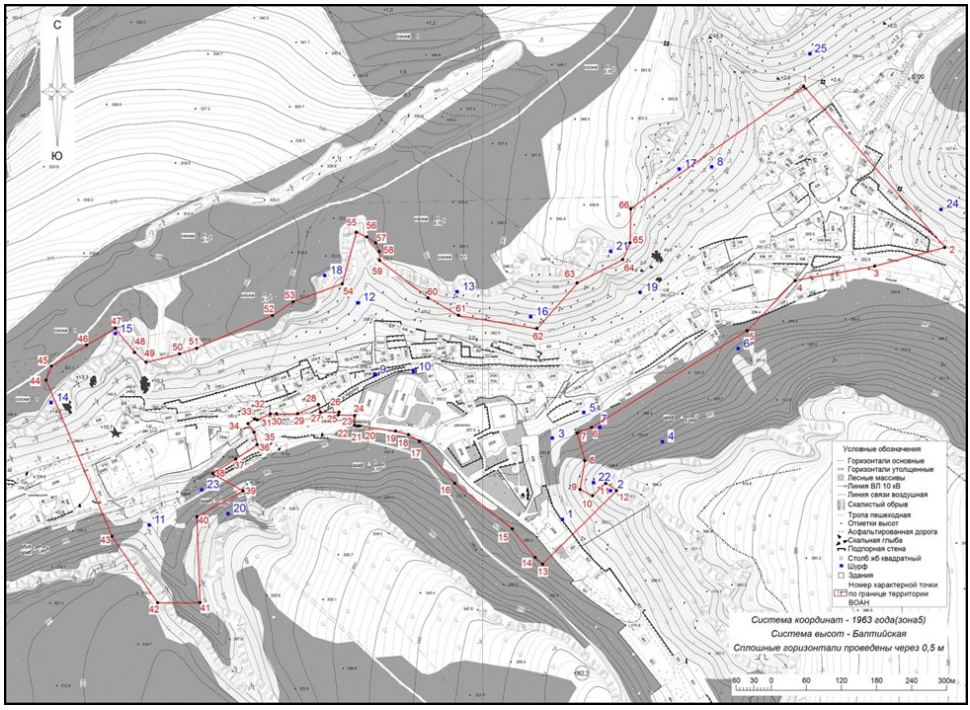


Рис. 4. Топографический план с указанием поворотных (характерных) точек по границе территории ВОАН «Культурный слой поселения Салачик» и месторасположения археологических шурфов №№ 1–25

Fig. 4. A topographic plan showing the turning points along the boundary of the archaeological site “Cultural Layer of the Salachik Settlement” and the location of archaeological excavations sites numbered 1–25

Археологический шурф № 2 заложен в 0,93 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,55 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Максимальная глубина шурфа – 1,06 м. Большую площадь шурфа занимает скальная глыба со следами подрубок. Археологические находки выявлены в 3-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой глазурованной керамики, костяной заготовкой.

Археологический шурф № 3 заложен в 0,86 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,54 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была покрыта низкорослой травой. Максимально изученная глубина – 1,08 м. Археологические находки выявлены в 3-м слое. Они представлены фрагментами строитель-

ной керамики (кирпич с клеймом «Ф.Ш.»), архитектурных деталей, штукатурки. На уровне этого слоя раскопочные работы были приостановлены в связи зачисткой развала стены постройки из мергелевых блоков (Рис. 5).

Рис. 5. Археологический шурф № 3 по уровню 4-го слоя. Вид на север

Fig. 5. Archaeological excavation site No. 3, layer 4. View to the north

Археологический шурф № 5 заложен в 0,90 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,50 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была покрыта лесной подстилкой из листвы и валежника. Археологический материал на этом уровне представлен фрагментами строительной, столовой керамики и гончарных водопроводных труб. Максимальная глубина – 1,72 м. Археологические находки выявлены в 3-м, 4-м и 5-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, звеньев керамических труб с известковым налетом, нумизматической находкой (серебряная акче Крымского ханства).

Археологический шурф № 8 заложен в 1,11 км к северо-востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,21 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа № 8 была задернована. Максимально изученная глубина – 0,89 м. Археологические находки выявлены во 2-м и 3-м слое. Они представлены фрагментами столовой и кухонной керамики. Отметим, что на уровне 4-го слоя (на этом горизонте

работы были приостановлены) в северо-западной части шурфа зафиксирована обкладка могилы в виде установленных на ребро крупных плит мергеля с грубой подработкой (зачищенная длина обкладки могилы составляет 1,05 м, она вытянута по оси восток-запад).

Археологический шурф № 9 заложен в 0,66 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,67 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была покрыта подстилкой из листвы и редкой травой. Максимальная глубина – 1,81 м. Археологические находки выявлены в 3-м, 4-м, 5-м и 6-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, в т.ч. полуфансовой типа Iznik Ware, нумизматики (монета «20 коп», СССР, 1957 г., по всей видимости, связана со строительством корпуса психоневрологического диспансера) (Рис. 6).

Рис. 6. Археологический шурф № 9 по уровню 6-го слоя. Вид на юго-запад

Fig. 6. Archaeological excavation site No. 9, layer 6. View to the southwest

Археологический шурф № 10 заложен в 0,71 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,63 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Максимально изученная глубина – 0,81 м. В юго-западной части шурфа на поверхности 3 слоя зачищены плоско лежащие фрагменты кровельной чере-

пицы, каменный завал из камней средних размеров и пятно разложившегося известкового раствора, здесь же обнаружена монета «2 копейки» 1915 г.; раскопочные работы на площади шурфа приостановлены на уровне этого слоя и верхнего уровня кладки из известковых блоков.

Археологические находки выявлены во 2-м, 3-м и 4-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, нумизматики. Также в северной части шурфа в 0,20 м к северо-востоку от кладки открыты две ямы. Они выкопаны с уровня 3-го слоя, заполнены темно-коричневым рыхлым грунтом с включениями кровельной черепицы и строительных кирпичей. Глубина ямы № 1 составила 0,30 м, ямы № 2 – 0,25 м. (Рис. 7).

Рис. 7. Шурф № 10 по уровню 4-го слоя. Вид сверху, на север

Fig. 7. Archaeological excavation site No. 10, layer 4. View from above, to the north

Археологический шурф № 11 заложен в 0,40 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,97 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Максимально изученная глубина – 0,76 м. Работы приостановлены на уровне 3 слоя в связи с открытием в северо-восточной и юго-западной части шурфа двух могильных пятен, заполненных светло-серым грунтом с включением мелкого камня. Археологические находки выявлены во 2-м слое. Они представлены фрагментами столовой керамики.

Археологический шурф № 12 заложен в 0,67 км к северо-востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,65 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Со-

временная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Археологический подъемный материал на этом уровне представлен фрагментами строительной и столовой керамики. Максимальная глубина – 0,94 м. В центральной части шурфа на уровне материковой поверхности открыта яма № 1, заполненная плотным суглинистым грунтом с включениями щебня и камня. Ее диаметр 0,42 м, глубина – 0,36 м. В восточной части шурфа под каменным завалом зачищен контур ямы № 2, заполненной темно-серым рыхлым грунтом с включениями камня. В юго-восточной части шурфа, у его восточного борта на уровне материка, зачищено пятно горения.

Археологические находки выявлены в 3-м, 4-м, 5-м и 6-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, индивидуальных находок, нумизматики (монетамонисто: **Л.С.** «Солнце, луна, звезды», «LAUER*RECE-PFEN.*L.CHR» – **О.С.** «Галеон», «PLUS ULTRA»).

Археологический шурф № 15 заложен в 0,41 км к северо-востоку от дома 12 по ул. Басенко и в 0,92 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Археологический материал на этом уровне представлен фрагментами столовой керамики. Максимальная глубина – 1,86 м. Археологические находки выявлены во 2-м, 3-м и 4-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики.

Археологический шурф № 19 заложен в 0,98 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,36 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Современная дневная поверхность в месте закладки шурфа была задернована. Археологический материал на этом уровне представлен фрагментами строительной керамики. Максимальная глубина – 1,50 м. Археологические находки выявлены в 3-м, 4-м, 5-м и 7-м слое. Они представлены фрагментами строительной, тарной, столовой простой и глазурованной керамики, индивидуальными находками (среди них отметим курительную трубку с треугольным килем и с клеймом в виде стилизованного изображения тюльпана, группы 2 по И.Р. Гусач, рубеж XVII–XVIII вв. либо XVII–XVIII вв. [15, с. 49–50, 189, 213, 243, 247]). Отметим, что в центральной части шурфа, по линии северо-восток – юго-запад открыта однорядная кладка из грубо обработанных камней. Культурные напластования изучены к северу от этой стены, к югу от нее работы приостановлены на уровне каменного завала из разнокалиберных камней.

Археологический шурф № 23 заложен в 0,46 км к востоку от д. 12 по ул. Басенко и в 0,89 км к юго-западу от д. 84 по этой же улице. Максимально изученная глубина – 1,86 м. Археологические находки выявлены в

3-м слое. Они представлены фрагментами тарной, столовой и кухонной керамики.

Помимо закладки разведочных шурфов в ходе работ велись наблюдения за земляными работами. В частности, при проведении противоаварийных работ на здании Медресе 1909 г. у западного угла сооружения была выявлена каменная конструкция с полуциркульным сводом, которая фиксируется в меридиональном направлении (Рис. 8). Вероятно, эта конструкция может быть непосредственно связана с комплексом бань, расположенных севернее здания медресе.

Рис. 8. Зачистка каменной конструкции у фундамента здания Медресе 1909 г.

Fig. 8. The cleaning of the stone structure at the foundation of the Madrasah building in 1909

Таким образом, в шурфах №№ 1–3, 5, 8–12, 15, 19, 23 выявлены стратиграфические культурные напластования. Именно эти шурфы отражают зону распространения культурного слоя, связанного с функционированием средневекового поселения Салачик. Мощность культурного слоя в этих шурфах колеблется от 0,30 м до 1,30 м. Шурф № 14 маркирует западную границу поселения Салачик, шурфы №№ 13, 16–18 и 21 – северную, шурфы №№ 24 и 25 – восточную, шурфы №№ 4, 6, 7 и 20 – южную границу.

Предварительный анализ керамического комплекса, полученного в результате шурфовок, позволяет сделать вывод о подавляющем преимуще-

стве материала XVI–XIX вв., однако фиксируются и фрагменты амфор V–VII и IX–XI вв. При этом отметим, что ранние материалы находятся в переотложенном состоянии и сопутствуют в слое с предметами гораздо более позднего времени. По всей видимости, ранние находки связаны с бытованием здесь поселенческих структур в период раннего средневековья, которые в настоящее время археологически не зафиксированы[12].

На основании исследований 2023 г. выявленный объект археологического наследия «Культурный слой поселения Салачик» в соответствии с Приказом от 27.09.2023 г. № 393-ОКН Министерства культуры Республики Крым был поставлен на государственный учет и утверждена граница его территории. Ориентировочная площадь ВОАН «Культурный слой поселения Салачик» составляет 19 га.

В результате археологических работ на территории Салачика в 2023 г. были определены границы культурного слоя. В дальнейшем всем видам земляных и строительных работ на этой территории должны будут предшествовать археологические исследования. Во многом это позволит минимизировать негативное антропогенное воздействие, избежать хаотичной застройки и сохранить уникальный исторический ландшафт этой местности. В то же время проведенные исследования показывают перспективные направления для дальнейших научных работ на этом памятнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боданинский У. Собрание сочинений. Т. 1. Научное наследие. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019. 272 с.

2. Бочаров С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 5–10.

3. Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская Археология. 2021. № 2 (36). С. 121–135. DOI: 10.24852/pa2021.2.36.121.135

4. Бочаров С.Г. Наследие золотой орды: возникновение городов Крымского ханства // Поволжская Археология. 2022. № 2 (40). С. 231–241. DOI: 10.24852/pa2022.2.40.231.241

5. Бочаров С.Г. На пути в Крым и из Крыма. Ор-Капу (Перекоп): введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская Археология. 2022. № 4 (42). С. 185–193. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.185.193

[12] Предместье Салачик находится под склонами массива Бурунчак, на котором находится известное городище Чуфут-Кале, возникшее в VI в. Также к периоду раннего средневековья относится грунтовый могильник на склонах Бурунчака в балке Марьям-дере и поселение этого времени.

6. Бочаров С.Г. Закономерности развития городов Золотой орды на примере урбанистики Крымского полуострова (XIII–XIV вв.) // Поволжская Археология. 2025. № 1 (51). С. 219–226. DOI: 10.24852/pa2025.1.51.219.226

7. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15 (264). С. 64–69.

8. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 21–30.

9. Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю. Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. № 11. С. 65–72.

10. Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И. А. и др. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 2. С. 211–237. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.211-237

11. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье. 2010. 176 с.

12. Гайворонский О. Страна Крым. Очерки о памятниках истории Крымского ханства. Симферополь, 2016. 336 с.

13. Ганцев В.К. Историческая топография деревни Ходжа-Сала у северного подножия Мангупа (Юго-Западный Крым) в позднесредневековое и Новое время // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2025. Т. 11 (77), № 2. С. 3–26. DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-3-26

14. Ганцев В.К., Новиков С.А., Эшрепов С.Т. Археологические исследования на поселении «Сеткин» в Нижнегорском районе Республики Крым // Материалы Междунар. науч. конф. «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное». Симферополь; Керчь, 2022. С. 57–62.

15. Гусач И.Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. 360 с.

16. Ермолин С.А., Бонин А.В. Археологические исследования поселения Батальное 1 и могильников Батальное, Батальное 1 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 343–359. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-269-8.343-359

17. Ибрагимова А.М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Симферополь, 2013. 354 с.

18. Кирилко В.П. [Рецензия на книгу:] Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.) // Российская археология. 2012. № 3. С. 180–183.

19. Кирилко В.П., Пигарев Е.М. Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. 8. С. 59–60.

20. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Археологические исследования Старокрымской экспедиции на городище Солхат в 2020 году // История и археология Крыма. 2021. Вып. 15. С. 79–86.

21. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Археологические исследования Старокрымской экспедиции на городище Солхат в 2021 году // История и археология Крыма. 2022. Вып. 17. С. 172–178.

22. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Новый могильник золотоордынского времени на городище Солхата: сакральное и материальное // Материалы Междунар. науч. конф. «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное». Симферополь; Керчь, 2022. С. 198–202.

23. Ломакина М.А. Юго-восточное предместье Бахчисарая в акварелях К.Ф. Богаевского: Салачик и Чуфут-Кале // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 26. С. 571–593. DOI: 10.37279/2413-189X.2021.26.571-593

24. Манаев А.Ю. Проблемы охраны средневековых памятников Крыма: утверждение границ территорий Мангуп-Кале, Эски-Кермена и Горзувит // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сб. ст. Симферополь: Антиква, 2024. С. 161–167.

25. Манаев А.Ю., Ганцев В.К. Выявление археологического культурного слоя на памятниках архитектуры в Крыму как один из этапов комплексных реставрационных работ: на примере ханского дворца в Бахчисарае и Судакской крепости // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конф. «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма». Симферополь: Ариал, 2022. С. 92–101.

26. Манаев А.Ю., Ганцев В.К., Швалева К.В. Археологические разведки в районе с. Верхоречье Бахчисарайского района // История и археология Крыма. 2020. Вып. 13. С. 281–288.

27. Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Поселение и могильник Су-Баш-1 (Республика Крым, Кировский район) // Материалы спасательных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2018. Т. 25: Города, селища, могильники. Раскопки 2017. С. 192–197. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-210-0.192-197

28. Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 2. С. 97–115. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.97-115

29. Мастыкова А.В., Сейдалиев Э.И. Предметы средневекового вооружения из раскопок поселения и могильника Су-Баш-1 в Восточном Крыму // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 5. С. 79–191.

30. Меньшиков М.Ю., Волошинов А.А. Погребения с инвентарем из мусульманского некрополя Кырк-Азизлер (Республика Крым) // Краткие сообщения Института археологии. 2024. Вып. 275. С. 361–378. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.275.361-378

31. Меньшиков М.Ю., Юнкин Ж.А. Исследования позднесредневекового мусульманского могильника Живописное 1 в Симферопольском районе Республики Крым в 2018 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 2. С. 161–172. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.161-171

32. Меньшиков М.Ю., Юнкин Ж.А. Мусульманский могильник XVI–XVII вв. Живописное 1 (Республика Крым, Симферопольский район) // История и археология Крыма. 2019. Вып. 11. С. 203–208.

33. Мечети Крыма на старых фотографиях: из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника: к 750-летию образования Золотой Орды / Сост. И.В. Зайцев, Ш.С. Сейтумеров, Р.Р. Эминов. М.: Центр книги Рудомино, Медина, 2016. 112 с.

34. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Печ. в тип. сост. при Особенной канц. Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.

35. Науменко В.Е. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 418–461. DOI: 10.24852/2587-6112.2020.6.418.461

36. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Ганцев В.К. Архитектурно-археологические исследования Бахчисарайского ханского дворца в 2018–2019 годах: основные итоги проекта // История и археология Крыма. 2020. Вып. 13. С. 315–326.

37. Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Новые материалы к изучению исторической топографии средневекового Бахчисарая: по результатам археологических исследований 2012–2013 гг. // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 228–239.

38. Науменко В.Є., Харлан О.В. Номінаційне досьє об'єкта «Історичне середовище столиці кримських ханів у місті Бахчисараї» для внесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО // Історико-культурні заповідники: Номінаційні досьє об'єктів культурної спадщини, що запропоновані Україною для занесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО. Київ, 2014. С. 113–223.

39. Описание Крыма (Tartariae descriptio) Мартина Броневскаго // Историческое наследие Крыма: сб. ст. Симферополь: Антиква, 2005. № 10. С. 156–200.

40. Петров Е.В., Гаврилюк Н.А. Древности Салачика. Запорожье. 2011. 72 с.

41. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности – Салачик, Успенский скит, Кыркор (Чуфут-Кале), Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Мангуп-Кале и Сюрень: отчет / Сост. по поручению Педагогического совета инспектор А.Н. Попов, а прил. рис. преп. А.А. Архипов. Симферополь: Таврическая губер. Тип., 1888. 131 с.

42. Протопопов М.Н. Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. Севастополь: Электропеч. Д. О. Харченко, 1905. 25 с.

43. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1. Бахчисарай. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.

44. Сейдалиев Э.И. Разведки на месте предполагаемого местонахождения дворца Калги-Султана в Симферополе // История и археология Крыма. 2018. Вып. 8. С. 110–113.

45. Сейдалиев Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. 24. С. 363–386.

46. Сейдалиев Э.И. Предварительные итоги археологических исследований на золотоордынском поселении Тобен-Сарай в Центральном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. 25. С. 391–400.

47. Сейдалиев Э.И. Мавзолеи-дюрбе городища Солхат (XIII–XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 250–258. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.250.258

48. Сейдалиев Э.И. Стратиграфия и хронология некоторых опорных археологических комплексов золотоордынского Солхата по материалам раскопок 1978–2023 гг. // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 263–282. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.263.282

49. Сейдалиев Э.И., Крамаровский М.Г. Работы Старокрымской археологической экспедиции на городище Солхат в 2023 году // История и археология Крыма. 2024. Вып. 22. С. 162–168.

50. Сейдалиев Э.И., Нарожный Е.И., Соков П.В. Охранно-спасательные исследования на поселении Кош-Кую (предварительные итоги) // История и археология Крыма. 2018. Вып. 8. С. 116–119.

51. Турова Н.П., Манаев А.Ю., Новиков С.А. Мусульманские некрополи Южного берега Крыма // Материалы науч. конф. «TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время». Симферополь: Ариал, 2023. С. 173–185.

52. Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 2. С. 71–85. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.71-85

53. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / Пер. и ком. Е. Бахревского. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2008. 272 с.

54. Шарапа А.В., Белов М.А. Предварительные результаты археологических раскопок поселения Кенегез Восточное в 2017 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 333–341. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-269-8.333-341

Сведения об авторах: Манаев Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры основ российской государственности, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (295007, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5998-0152; manaev_1977@mail.ru

Сейдалиев Эмиль Исаевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник, ФГБНУ «Институт археологии Крыма РАН» (295007, пр-т Академика Вернадского, 2, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2822-3930, Researcher ID: AAA-3179-2019, Scopus Author ID: 57211791989; codexcummanicus@gmail.com

Ганцев Валентин Константинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (295007, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6097-1923, Researcher ID: AAR-6599-2020, Scopus Author ID: 57222042139; valentin.gancev@mail.ru

Historical and archaeological research of the Salachik settlement in 2023–2024: preliminary results

Alexander Manaev
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Emil Seidaliev
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences;
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Valentin Gantsev
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Abstract. The suburb of Salachik is one of the most important sacred sites of Muslim culture in Crimea. The monuments located here reflect not only the religious traditions of Islam on the peninsula, but also the evolution of such a political entity as the Crimean Khanate. At the same time, the state protects the preserved buildings – the durbe of Haji Giray and the Zindzhirli madrasah – as cultural heritage sites, without taking into account the value of the historical landscape surrounding them, as well as the preserved archaeological complexes from the Ottoman period. In 2023, archaeological surveys were conducted in the Salachik area to determine the boundaries of the cultural layer of the Salachik settlement and to register it as an identified archaeological heritage site.

Keywords: Crimean Khanate, Salachik settlement, cultural layer, Durbe of Haji Giray, Zindzhirli Madrasah

For citation: Manaev A.Yu., Seidaliev E.I., Gantsev V.K. Historical and archaeological research of the Salachik settlement in 2023–2024: preliminary results. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2025.4.99-128 (In Russian)

REFERENCES

1. Bodaninsky U. *Collected works*. Vol. 1. Scientific Heritage. Kazan; Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 272 p. (In Russian)

2. Bocharov S.G. Ak-Mechet: Historical topography of the city of the Crimean Khanate. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar States*. 2015, vol. 7, pp. 5–10. (In Russian)

3. Bocharov S.G. Eski-Krym: introduction to the historical topography of the city of the Crimean Khanate. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2021, no. 2 (36), pp. 121–135. DOI: 10.24852/pa2021.2.36.121.135 (In Russian)

4. Bocharov S.G. Heritage of the Golden Horde: the origins of the Crimean Khanate cities. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2022, no. 2 (40), pp. 231–241. DOI: 10.24852/pa2022.2.40.231.241 (In Russian)

5. Bocharov S.G. On the Way to Crimea and from the Crimea. Or-Kapu (Perekop): introduction to the historical topography of the Crimean Khanate town. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2022, no. 4 (42), pp. 185–193. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.185.193 (In Russian)

6. Bocharov S.G. Regularities of development of cities of the Golden Horde on the example of urbanistics of the Crimean Peninsula (13th – 14th centuries). *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2025, no. 1 (51), pp. 219–226. DOI: 10.24852/pa2025.1.51.219.226 (In Russian)

7. Bocharov S.G., Kirilko V.P. The mosque in Sheikh-Koy: the interpretative possibilities of material sources in the study of the archaeological monument. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science*. 2017, vol. 15 (264), pp. 64–69. (In Russian)

8. Bocharov S.G., Seytumerov Sh.S. Bakhchisaray – Introduction to the historical topography of the capital of the Crimean Khanate. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar States*. 2017, vol. 9, pp. 21–30. (In Russian)

9. Voloshinov A.A., Men'shikov M. Yu. Research of the Kyrk-Azyzler Burial Ground in 2018. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of Crimea*. 2019, vol. 11, pp. 65–72. (In Russian)

10. Voloshinov A.A., Men'shikov M. Yu., Reznicenko I.A., et al. Excavations of the Muslim burial ground Kyrk-Azyzler in 2018. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 2. Pp. 211–237. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.211-237 (In Russian)

11. Gavrilyuk N.A., Ibraghimova A.M. *Turbe of Khan Hadji Geray (based on archaeological research materials of 2003–2008)*. Kyiv; Zaporozhye, 2010. 176 p. (In Russian)

12. Gaivoronsky O. *The country of Crimea. Essays on the historical monuments of the Crimean Khanate*. Simferopol, 2016. 336 p. (In Russian)

13. Gantsev V.K. The historical topography of the village of Khodzha-Sala, located at the northern foot of the Mangup (in the South-Western part of Crimea) during the late medieval and modern periods. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2025, vol. 11 (77), no. 2, pp. 3–26. DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-3-26 (In Russian)

14. Gantsev V.K., Novikov S.A., Eshrepov S.T. Archaeological research at "Setkin" settlement in the Nizhnegorsk region of the Republic of Crimea. *International Scholarly Conference: XXIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages*. *Sacred and material*. Simferopol; Kerch, 2022. Pp. 57–62. (In Russian)

15. Gusach I.R. *Smoking pipes from the excavations of the Ottoman fortress Azak (based on the materials of the archeology fund of the Azov Museum-Reserve): collection catalog.* Azov: Publ. House of the Azov Museum-Reserve, 2016. 360 p. (In Russian)

16. Ermolin S.A., Bonin A.V. Archaeological research of the settlement Batalnoe 1 and the burial grounds Batalnoe, Batalnoe 1. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 1. Pp. 343–359. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-269-8.343-359 (In Russian)

17. Ibraghimova A.M. *Bakhchisaray Hhan's Palace 16th – 18th cent*. Simferopol, 2013. 354 p. (In Russian)

18. Kirilko V.P. [Book review:] Gavrilyuk N.A., Ibraghimova A.M. Turbe of Khan Hadji Geray (based on archaeological research materials of 2003–2008). *Rossiyskaya arkheologiya = Russian Archeology*. 2012, no. 3, pp. 180–183. (In Russian)

19. Kirilko V.P., Pigarev E.M. Research of the Kyrk-Azyzler burial ground in 2017. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2018, vol. 8, pp. 59–60. (In Russian)

20. Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. Archaeological research of the Old Crimean expedition to the Solkhat settlement in 2020. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2021, vol. 15, pp. 79–86. (In Russian)

21. Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. Archaeological research of the Old Crimean expedition to the Solkhat settlement in 2021. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2022, vol. 17, pp. 172–178. (In Russian)

22. Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. New burial ground of the Golden Horde period at the Solkhat settlement: sacred and material. *International Scholarly Conference: XXIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Sacred and material*. Simferopol; Kerch, 2022. Pp. 198–202. (In Russian)

23. Lomakina M.A. The South-Eastern suburb of Bakhchisarai though K.F. Bogaevskii's watercolours: Salachik and Chufut-Kale. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2021, vol. 26, pp. 571–593. DOI: 10.37279/2413-189X.2021.26.571-593 (In Russian)

24. Manaev A.Yu. Problems of protection of medieval monuments of Crimea: confirmation of the boundaries of the territories of Mangup-Kale, Eski-Kermen and Gorzuvit. *The Ethnocultural Processes on the Northern Frontiers of the Eastern Roman Empire: Collected Papers*. Simferopol: Antikva publishing house, 2024. Pp. 161–167. (In Russian)

25. Manaev A.Yu., Gantsev V.K. Identification of the archaeological cultural layer on architectural monuments in Crimea as one of the stages of complex restoration work: on the

example of the Khan's Palace in Bakhchisarai and the Sudak fortress. *Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference "Topical issues of the protection and use of the cultural heritage of Crimea"*. Simferopol: "Arial" publishing house, 2022. Pp. 92–101. (In Russian)

26. Manaev A. Yu., Gantsev V.K., Shvaleva K.V. Archaeological exploration in the area of the village Verkhorechye of the Bakhchisarai region. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2020, vol. 13, pp. 281–288. (In Russian)

27. Mastykova A.V., Reshetova I.K., Chaukin S.N., Ganichev K.A. Settlement and burial ground Su-Bash-1 (Republic of Crimea, Kirovsky Region). *Materials of rescue archaeological research*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2018. Vol. 25: Cities, settlements, burial grounds. Excavations 2017. Pp. 192–197. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-210-0.192-197 (In Russian)

28. Mastykova A.V., Reshetova I.K., Chaukin S.N., Ganichev K.A. Studies of the medieval settlement and burial ground Su-Bash 1 in South-Eastern Crimea. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol.* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 2. Pp. 97–115. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.97-115 (In Russian)

29. Mastykova A.V., Seydaliev E.I. Medieval weapons from the excavations of the settlement and the burial ground of Su-Bash-1 in Eastern Crimea. Stratum Plus. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya = Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology.* 2019, no. 4, pp. 79–191. (In Russian)

30. Men'shikov M.Yu., Voloshinov A.A. Burials with the grave goods from the Muslim Kyrk-Azyzler cemetery (Republic of Crimea). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2024, vol. 275, pp. 361–378. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.275.361-378 (In Russian)

31. Men'shikov M.Yu., Yunkin Zh.A. Research of the Late medieval Muslim burial Ground Zhivopisnoe 1 in the Simferopol region of the Republic of Crimea in 2018. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 2. Pp. 161–172. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.161-171 (In Russian)

32. Men'shikov M.Yu., Yunkin Zh.A. Muslim burial ground of the 16th–17th centuries Zhivopisnoe 1 (Republic of Crimea, Simferopol Region). *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2019, vol. 11, pp. 203–208. (In Russian)

33. *Crimean mosques in old photographs: from the collections of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve: on the 750th anniversary of the formation of the Golden Horde.* Comp. by I.V. Zaitsev, Sh.S. Seytumerov, R.R. Eminov. Moscow: Rudomino Book Center, Medina, 2016. 112 p. (In Russian)

34. Muravyov-Apostol I.M. *Journey across Taurida in 1820*. St. Petersburg: Printed in the printing house attached to the Special Chancellery of the Ministry of Internal Affairs, 1823. 337 p. (In Russian)

35. Naumenko V.E. Introduction to the Ottoman archeology on the subject of the scientific discipline and the main directions of modern research. *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2020, no. 6, pp. 418–461. DOI: 10.24852/2587-6112.2020.6.418.461 (In Russian)

36. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Gancev V.K. Architectural and archaeological research of the Bakhchisarai Khan's Palace in 2018–2019: main results of the project. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2020, vol. 13, pp. 315–326. (In Russian)

37. Naumenko V.E., Seydaliev E.I., Seydalieva D.E. New materials for the study of the historical topography of medieval Bakhchisarai: based on the results of archaeological research in 2012–2013. *Proceedings of the Congress of Islamic Archaeology of Russia and the Commonwealth of Independent States*. Kazan: A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences, 2016. Pp. 228–239. (In Russian)

38. Naumenko V.E., Kharlan O.V. Nomination dossier of the object "Historical environment of the capital of the Crimean Khans in the city of Bakhchisarai" for inclusion in the UNESCO World Heritage List. *Historical and cultural reserves: Nomination dossiers of cultural heritage objects proposed by Ukraine for inclusion in the UNESCO World Heritage List*. Kyiv, 2014. Pp. 113–223. (In Ukrainian)

39. Description of Crimea (Tartariae descriptio) by Martin Broniewski. *Historical heritage of Crimea: collection of articles*. Simferopol: "Antikva"publishing house, 2005. Vol. 10. Pp. 156–200. (In Russian)

40. Petrov E.V., Gavrilyuk N.A. *Antiquities of Salachik. Zaporozhye*. 2011. 72 p. (In Russian)

41. Popov A.N. *The Second Study Tour of the Simferopol Boys' Gymnasium to Bakhchisarai and Its Environs – Salachik, Assumption Skete, Kyrkor (Chufut-Kale), Tepe-Kermen, Kachi-Kalen, Eski-Kermen, Cherkes-Kermen, Mangup-Kale and Suren: Report.* Simferopol: Tavricheskaya Provincial Printing House, 1888. 131 p. (In Russian)

42. Protopopov M.N. *Dormition Skete in Crimea near Bakhchisarai*. Sevastopol: Electropach. D.O. Kharchenko, 1905. 25 p. (In Russian)

43. *Collection of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. 1. Bakhchisarai*. Simferopol: Forma, 2016. 168 p. (In Russian)

44. Seydaliev E.I. Reconnaissance at the site of the supposed location of the Kalgi-Sultan palace in Simferopol. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2018, vol. 8, pp. 110–113. (In Russian)

45. Seydaliev E.I. The Golden Horde settlement Staryi Fountain in Central Crimea (preliminary results of the archaeological research). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2019, vol. 24, pp. 363–386. (In Russian)

46. Seydaliev E.I. Preliminary results of the archaeological investigations at the Golden Horde settlement of Toben-Sarai in the Central Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2020, vol. 25, pp. 391–400. (In Russian)

47. Seydaliev E.I. Durbe-Mausoleums of the Ancient city of Solkhat (13th – 18th Centuries) according to the study materials of Old Crimean (Stary Krym) archeological expedition by the State Hermitage Museum. *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2022, no. 4, pp. 250–258. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.250.258 (In Russian)

48. Seydaliev E.I. Stratigraphy and chronology of some reference archaeological complexes of the Golden Horde Solkhat based on excavations in 1978–2023. *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2024, no. 2, pp. 263–282. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.263.282 (In Russian)

49. Seydaliev E.I., Kramarovsky M.G. Works of the Old Crimean archaeological expedition to the Solkhat settlement in 2023. *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2024, vol. 22, pp. 162–168. (In Russian)

50. Seydaliev E.I., Narozhny E.I., Sokov P.V. Security and rescue research at the Kosh-Kuyu settlement (preliminary results). *Istoriya i arkheologiya Kryma = History and Archeology of the Crimea*. 2018, vol. 8, pp. 116–119. (In Russian)

51. Turova N.P., Manaev A.Yu., Novikov S.A. Muslim necropolises of the Southern coast of Crimea. *Proceedings of the scientific conference "TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and in Modern times".* Simferopol: "Arial" publishing house, 2023. Pp. 173–185. (In Russian)

52. Khokhlov A.N., Melkova V.R. Research of the Golden Horde settlement Zhemchuzhina in South-Eastern Crimea. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 2. Pp. 71–85. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.71-85 (In Russian)

53. Celebi E. *Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions*. Translation and commentary by E. Bakhrevsky. Simferopol: Nasledie tysyacheletij, 2008. 272 p. (In Russian)

54. Sharapa A.V., Belov M.A. Preliminary results of archaeological excavations of the Kenegez Vostochnoye settlement in 2017. *Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018: in 2 vol*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Vol. 1. Pp. 333–341. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-269-8.333-341 (In Russian)

About the author: Alexander Yu. Manaev – Cand. Sci. (History), Associate Professor Department of Fundamentals of Russian Statehood, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-5998-0152; manaev_1977@mail.ru

Emil I. Seidaliev – Cand. Sci. (History), Head of the Chair of history, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebny Lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (2, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2822-3930, Researcher ID: AAA-3179-2019, Scopus Author ID: 57211791989; codexcummanicus@gmail.com

Valentin K. Gantsev – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of Archaeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6097-1923, Researcher ID: AAR-6599-2020, Scopus Author ID: 57222042139; valentin.gancev@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.09.2025

Принята к публикации / Accepted 15.10.2025

УДК 340.14,94(5) DOI:10.22378/kio.2025.4.129-143

Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 2: анализ источников XVIII в.*

Роман Почекаев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье исследуются сочинения европейских современников (прежде всего, дипломатов и путешственников, побывавших в рассматриваемый период в Крымском ханстве и Османской империи) об особенностях статуса Гиреев с Османами в XVIII в. Проанализированы записки французских авторов – дипломатов и писателей А. де Ла Мотрэ, А. Яворки, Ф. Тотта, Ш.-К. де Пейссонеля, А. де Вержи дю Вернуа, Ш. де Бара, англичан Д. Мотли, У. Итона, У. Тука, голландца Н.-Э. Клеемана. В последний век своего существования Крымское ханство все более испытывало влияние Османской империи, но именно ближе к концу своего существования оно получило (по итогам Кючук-Кайнарджийского мирного договора) официальную независимость. Автор намерен проследить эволюцию статуса ханства по отношению к Османской империи в том виде, в каком она представлена иностранными современниками, выявить наиболее распространенные наблюдения, а также стереотипы и ошибки, которые были свойственны европейским авторам, многие из которых некритически использовали материалы своих предшественников.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, суверенитет, сюзеренитет, вассалитет, записки европейских путешественников

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 2: анализ источников XVIII в. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 129–143. DOI: 10.22378/kio.2025.4.129-143

* Продолжение. Начало см.: Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 1: анализ источников XVI–XVII вв. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85

XVIII век стал переломным для Крымского ханства: именно в это столетие усилилась зависимость ханов из рода Гиреев от Османской империи, но в то же время парадоксальным образом существенно активизируются международные контакты ханства. Если в предыдущие столетия иностранные, и в первую очередь европейские, дипломаты посещали Крым только для решения конкретных задач, то в XVIII в. различные страны не только регулярно направляют своих послов к ханам, но даже и создают свои постоянные представительства – консульства[1]. При этом речь идет не только о соседних государствах, которые то вступали в союз, то воевали с Крымским ханством – Российской империей, Речью Посполитой, но и с более отдаленными – Великобританией, Францией, Пруссией, Швецией.

В последней четверти того же XVIII в. Крымское ханство по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1768–1774 гг., было признано самостоятельным государством. Однако всего десятилетием позже оно было упразднено, и Крым стал частью Российской империи, хотя Османская империя продолжала предпринимать попытки вернуть полуостров под свой контроль еще и в начале 1790-х гг.

Все особенности политико-правового развития Крымского ханства и его правоотношений с Османской империей нашли отражение в записках вышеупомянутых европейских дипломатов, которые лично побывали либо непосредственно в ханстве, либо в империи. Кроме того, интерес представляют и сведения других европейских авторов, которые, не посетив лично ни Бахчисарай, ни Стамбул, тем не менее, на основе свидетельств очевидцев также уделяли внимание этим вопросам.

Отметим, что записки авторов XVIII в. о Крыме не менее, чем записки их предшественников XV–XVII вв., привлекают внимание исследователей. Большинство авторов обращаются к анализу трудов отдельных современников [2, см., напр.: 1; 2; 11; 24; 26]. Однако имеются и труды, посвященные комплексному исследованию широкого круга записок современников о Крымском ханстве и его отношениях с Оманской империей. К числу последних следует отнести, в частности, фундаментальные исследования Н.И. Храпунова, в которых он подробно анализирует личности и записки английских и французских путешественников (дипломатов, торговцев, туристов), побывавших в Крыму во второй половине XVIII – первой трети XIX в., а также работы некоторых их современников, которые полуостров не посещали [14; 15; 16; 17]. При этом исследователь уделяет внимание не просто анализу фактической информации этих авторов о Крыме, его отно-

[1] Так, за 1719–1769 гг. в Крыму побывало десять только французских консулов [1, с. 129; см. также: 17, с. 228].

шениям с Османской и Российской империей и пр., но и вопросам о том, чем они руководствовались в своих трактовках и оценках событий, а также о том, кто повлиял на их взгляды и, напротив, как их работы повлияли на взгляды современников по «крымскому вопросу».

В значительной степени именно результаты исследований Н.И. Храпунова позволили автору настоящих строк приступить к написанию этой статьи. Поскольку ни он, ни другие исследователи европейских сочинений XVIII в. не рассматривали специально вопрос об особенностях правовых отношений Крымского ханства с Османской империей, мы полагаем, что анализ этих источников в таком ракурсе может представлять определенный интерес. Тематически настоящая статья является продолжением публикации, вышедшей несколько лет назад и посвященной анализу записок европейских путешественников XVI–XVII вв. [8].

Своей целью в рамках данного исследования мы видим анализ сведений английских, французских и др. современников о том, как выстраивались отношения между Крымским ханством и Османской империей в XVIII в., чем они были сходны и чем отличались от освещения аналогичных аспектов в записках XVI–XVII вв. Также представляет интерес вопрос о стереотипах и ошибках, которые допускали европейские современники, либо добросовестно заблуждаясь, либо некритично воспроизводя в своих работах сведения более ранних авторов.

Источниковую базу исследования составляют записки европейских дипломатов, путешественников, торговцев и ученых (лично не бывавших в Крыму или Турции). Значительное их количество введено в русскоязычный научный оборот, некоторые анализируются по оригиналам или европейским же переводам. Ниже мы намерены рассмотреть ряд элементов правового статуса Крымского ханства и его правителей по отношению к Османской империи в XVIII в. так, как они трактуются европейскими современниками.

Традиционно начнем со статуса ханов в отношении османских султанов, который отчасти сохранил те особенности, которые были выявлены нами в статье, посвященной реалиям XVI–XVII вв., однако некоторые его элементы изменились или были более детально отмечены авторами XVIII в.

По справедливому замечанию английского авантюриста У. Итона, который побывал в Крыму уже в последние годы существования ханства, признание власти султана из рода Османов крымскими ханами и их подданными веками базировалось в значительной степени на том, что султан являлся еще и халифом – духовным главой всех мусульман-суннитов [4, с. 122; 21, с. 576].

Подробную и весьма выразительную характеристику статуса хана приводит французский дипломат Ш.-К. де Пейссонель: «Татарский хан… зависит от турецкого султана (великого повелителя), который его взводит на престол и свергает, по своему желанию, тем не менее, он принимает послов и посылает от своего имени, но он не может ни объявить войны, ни заключить мира, без ведома Порты. Несмотря на это, случалось неоднократно, что ханы затевали (начинали) войну по собственному почину; также Порта принудила их несколько раз к поступкам, которых в дальнейшем она не поддерживала. Девлет-Гюрай-хан, отец Арслан-Гюрай-хана, царствующего ныне, получил приказ Порты осквернить убежище Карла XII и погнать его на Бендер: между тем Порта отказалась признаться в этом насилии, бросила всю вину на хана и свергла его спустя некоторое время; приказ турецкого султана еще сейчас в руках Нурседин-Керим-Гюрая, младшего сына Девлет-Гюрай-Хана; он показывает его всем, кто захочет его видеть, чтобы оправдать поведение своего отца и выставить перед глазами всего света столь малую верность, которую выказала Порта в этом случае» [6, с. 19–20]. Как видим, в отдельных случаях османские власти оставляли за собой право выразить поддержку или осудить действия крымских ханов (вплоть до их смещения) в зависимости от собственных внешнеполитических интересов. В прежние века мощь Османской империи позволяла ей не считаться с позициями других игроков на международной арене.

У. Итон, в свою очередь, перечисляет причины, по которым османские султаны могли сместить одного султана и назначить нового. К ним относились смуты и интриги аристократии (т.е. неспособность крымского правителя контролировать ситуацию в стране), военные неудачи в османских военных кампаниях или «плохое обеспечение Константинополя зерном из Крыма» [4, с. 115–116].

Интересным представляется сообщение немецкого «кабинетного ученого» И.Э. Тунманна, носящее компилятивный характер, но, тем не менее, востребованное исследователями по истории Крымского ханства. Согласно этому автору, процедура назначения крымских ханов прошла несколько этапов: сначала султаны только утверждали ханов, избиравшихся курултаем, с 1584 г. стали уже по своему усмотрению назначать и смещать их. И даже после Кючук-Кайнарджийского мира, т.е. с 1774 г., когда Крым был признан независимым государством, хан должен бы, как минимум, извещать османского султана о своем избрании. Это происходило на основании того, что и после отказа от светской власти над Крымским ханством султан оставался его духовным главой [12, с. 26–27, 29; см. также: 21, с. 72, 577–578; ср.: 14, с. 46].

Французский путешественник Ш. де Бар, побывавший в Крыму вскоре после его присоединения к России, несколько уточнил эту информацию: по его сведению из последних ханов Крыма одни избирались местным населением, другие же – как и прежде, назначались султаном [22, с. 418]. Это вполне соответствует информации об «альтернативных» ханах последних лет существования ханства – например, ставленниках России Сахиб-Гирее II и Шахин-Гирее и назначенных султанами Максуд-Гирее и Девлет-Гирее IV.

Как было упомянуто выше, в XVIII в. Крымское ханство стало существенно расширять свои дипломатические, а в ряде случаев и военные контакты с рядом стран Европы. Однако подчиненное положение ханов находило отражение и в переговорах с иностранцами. Так, согласно английскому историку Д. Мотли, включившему в свою «Историю жизни Петра I, императора России» (1739) и некоторые сведения о Крыме (на основе официальных документов и ранее опубликованных работ), хан Девлет-Гирей, обсуждая военный союз с шведским королем Карлом II, сначала должен был проинформировать о нем османского султана и получить его согласие [4, с. 64; ср.: 25, p. 195].

Если речь шла о масштабных военных кампаниях Крымского ханства, в которых предполагалось участие османских войск, их планы следовало согласовывать с султанами – как это было, в частности, с походом Крым-Гирея на Россию 1769 г. [9, с. 14].

При этом в военных кампаниях, даже возглавлявшихся крымскими ханами, турецкие военачальники вели себя независимо и могли совсем не считаться с их приказами. Голландский торговец Н.-Э. Клееман, побывавший в Крыму при дворе хана Крым-Гирея, в т. ч. во время вышеупомянутого похода 1769 г., сообщает, что в этом походе участвовали и османские войска, которые по пути следования армии туда и обратно грабили местное население (т.е. ханских подданных), включая как дома жителей, так и купеческие лавки, порой лишь символически оплачивая забиравшиеся товары [5, с. 61–62, 114–116]. Неудивительно, что хан впоследствии, по свидетельству французского дипломата словацкого происхождения Ф. де Тотта (консул в Бахчисарае в 1767–1769 гг.), выражал открытое недовольство «недисциплинированностью и подлостью турок» [9, с. 174; 27, p. 147–148; см. также: 19, с. 45].

Даже в некоторых вопросах внутренней политики ханы могли быть ограничены османскими властями. В частности, У. Итон отмечает, что хан мог вынести смертный приговор беям – главам татарских племен только с согласия Константинополя [4, с. 117; 14, с. 47; 21, с. 573].

Однако зависимость Гиреев от Османской империи имела и обратную сторону: вынужденные постоянно искать покровительства султана и высших

сановников, крымские ханы со временем интегрировались в их структуру и сами вполне могли принимать участие в интригах при дворе или склонять на свою сторону тех или иных турецких царедворцев и получать те или иные преимущества вплоть до официальных [см., напр.: 27, p. 94, 120].

Любопытный способ приобретения влияния в Порте крымскими ханами упоминает в своем обзоре У. Итон, который побывал в ханстве уже в последние годы его существования. Он сообщает, что ханы «подкупали» султанов, обращаясь к ним с просьбой продлить фирман об их утверждении в ханском достоинстве «еще на один год правления» [4, с. 115; ср.: 14, с. 46]. Естественно, такие прошения сопровождались богатыми дарами, что повышало склонность султанов к своим ставленникам.

Согласно Ш.-К. де Пейссонелю, османские власти принимали во внимание волю умирающего крымского хана в определении наследника, хотя, конечно, далеко не всегда она становилась главным фактором выбора его преемника. Также хана привлекали к совещаниям под председательством великого визиря, оказывая ему почести как государю [6, с. 25, 26].

Вышеупомянутый Н.-Э. Клееман сообщает, что хан пообещал ему (и выполнил потом обещание) получить из Константинополя султанский фирман, в котором голландец и его спутники фигурировали бы как его «комиссары» и могли бы свободно проходить османские таможни [5, с. 52, 77]. Естественно, без прочных связей в высших властных кругах османской империи хан не мог бы обеспечивать получение таких документов.

Неудивительно, что далеко не всегда крымские вассалы Османской империи демонстрировали ей покорность – порой они могли позволить себе критику как самих османских властей или военачальников, так и тех иностранцев, которых считали чрезмерно приверженными к османским интересам в ущерб крымским.

Так, Ш.-К. де Пейссонель сообщает, что хан Девлет-Гирей после Прутского похода обвинил в неудачах турецкого великого визиря, с которым не ладил, и добился его смещения и казни [6, с. 25]. Точно так же, по свидетельству Ф. де Тотта, Крым-Гирей после похода 1769 г. вступил в открытую конфронтацию с великим визирем, обвинив его в некомпетентности [27, p. 150].

Согласно одной из версий, консульская деятельность и самого де Тотта завершилась по настоянию крымских властей, которые считали, что он слишком уж старался продвигать в ханстве интересы не только Франции, но и Османской империи и даже в какой-то мере возложили на него ответственность за смерть хана Крым-Гирея после похода на Россию 1769 г., который, как считалось, также был организован не без участия дипломата [5, с. 165–166; см. также: 2, с. 41–42].

Впрочем, подобные проявления решительности со стороны крымских ханов были, скорее всего, «в пределах допустимого»: Османы готовы были идти им навстречу, делая небольшие уступки, что не меняло сути отношений между правителями Крымского ханства и Оттоманской Порты. Ш.-К. де Пейссонел прямо сообщает, что ханы, хотя и чувствуют, что их властные прерогативы все больше ограничиваются Османами, но уже «слишком привязаны» к ним, чтобы мечтать об отделении и проведении независимой политики. Это – и вышеупомянутый статус османского султана как халифа, и привыкание к постоянным денежным поступлениям из Османской империи (о которых речь пойдет ниже), и возможность воздействовать на ханов в т. ч. военными средствами [6, с. 24].

Завершая анализ статуса крымских ханов по отношению к османским султанам, считаем целесообразным вновь вернуться к пресловутому договору между Гиреями о Османами, который, якобы, был заключен суланом Мехмедом II Фатихом и ханом Менгли-Гиреем и неоднократно фигурировал в записках европейских авторов XVII в. Надо сказать, что он встречается и в записках их последователей XVIII в., однако некоторые авторы уже относятся к сведениям о нем весьма скептически. Наиболее ярко такое отношение выражено в «Записке о Малой Татарии» Ш.-К. де Пейссонеля, который предлагает свою версию этого договора, однако при этом прямо утверждает, что соглашение по поводу занятия трона Порты Гиреями в случае пресечения рода Османов – это миф, который не разделяют ни турки, ни крымские татары. Впрочем, французский дипломат пытается дать рациональное объяснение этому мифу, ссылаясь на события начала XVIII в., когда янычары после очередного дворцового переворота, якобы, предложили трон весьма почитаемому и в Крыму, и в Османской империи хану Селим-Гирею, но тот отказался [6, с. 21–23; см. также: 10, с. 236–241]. Однако это объяснение вряд ли можно принять, учитывая отмеченное выше распространение сведений об этом договоре еще и в записках авторов XVII в.

Впрочем, сам факт критического отношения Пейссонеля к этому «документу» уже выгодно отличает этого автора от ряда современников [см.: 18, с. 518]. Так, например, англичанин У. Тук, писавший свои «Письма» о Крыме в 1785 г. на основе преимущественно работ И. Тунманна и В. Зуева, его соотечественник У. Итон, а также и французский «кабинетный ученый» А. де Верди дю Вернуа, упоминавший Крым в книге о европейских владениях Турции (и также во многом опиравшийся на Тунманна), в полной мере доверяют утверждению о возможности смены Османов Гиреями на троне Оттоманской Порты [14, с. 24–26; 20, с. 113–114; 21, с. 572]. Любопытно, что с доверием к этому утверждению отнесся и французский путешественник барон Ш. де Бар, чьи заметки о Крыме, по предположению

современных исследователей, могли представлять собой аналитическую записку для французских властей [22, с. 418].

Интересной представляется характеристика Ф. де Тотта, данная высшим сановникам Крымского ханства: муфтий, визирь и «министры» имеют статус и обязанности такие же, как обладатели аналогичных должностей в Османской империи [27, p. 127]. Поскольку в свое время эти должности были унаследованы Гиреями от Золотой Орды, где они, несомненно, имели отличия от турецких оригиналов, можно полагать, что со временем эти институты в Крыму трансформировались под османским влиянием.

Выше мы уже отметили вмешательство османских султанов в судебные прерогативы крымских ханов, однако оно имело место и на низшем уровне. В кадилыки, по словам Ш.-К. де Пейссонеля, направлялись судьи-кади из Османской империи. Он также отмечал, что если кадий, утвержденный крымским ханом, выносил смертный приговор, его могли обжаловать в диване, чего не допускалось в отношении решений кадиев, назначенных султаном.

При этом Пейссонель, как и Ф. де Тотт, противопоставляет «османский» и «татарский» суд (или «закон»), считая второй более «буквальным» и отражающим реалии [6, с. 50; 27, p. 96–97; см. также: 13, с. 141, 143–144]. Подобные наблюдения наводят на мысль, что, несмотря на существенное влияние в религиозной сфере и судебной, как ее разновидности, крымские суды все же смогли сохранить некоторую часть своей прежней самобытности, вероятно, унаследованной еще из Золотой Орды.

Следует сказать несколько слов о финансовых аспектах взаимодействия Крымского хана и Османской империи в XVIII в. Ведь лояльность крымских ханов и аристократии османские власти старались, как и ранее, регулярно обеспечивать и материальными средствами.

Согласно сведениям французского дипломата венгерского происхождения А. Яворки, занимавшего пост консула в Крыму (1735–1736) и оказавшегося свидетелем вторжения в Крым русских войск (к которым он даже попал в плен), субсидии со стороны Османской империи, о которых говорили авторы XVI–XVII вв., продолжали выплачиваться и в XVIII в. [1, с. 134–135]. Среди доходов ханов (а также калга-султанов и нураддин-султанов) далеко немалую часть составляли поступления из Порты, которые, согласно У. Итону, сохранялись даже в эпоху формальной независимости Крымского хана – при хане Шахин-Гирее [14, с. 47; 21, с. 577].

Помимо регулярных выплат в пользу Гиреев, османские власти дополнительно направляли богатые дары и денежное вознаграждение хану, его родственникам, аристократии и сейменам (солдатам регулярных войск,

составлявших личную ханскую гвардию [см. подробнее: 23, с. 45–48])[2]. Так, например, сообщает Яворка, ежегодные доходы ханов (включая внутренние, а не только за счет османских поступлений) составляли 1 000 мешков по 500 левенталеров, тогда как только за участие в походе на Персию в 1735 г. хан Каплан-Гирей I получил 500 таких мешков [1, с. 139]!

К этому же аспекту крымско-османских отношений относится вопрос о том, как соотносилась власть ханов-Гиреев с османскими владениями в Крыму. Н.-Э. Клееман упоминает, что в Гезлеве (Евпатории) ханские эмиссары могли достаточно активно влиять на определение размера пошлин в пользу ханской казны. Тогда как, например, по поводу Кафы (Феодосии) он сообщает: «Хан мало там имеет власти, хотя он в самом деле и пользуется некоторою частью таможенных пошлин» [5, с. 107, 148]. Судя по контексту сообщения, и здесь Османы к XVIII в. ограничили прерогативы Гиреев в отношении портовых городов Южного Крыма, которыми те пользовались в предыдущие века [см. подробнее: 7 с. 62–63]. Это косвенно подтверждает и Ш.-К. де Пейссонель, который называет следующие суммы от разных городов: 50 000 пиастров таможенных и соляных пошлин в Гюзлеве, 30 000 пиастров таможенных и соляных пошлин Озкапи, 2 500 из таможни Кафы [6, с. 127]. Как видим, от Кафы – центра османских владений в Крыму и крупнейшего порта – в пользу хана шли весьма незначительные пошлины по сравнению с другими городами.

Отдельно следует сказать о некоторых нюансах, связанных с двойным подчинением некоторых народов и Крыму, и Порте. Так, например, О. де Ла Мотрэ, французский гугенот, в силу религиозных причин покинувший Францию и состоявший на дипломатической службе у англичан, голландцев и шведов, во время своего пребывания в кавказских владениях в 1711 г. отметил подобный статус черкесов. Этот народ еще и в прежние века платил налоги Крымскому ханству, признавая его сюзеренитет, однако в начале XVIII в., получая поддержку из Константинополя, все больше отказывался выполнять свои вассальные обязанности по отношению к Гиреям. В результате нураддин-султану пришлось обращаться к османскому монарху, чтобы получить его одобрение на карательный поход против черкесов. Которое последний, впрочем не только дал, но и прислал ему крупную сумму денег и дары, «как это практиковалось в то время, когда он предпринимал какие-нибудь большие походы» [3, с. 87–88].

Ш.-К. де Пейссонель, в свою очередь, упоминает, что прежде Едисанская Орда (во главе которой, как правило, стоял член дома Гиреев в статусе сераскер-султана!) платила 12 000 пиастров в год крымским ханам, но Се-

[2] Согласно У. Итону, и в мирное время 1 600 сейменов содержались за счет Османской империи [4, с. 122].

лим-Гирей уступил эту сумму Порте [3, с. 139]. Вероятно, это произошло не без влияния со стороны последней.

Таким образом, как видим, продолжая внешне выказывать покровительство крымским ханам и знати в политическом и материальном отношении, Османская империя при этом исподволь старалась установить прямой контроль над вассальными ей народами и государственными образованиями. И именно в XVIII в. этот процесс начал проявляться настолько явно, что стал очевиден даже иностранным дипломатам.

Лишь в тех случаях, когда прямая поддержка Гиреев в конфликте с их вассалами была выгодна Османам, они ее проявляли и на словах, и на деле. Так, в частности, произошло во время ногайского восстания 1758 г., когда великий визирь Оттоманской Порты открыто поддержал хана в противостоянии с мятежниками. Правда, это не помогло хану Халим-Гирею, который по обвинению в утрате контроля над ситуацией все же был смещен и заменен Крым-Гиреем [6, с. 83, 86; ср.: 21, с. 568–569].

Любопытно, что попытки усиления контроля как над самим Крымом, так и над подвластными ей народами Османская империя осуществляла в тот период, когда сама в экономическом отношении зависела от Крымского ханства. На это указывает, в частности, У. Итон, отмечая, что ханство было крупным поставщиком зерна в Константинополь [4, с. 112, 115; 21, с. 568].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что европейские авторы XVIII в. в целом достаточно объективно отражали реалии крымско-османских правоотношений в современный им период. Однако в силу разных факторов (личные качества, влияние общеевропейских стереотипов, некритичное использование записок предшественников и пр.) они допускали и ошибочные трактовки или оценки событий в рамках отношений Крымского ханства и Османской империи. Впрочем, аналогичный вывод можно сделать и относительно записок их предшественников – авторов XVI–XVII вв.

В целом же проанализированные тексты могут служить ценным источником по истории государственности Крымского ханства, особенностей его отношений с Россией, Османской империей, другими народами и государствами. Кроме того, личное пребывание ряда авторов в Крыму в период важных политических и военных событий позволяет выявить особенности реалий крымско-турецких отношений, информации о которых мы не найдем ни в официальной документации, ни в нарративных источниках крымского или османского происхождения.

Поэтому, при условии исследования данного вида источников с необходимой долей критицизма и сравнения их с другими источниками (крымскотатарского, османского, русского происхождения) можно утверждать,

что записки европейских современников о Крыме и его отношениях с Османами в XVIII в. являются ценным, хотя и не основным источником, освещающим данный аспект истории Крымского ханства в рассматриваемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.А., Беспятых Ю.Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула А. Яворки // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 1. С. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146

2. Даниш М. Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея // Запад – Восток. № 8. 2015. С. 35–48.

3. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.

4. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепропетровск: Б.и., 2013. 349 с.

5. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, а также в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 гг. с приобщением описания достопамятностей крымских / Пер. с фр. на рус. И. Одинцова. СПб.: Государственная военная коллегия, 1783. 250 с.

6. Пейссонель Ш.-К. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и коммент. В. В. Грибовского. Киев: Ин-т украинской археографии и источниковедения НАН Украины, 2013. 110 с.

7. Почекаев Р.Ю. Гиреи и Кафа: правовые аспекты отношений // Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время. Материалы научной конференции. Симферополь, 7–8 декабря 2022 г. Симферополь: Ариал, 2022. С. 59–64.

8. Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 1: анализ источников XVI–XVII вв. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85

9. С.Е. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.

10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.

11. Татарчевский А. Деятельность барона Тотта в качества консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. 1873. № 10. С. 2–24.

12. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: Государственное изд-во Крым АССР, 1936. 107 с.

13. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1867. Т. II. С. 140–174.

14. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.

15. Храпунов Н.И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века / 2-е изд. Севастополь: Альбатрос, 2022. 360 с.

16. Храпунов Н. Британские путешественники о крымских татарах и Крымском ханстве (XVII – начало XIX в.) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 114–131.

17. Храпунов Н.И. Из безжалостных воинов в беспечные ленивцы: эволюция образа крымских татар во французских травелогах XVII–XIX вв. // Французский ежегодник. Т. 57. 2024. С. 222–239.

18. Храпунов Н.И. Клод-Шарль де Пейссоннель как исследователь прошлого Крыма // Античная древность и средние века. Т. 51. 2023. С. 506–528. DOI: 10.15826/adsv.2023.51.027

19. Храпунов Н.И. Крымский хан в поход собрался: барон де Тотт о набеге татар на Россию 1769 г. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 36–53.

20. Храпунов Н.И. Сведения о Крымском ханстве в трактате Адриана де Верди дю Вернуа // Золотоордынское обозрение. Т. 11. 2023. № 1. С. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122

21. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. XXV. 2020. С. 560–588.

22. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. Симферополь, 2015. С. 395–430.

23. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.

24. Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin aupres du khan de Crimee de 1767 a 1769 // Revue de l'histoire des colonies Françaises. T. XV. 1923. No. 1. Pp. 1–32.

25. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXVI+1049 p.

26. Toth F. Entre voyage et ecriture: la genese et la reception des memoires du baron de Tott // Archivum Ottomanicum. Vol. 29. 2012. Pp. 149–190.

27. Tott [F.], baron de. Memoirs containing the state of the Turkish Empire and the Crimea during the late war with Russia. Vol. I. London: G. G. J. and J. Robinson, 1786. XXXV+238+236 p.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (194100, ул. Кантемировская, 3А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528; rpochekaev@hse.ru

Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Part 2: Study of sources of 18th century*

Roman Pochekaev
"Higher School of Economics" University – St. Petersburg

Abstract. This article examines the writings of European contemporaries (primarily diplomats and travelers who visited the Crimean Khanate and the Ottoman Empire during the period under review) on the specifics of the Girays' status with the Ottomans in the 18th century. The article analyzes the notes of French authors–diplomats and writers A. de La Motraie, A. Jaworki, F. Tott, C.-C. de Peyssonel, A. de Vergy du Vernoy, C. de Bar; the Englishmen D. Motley, W. Eaton, W. Tooke; and the Dutchman N.-E. Kleeman. In the last century of its existence, the Crimean Khanate increasingly came under the influence of the Ottoman Empire, but it was towards the end of its existence that it gained official independence (as a result of the Treaty of Küçük Kaynarca). The author intends to trace the evolution of the Khanate's status in relation to the Ottoman Empire as it was presented by foreign contemporaries, to identify the most common observations, as well as stereotypes and errors that were characteristic of European authors, many of whom uncritically used the materials of their predecessors.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, sovereignty, suzerainty, vassalage, notes of European travelers

For citation: Pochekaev R.Y. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Part 2: Study of sources of 18th century. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 129–143. DOI: 10.22378/kio.2025.4.129-143 (In Russian)

REFERENCES

1. Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N. The Crimean Khanate in 1736 according to the Account of the French Consul, Adam Yavorka. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review.* 2020, vol. 8, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146 (In Russian)

* Continuation. See the beginning in: Pochekeav R.Y. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Pt. I: Study of sources of 16th–17th cc. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85 (In Russian)

2. Danish M.Baron Frantisek Tott, a diplomat of the Slovak origin at the court of the Crimean Khan Giray. *Zapad – Vostok* [West – East], 2015, no. 8, pp. 35–48. (In Russian)

3. *Caucasus: European Diaries of 13th–18th cc.* Comp. byAtalikov V. Nal'chik, Publishing house M. and V. of Kotlyarovs, 2010. 304 s. (In Russian)

4. Kalashnikov V.M. *British views on the Crimea (chronicles, memoirs, diaries of 17th – first quarter of 19th century).* Dnepropetrovsk, 2013. 349 p. (In Russian)

5. *Voyage of Kleeman from Vienna to Belgrad and New Kiliya, also to the lands of Bujakand Nogay Tatars and to Crimea with return though Constantinople, Smyrna and Trieste to Austria]. In 1768, 1769 and 1770, with the junction of Crimean sights]*. Transl. by Odintsov I. St. Petersburg, State Military Collegium, 1783. 250 p. (In Russian)

6. Peyssonel Ch.-K. de. *Note on little Tartary*. Russ. ed.: Lotoshnikova V.Kh. (transl.), Gribovskiy V.V. (intr.). Kiev, Institute of the Ukrainian archeography and source study of National Academy of Science of the Ukraine, 2013. 110 p. (In Russian)

7. Pochekaev R. Gerays and Caffa: Legal aspect of relations. *Terra Tatarica: Crimea and Turkic world in the epoch of Middle Ages and Modern Age. Materials of the scientific conference. Simferopol' December 7–8, 2022.* Simferopol: Arial Publ., 2022, pp. 59–64. (In Russian)

8. Pochekaev R.Yu. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Pt. I: Study of sources of 16th–17th cc. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review.* 2019, no. 2, pp. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85 (In Russian)

9. S. E. Notes of Baron Tott on the Tatar raid of 1759 to New Serbia. *Kievskaya starina* [Kiev antiquities], 1883, no. 9–10, pp. 135–198. (In Russian)

10. Smirnov V. D. *Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th c.* Moscow, Turn to the XXI Publ., 2005. 542 p. (In Russian)

11. Tatarchevskiy A. Baron Tott's Activity as a Consul in the Crimea in 1767. *Kievskie universitetskie izvestiya = Kiev University Herald*, 1873, no. 10, pp. 2–24. (In Russian)

12. Tunmann. Crimean Khanate. Translation from German N.L. Ernst and S.L. Belyavskaya. Simferopol': State Press of Crimean ASSR, 1936. 107 p. (In Russian)

13. Khartakhay F. Historical fate of the Crimean Tatars. *Vestnik Evropy =Herald of Europe*, 1867, vol. 2, pp. 140–174. (In Russian)

14. Khrapunov N.I. *English travelers and Crimea. End of 18th – first third of 19th c.* Sevastopol': Al'batros Publ., 2022. 324 p. (In Russian)

15. Khrapunov N.I. *Bakchisaray in descriptions of foreign travelers of the end of 18th – beginning of 19th century.* 2nd ed. Sevastopol': Al'batros Publ., 2022. 360 p. (In Russian)

16. Khrapunov N. British Travellers on the Crimean Tatars and the Crimean Khanate (Seventeenth to Early Nineteenth Centuries). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*, 2018, no. 2, pp. 114–131. (In Russian)

17. Khrapunov N.I. From ruthless warriors to careless idlers: The evolution of the image of the Crimean Tatars in the French travelogues of 17th–19th centuries. *French Anual*, 2024, vol. 57, pp. 222–239. (In Russian)

18. Khrapunov N.I. Claude-Charles De Peyssonnel as a Researcher of the Crimean Past. *Antiquity and Middle Ages*, 2023, vol. 51, pp. 506–528. DOI: 10.15826/adsv. 2023.51.027 (In Russian)

19. Khrapunov N.I. Crimean Khan has left for the war: Baron François de Tott on the raid of Tatars on Russia in 1769. *French Annual,* 2023, vol. 56, pp. 36–53. (In Russian)

20. Khrapunov N.I. The Account of the Crimean Khanate in a Treatise by Adrian de Verdy du Vernois. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 (In Russian)

21. Khrapunov N.I. William Eton and his accounts on the Crimea on the eve of its unification with Russia. *Materials in archeology, history and ethnography of Saurian*, 2020, vol. 25, pp. 560–588. (In Russian)

22. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. The Crimea in 1784 according to French traveler Baron de Baert's account. *Materials in archeology, history and ethnography of Tauria*, 2015, vol. 20, pp. 395–430. (In Russian)

23. Sheykhumerov A.A. *Army of the Crimean Khanate: Organization and tactics (15th–18th cc.)]*. Kazan'–Simferopol': Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p. (In Russian)

24. Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin aupres du khan de Crimee de 1767 a 1769. *Revue de l'histoire des colonies Françaises*, 1923, t. XV, no. 1, pp. 1–32. (In French)

25. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden–Boston: Brill, 2011. XXXVI+1049 p.

26. Toth F. Entre voyage et ecriture: la genese et la reception des memoires du baron de Tott. *Archivum Ottomanicum*, 2012, vol. 29, pp. 149–190. (In French)

27. Tott [F.], baron de. *Memoirs containing the state of the Turkish Empire and the Crimea during the late war with Russia*, vol. I. London, G.G. J. and J. Robinson, 1786. XXXV+238+236 p.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University – St. Petersburg (3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528; rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 08.05.2025

Принята к публикации / Accepted 11.08.2025

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

УДК 93+37.014.3(477.75) DOI:10.22378/kio.2025.4.144-149

Чергеевнинъ экинджи дефадаки хапсы (Архив материаллары)

Исмаил Керим
Февзи Якубов адына Къырым муэндислик ве педагогика университети;
Татарстан Джумхуриети Илимлер Акдемиясы Ш.Марджани адына Тарих институты

Анълатма. Ишбу сененинъ февраль-март айларында аджайип бир вакъиа олду ки, Къырымнынъ меркезий архивинде (Акъмесджиттеки Павленко сокъагъындаки бинада) Асан Меметогълу Чергеевнинъ НКВД тарафындан хапсы ве соргъусы весикъалары тапылгъандыр. Бу онынъ экинджи хапсы эди. Биринджи хапсы ве тюрьме джезасы чар режими тарафындан 1912 сенеси кечирильгендир. О вакъыт оны Джанкойде, Абкин матбаасында 1909 сенеси басылгъан «Эшит, мевта нев севлеюр» поэмасы ичюн тутукълагъан эдилер.

1931 сенесининъ весикъалары чокъсу биографик фактларнен багълы олып, макъаледе олар догъмушларынынъ хатыраларынен къыяс этильмекте ве бераберликте Асан Меметогълу Чергеевнинъ аятий ве иджадий ёлуны даа айдын ачыкъламакътадырлар.

Анахтар сёзлер: Асан Чергеевнинъ биографиясы, 1931 сенесиндеки экинджи хапсы, хаятий ёлунынъ белли олмагъан фактлары

Асан Чергеев акъкъындаки кечкен парчамызда 1930 сенелери махкемеге чекильгенини къыскъадан айтып кечкен эдик. Онынъ махсус архивдеки «Дело»сындан ректоратымызнынъ ады иле ялынъыз биографиясынен багълы алякъадар саифелерининъ копиясыны сората ве сымарлаябильдик» денильди [1].

Шимди къолумызда чокъ аз да олса, Къырым архиви тарафындан «Дело»дан ясалгъан копиялар булунмакъта. «Дело»нынъ номери 07214, фонд номери р-4808, опись 1, ады: «Репрессия олунгъан гражданларнынъ «дело»лары коллекциясы».

ГПУ тарафындан ишленген хапс ордерининъ номери 549. Тарихчеси: 27.04.1931. Ордерде акс этильген буйрукъ шудыр: «Биюк-Янкойде яшагъан Чергеев Асан Меметовичнинъ эвинде тинтме япмакъ ве ревизия кечирмек. Весикъа ве китапларыны чекип алмакъ. Дигер мулькюне хапс тамгъасыны вурмакъ. Тинтменинъ нетиджесине дикъкъат этмеден Чергеевни тутукъламакъ!!!»

Къырым ГПУнынъ 27.04. 1931 сенеси чыкъаргъан тутукълама къарарына бинаэн Асан Меметович Чергеев Къырым изоляторында сакъчылар къаравуллыгъында булунаджакътыр.

ГПУнынъ 05.05.1931-де чыкъаргъан буйругъында исе, бойле дениле: Чергеев Асан Мемет СССРден четэльге къачмакъ мерамында ве джемаат арасында антисовет агитациясы алып бармасында сучлана. Бунъа коре къарар чыкъарыла: Джеза Кодекси 58-нджи маддесининъ 10 ве 84 къысымларына эсасланаракъ, Асан Мемет Чергеевни джеза чекмеси ичюн къабаатлы танымакъ!

Къырым ОГПУнынъ 10.05.1931 сенесиндеки отурышында тизильген 5-нджи протоколында дениле ки: «Чергеев Асан Меметовични 5-йыллыкъ муддетле концентрацион лагерине быракъмакъ. Джеза муддети 28.04.1931-ден башланмакъта».

Весикъанынъ сонъунда, бу фаджиалы олайлар ве вакъиалардан 60 йылдан зияде кечкен сонъ, орталыкъта не Чергеев, не де къабри къалмагъанда, яни 22.04.1994 сенеси Къырым Республикасынынъ прокурор ярдымджысы Украинанынъ «Сиясий репрессия къурбанларынынъ реабилитациясы» (17.04.1991.– No 962-XII) Къанунына эсасланып, А. Чергеев реабилитация олунгъаны акъкъында хабер бериле.

Весикъанынъ экинджи къысмы Асан Чергеевнинъ озь элинен толдурылгъан анкетадыр. Бу анкетанынъ меракълы ери шунда ки, усьтюнде вурулгъан мухюрде бойле язы бардыр: «В картотеке РСР ГПУ копии... нет». Яни пек сийрек весикъа олгъанындан гъайры, ресмий копиясы да булунмагъаны къайд олунмакъта.

Анкетанынъ кендиси 28 апрель 1931 сенеси толдурылгъан олып, ичиндекилер шу ашагъыдакилерден ибареттир:

Сойады – Чергеев.

Ады ве бабасынынъ ады – Осан Мемет (ойле язылгъан).

Яшагъан девлети – РСФСР (ойле язылгъан).

Миллети – Татар.

Къайд этильген ери – Къырым, Акъмесджит больгеси, Биюк-Онлар койсовети.

Яшы – 52 яшындам.

Тасили – Окъумышлы, Акъмесджитте татар оджалары мектебини битирдим. Педагог.

Партияда азалыгъы – Партия азасы дегилим.

Зенааты – Оджам.

Аилевий дурумы – Аилем ёкъ. Айрылыкъта булунмакътайым[1].

Догъмушларынынъ булунма ери – Акъмесджит.

Хапс этильген вакъытта, къайда чалыша ве не иле огъраша эди – Слесарь-кустарь. Эдебиятчы.

Девлет хызметинде булунмасы – Офицер оларакъ (поручик рутбесинде) Эски Армияда хызмет эттим.

Мулький дурумы – Ич бир тюрлю мулькюм ёкъ.

Кечинме къайнагъы – Къазанчым озюмнинъ оджалыкъ ве язарлыкъ зенаатымдан.

Сес хакъкъындан махрумлыгъы – Эски Армияда хызметим себебинден сес хакъкъындан махрумдырым.

1917 сенесине къадар не дурумда эди – 1914 сенесине къадар оджалыкъ эттим. Сонъра Эски Армиягъа мобилизация олундым.

Иш ери – Оджалыкъ, язарлыкъ.

1917 сенесинден сонъраки иш ери – 1929 сенесинедже оджалыкъ эттим.

Бундан эввель махкемеге чекильдими – Ёкъ[2].

Не вакъыт хапс олунды – апрель 28, 1931 с.

Ким тарафындан ве кимнинъ ордери эсасында хапс этильди – Къырым ОГПУсы тарафындан.

Къайсы ерде хапс олунды – Акъмесджит больгеси Биюк-Янкой кою, айны кой совети. Эвимде.

Ким тарафындан соргъу этильди – Ич ким.

Сучу ачыкъландымы ве неде сучланмакъта – Сучум ачыкъланмады.

Хапстан эввельки булунма ери – Биюк-Янкой кою, айны кой совети.

Тутукълангъаннынъ илявеси – Мен 1905 сенеси Одесса Махкеме Палатасы тарафындан яздыгъым «Эшит, мевта не севлеюр» («Послушай, о чем говорит покойник») брошюрасы ичюн языджы оларакъ къабаатлангъан эдим[3].

---

[1] Асан Чергеевнинъ догъмушлары бу сахте айрылыкъны бойле анълатмакъталар. О йыллары къары-къоджа арасында айрылыкъ весикъасы олгъанда, къоджасынынъ къапалмасы себебинен къарысы ве бала-чагъасына токъунылмай. Дигер такъдирде къоджасы къапалгъан сонъ, укюмет органлары онынъ къарысы ве бала-чагъасыны да сюргюнге огъратып эвлерини ве бутюн мал-мулькюни тутып ала эдилер.

[2] Монографиямызда къулланылгъан махсус архив материалларындан белли олгъаны киби, Асан Чергеев чар режимине къаршы курешкени ичюн 1912 сенеси махкеме этилип тюрьмеге атылды. Буны анъмагъанынынъ себеби бугуньде малюм дегиль...

[3] Бу ерде анълашылмагъан шей булунмакъта. Чюнки анъылгъан эсер 1905 дегиль де, 1909 сенеси нешир этильген эди...

Ишбу анкетанынъ асыл нусхасыны (оригиналыны) дикъкъатле талиль эткенде, Асан Чергеевнинъ къуршун къалемле язгъан метнинден ачыкъ корюне ки, о, сонъ дередже эеджанлы, къасеветли, шашкъын, гъафлетте, бельки де котекленген алда эди. Онынъ шу ердеки язы усулы, язысынынъ характери чокъ къалабалыкъ, эп къыскъартылып-къыскъартылып язылгъандыр ки, зорле окъулмакъта. Атта берген малюматларда къалабалыкълар, анълашылмамазлыкълар да булунмакъта. Адыны биле «Асан» ерине «Осан» деп яза, яшагъан девлетини «СССР» ерине «РСФСР» оларакъ, нешир эткен эсерини 1909 сенеси ерине 1905 деп бермекте ве Одесса Махкеме Палатасы тарафындан махкемеге чекильгенини де 1905 сенеси оларакъ косьтермекте. Акъикъатта исе, 1905 сенеси махкемеге, яни китап нешир этильмезден эввель, чекильмеге ич бир тюрлю эсас ёкъ эди. Яни хапс алтында, тюрьмеде язылгъан шейлер сербестликте язылгъанларындан кесин шекильде айрылып турмакъталар...

Анкетада даа бир меракълы шей корюнмекте. «Хапс этильген вакъытта, къайда чалыша ве не иле огъраша эди» деген ерде, Чергеев – «Слесарь-кустарь ве эдебиятчы» олгъаныны айта. Яни джевабындан 1931 сенеси онынъ языджылыгъы девам этильгени корюнмекте. Эм бу факт экинджи бир ерде де тасдыкълана. «Кечинме къайнагъы» соралгъанда, Чергеев: «Къазанчым озюмнинъ оджалыкъ ве язарлыкъ зенаатымдан» деп джевап бере. Ама языкъ ки, бугуньде онынъ 1930 сенелери язгъан ич бир эсери бизге белли дегильдир... Ялынъыз 1942 сенеси «Азат Къырым» газетасында эки манзумеси матбуат юзюни корьгенини билемиз [2].

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Керим И.А. Къазанчыкъ // Янъы дюнья. 2025. № 5 (1803). февраль 7.
2. Чергеев А. «Эй, сен Къырым» (Урал тюркюси) // Азат Къырым. 1942. № 19. март 27.
3. Чергеев А. Эй, Къырымнынъ яш йигити» (Шиир) // Азат Къырым. 1942. № 31. майыс 8.

Муэллиф акъкъында малюмат: Керим Исмаил Асаногълу – филология фенлери докторы, профессор, Февзи Якубов адына Къырым муэндислик ве педагогика университети яныдаки Къырымтатар филологиясы, тарихи ве къырым этносларынынъ медениети ильмий-тедкъикъат институтынынъ мудири (295015, Учебный аралыгъы, 8, Акъмесджит, Русие Федерациясы); Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы Ш. Марджани адына Тарих институтынынъ Къырымдаки ильмий меркезининъ етекчи ильмий хадими (420111, Батурина сокъагъы, 7, Къазан, Русие Федерациясы); ORCID: 0009-0003-5768-4423; alimes@mail.ru

Второе заключение Чергеева (Архивные материалы)

Исмаил Керимов
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В феврале-марте текущего года в Центральном архиве Крыма нами обнаружены и копированы уникальные документы, связанные с допросом и заключением классика крымскотатарской литературы Асана Меметоглу Чергеева (1880–1946) в тюрьму. Это произошло 27 апреля 1931 года. Данное событие явилось вторым заключением автора. Первое было возбуждено и проведено царским режимом в 1912 году за поэму, изданную в Джанкое в 1909 под названием «Эшит, мевта не севлеюр» («Послушай, о чем говорит покойник»).

Документы 1931 года носят в основном биографический характер, где раскрываются интересные детали его частной, семейной жизни.

В статье исследуются различные факты, сопоставляемые с воспоминаниями родственников писателя, что позволяет более полно раскрыть картину творческого и жизненного пути Асана Меметоглу Чергеева.

Ключевые слова: Биография Асана Меметоглу Чергеева, арест автора в 1931 году, неизвестные факты жизненного пути

Для цитирования: Керимов И.А. Чергеевнинъ экинджи дефадаки хапсы (Архив материаллары) [Второе заключение Чергеева (Архивные материалы)] // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 144–149. DOI: 10.22378/kio.2025.4.144-149

Сведения об авторе: Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-5768-4423; alimes@mail.ru

Chergeev's Second Imprisonment (Archival Materials)

Ismail Kerimov
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. In February and March of this year, we discovered and copied unique documents related to the interrogation and imprisonment of the classic Crimean Tatar writer Asan Memetoglu Chergeev (1880-1946) in the Central Archives of Crimea. This occurred on April 27, 1931. This event marked the author's second imprisonment. The first was initiated and carried out by the tsarist regime in 1912 for a poem published in Dzhankoy in 1909 under the title “Eshit, mevta ne sevleyur” (“Listen to what the dead man says”).

The documents from 1931 are primarily biographical in nature, revealing interesting details of his private and family life.

This article examines various facts, juxtaposed with the recollections of the writer’s relatives, allowing us to more fully uncover the creative and personal trajectory of Asan Memetoglu Chergeev.

Keywords: Biography of Asan Memetoglu Chergeev, the author’s arrest in 1931, unknown facts of his life

For citation: Kerimov I.A. Chergeev’s Second Imprisonment (Archival Materials). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 144–149. DOI: 10.22378/kio.2025.4.144-149 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1 Kerimov I.A. Small pot. *Yan"y dyun'ya = New world*. 2025. № 5 (1803). February 7. (In Crimean Tatar).

2. Chergeev A. Hey, Crimea (Ural song). *Azat Kyrym= Free Crimea.* 1942. No. 19. March 27. (In Crimean Tatar).

3. Chergeev A. Hey, Crimean young man. *Azat Kyrym= Free Crimea.* 1942. No 31. May 8. (In Crimean Tatar).

About the author: Ismail A. Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimea Ethnoses, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-5768-4423; alimes@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.05.2025
Принята к публикации / Accepted 15.08.2025

УДК 82-9 DOI: 10.22378/kio.2025.4.150-168

О произведении И. Гаспринского «Вера и Разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil»

Гульнара Сеитваниева
Стамбульский университет;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В статье представлены результаты текстологической работы и литературного анализа малоизвестного произведения И. Гаспринского «Вера и разум. Это видимо хорошо, но что говорит наш шариат?» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil. Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor», опубликованного в 1905 году в 45 и 48 номерах газеты «Терджиман» под литературным псевдонимом Молла Аббас Франсови. Тексты были напечатаны в русском и тюркскоязычном вариантах параллельно, с некоторыми незначительными отличиями. «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil» является произведением философской направленности, в котором затрагивается теологическая проблема соотношения веры и разума, волновавшая тюрко-мусульманское общество конца XIX – начала XX века. Жанр произведения определён автором как «беседа», между тем повествование оформлено «монологически». В подзаголовке текста: «Это видимо хорошо, но что говорит наш шариат?» / «Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor?», выражено оценочное суждение автора, в вопросительной части которого кроется ответ о сдерживающем факторе развития общества. Ответы на этот вопрос формируют основную идею произведения. Текст состоит из вступления и двух частей. Тема просвещения тюрко-мусульманских народов лежит главным лейтмотивом данного сочинения. Беседует И. Гаспринский со своим читателем о нравственности, морали и человеческом разуме. В монологе сосредоточены мысли, чувства, проявляется воля автора. Они, в свою очередь, основаны на важности развития, цивилизации и просвещения тюрко-мусульманских народов, их эволюции.

Ключевые слова: И. Гаспринский, вера и разум, aqıl ve naqil, беседа, тюрко-мусульманские народы, теологическая проблема, просвещение

Для цитирования: Сеитваниева Г.Ю. О произведении И. Гаспринского «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil» // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 150–168. DOI: 10.22378/kio.2025.4.150-168

Основанная в 1883 году выдающимся просветителем тюрко-мусульманского мира И. Гаспринским газета «Терджиман» на протяжении многих десятилетий занимала центральное место в печати тюркскоязычных народов Российской империи. С самого начала издание сочетало в себе функции общественно-политического и культурно-просветительского органа, формируя вокруг него широкое интеллектуальное пространство. Важной составляющей деятельности газеты было литературное направление: на её страницах размещались произведения, которые не только отражали актуальные идеи модернизации и просвещения, но и способствовали становлению тюркской литературы, развитию литературного языка и формированию национально-культурной идентичности. Необходимо сказать, что отличительной чертой издательско-публицистической деятельности И. Гаспринского являлась её двуязычность, которая во многом определила издательскую политику газеты. Выход издания параллельно на русском и тюркском языках[1], был обусловлен, прежде всего, требованиями времени: именно двуязычный формат газеты становится единственно возможным условием для создания и дальнейшего существования национального органа[2]. Наряду с этим, двуязычный характер газеты обеспечивал возможность донести новаторские идеи до крымскотатарского и шире – тюрко-мусульманского населения, также позволял быть услышанным в российском обществе.

В 1905 году на страницах газеты «Терджиман» было издано произведение И. Гаспринского «Вера и разум. Это видимо хорошо, но что говорит наш шариат?» под литературным псевдонимом Молла Аббас Франсови [5]. Тюркскоязычный вариант текста был опубликован под названием: «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil. Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor?»[3].

В исследовательской литературе первые сведения о произведении «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil» встречаются в работе И.А. Керимова,

[1] Тюркским языком газеты «Терджиман» принято считать язык, который был общедоступен и понятен тюркским народам в пределах Российской империи, также в Османском государстве. В научной литературе он получил название «общий литературный язык» (lisan-i umumî edebîye).

[2] Многократные попытки И. Гаспринского организовать печатный орган исключительно на родном языке неизменно встречали отказ со стороны государственных органов. Ситуация изменилась лишь после того, как в докладной записке Таврическому губернатору А.Н. Всеволожскому от 9 января 1882 года И. Гаспринский открыто заявил о намерении выпускать периодическое печатное издание параллельно на русском и крымскотатарском языках. Этот шаг сделал возможной реализацию его идеи – в 1883 году начала выходить газета «Переводчик-Терджиман». В таком формате она просуществовала почти до конца 1905 года [3, с. 92–113].

[3] Далее в тексте статьи название произведения приводится в сокращенном виде: И. Гаспринский «Вера и разум. Это видимо хорошо, но что говорит наш шариат?» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil. Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor?» (далее – «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil»).

где оно упоминается под сокращённым названием «Акъыл ве накъыл». Автор-составитель определяет его жанр как «философская статья» и приводит краткое содержание текста [4, с. 127]. Несмотря на имеющиеся данные, труд И. Гаспринского остаётся малоизученным: до настоящего времени он не получил должного научного осмысления и не был предметом комплексного анализа в контексте его литературного творчества. В данном исследовании тексты воспроизводятся по оригинальным публикациям газеты «Терджиман». Произведение представляет интерес в контексте изучения жанровой особенности, раскрытия проблематики, определения художественного своеобразия. Актуальность исследования обусловлена: во-первых, неполной изученностью литературного наследия И. Гаспринского, во-вторых, научной потребностью выявления новых трудов и раскрытия их художественных особенностей.

Работа включает в себя: 1) оформление и коррекцию орфографии русскоязычного текста, 2) транслитерацию арабографичного варианта на латинский алфавит, 3) составление словаря тюркскоязычной версии произведения, 4) сопоставление вариантов текста с целью выявления возможных отличий в смысловых нагрузках.

Коррекция орфографии русскоязычного текста предполагала замену устаревших букв со старославянского на современный русский язык. Например, основные изменения касались букв «ять» (ѣ), «ер» (ъ) в конце слов. Учтены современные правила написания суффиксов и окончаний в таких словах как «прежния», «предупредительныя», «общественнаго», касательно слова «шериат», в этом случае используется современная форма его написания «шариат». Пунктуация текстов откорректирована в соответствии с современными нормами.

Работа с арабографическим текстом велась с учетом контекста и понимания грамматических правил и конструкций.

Словарь тюркскоязычного варианта произведения был составлен путём толкования значения устаревших слов и специфических терминов, в некоторых случаях выражений для понимания контекста. Пояснительный аппарат, включающий около 65 слов и выражений, представлен в подстрочных примечаниях на тюркском (крымскотатарском) и русском языках.

Процесс сравнения вариантов произведения на русском и тюркском языках включал семантический, идейно-тематический, контекстуальный анализ, анализ структуры текстов. Так, мы можем говорить о некоторых незначительных отличиях, которые не имеют в себе скрытого подтекста. Небольшое различие наблюдается в тюркскоязычном заглавии: в переводе на русский язык оно звучит более развёрнуто – «Религия и мир. Разум и толкование религиозных основ. Это все очень хорошо, но что говорит шариат?», что позволяет тем самым точнее обозначить проблематику произведения, выявить его полемический характер и шире отразить замысел автора. Вместе с тем, в обоих вариантах выдержаны ключевые элементы: тема, основные сюжетные линии и композиция. Сохранён идейный замысел и авторская позиция.

Литературный анализ данного труда И. Гаспринского формирует вторую часть нашей работы. Цель исследования – раскрытие тематико-проблематической направленности, идейного содержания текста, определение его художественного своеобразия, авторской позиции, роли произведения в культурно-историческом контексте.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) изучить структурно-содержательные особенности произведения; 2) определить жанровую специфику текста; 3) провести сопоставительный анализ русскоязычного и тюркскоязычного вариантов текста; 4) выявить особенность художественного воплощения авторской идеи.

Перемены, происходящие в общественной жизни тюрко-мусульманских народов в конце XIX – начале XX века, связанные с реформаторским движением, позднее получившим название джадидизм, побудили религиозных, общественных деятелей переосмыслить пути дальнейшего развития и модернизации общества. И. Гаспринский занимал значимую позицию в этих процессах, выступая за просвещение и реформы в системе образования. Эволюция общества в видении И. Гаспринского должна была основываться на исламских ценностях[4]. Тема взаимосоотнесённости, согласия исламского вероучения и науки нашло свое отражение в его творчестве, в частности, в труде «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil».

Жанр произведения определён автором как «беседа». Выдвигая на первый план публицистическую направленность своего творчества, И. Гаспринский выбирает жанр разговорной речи, создавая ситуацию общения с читателем, позволяющую вести непринуждённую, «беседную» речь. В тексте привнесены элементы диалога, хотя произведение оформлено монологически»[5]. Необходимо отметить, что данные приёмы свойственны и другим его литературных трудам[6].

Произведение состоит из предисловия (вступления) и двух частей. Автором-собеседником является Молла Аббас Франсови – главный персонаж про-

[4] Наиболее полно взгляды И. Гаспринского на гармонизацию исламских традиций и прогрессивных идей выражены в его программном сочинении *«Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения»* (1881) [1, с. 82–111].

[5] Признано, что диалоги (от др.-гр. dialogos – разговор, беседа) и монологи (от др.-гр. monos – один и logos – слово, речь) составляют наиболее специфическое звено словесно-художественной образности. Современные исследователи, опираясь на концепцию М.М. Бахтина, проводят различие не только между диалогом и монологом как формами речи, но и между ‘диалогичностью’ и ‘монологичностью’ как качественными характеристиками человеческого сознания [6, с. 217].

[6] Беседы в кофейне (Kavehane suhbetleri) // Переводчик-Terciman, 1886, № 42, 5 Октябрь; Беседы в кофейне (Çayhane müzakeresi) // Переводчик-Terciman, 1891, № 26, 8 Август; В Стамбуле мне пришлось беседовать с одним младо-турком… (Bir Mükalemem) // Переводчик-Terciman, 1895, № 26, 16 Июль; и др.

граммных сочинений И. Гаспринского[7]. Данное имя литературного героя используется им как псевдоним[8]. Соотношение двух фундаментальных понятий – Веры и Разума, формируют проблему произведения. «Ради борьбы с заблуждениями неучёной толпы мусульман, ради ослабления регрессивных их воззрений» Молла Аббас приступает к беседе. Беседует он со своим читателем о нравственности, морали и человеческом разуме. Рассуждает о человеческой природе, в основе которой лежит добро, о постоянном процессе борьбы (со злом) и совершенствовании, дающем развитие. Поясняет причины, которые приводят к упадку нравственности общества, «развитию показной, ложной религиозности». Говорит о мерах, направленных на сохранение здоровья и жизни человека, рассказывает о благах, направленных к повышению уровня жизни людей. Именно это наблюдал Молла Аббас, путешествуя по Европе.

На принципах просветительской литературы: показе контрастов, критике негативных сторон общества, изображении идеала построен сюжет произведения. Противопоставляются: зло (fena) и добро (yahşı bir iş), грех (fenalıq, yamanlıq) и благодеяние (tövbe maqamında bir yahşılıq), период бодрости, оживленной общественной деятельности (zaman-ı ğayret, zaman-ı taâlî) и период упадка и общей притупленности (‘neme lâzım’ devri, tedennî zamanı), поступки «людей, жертвующих жизнью, добром и знанием на пользу общую» (‘cemaat ve millet işini öz işi kibi nefesine yaqın’ bilgenler) и «трусов, воров, предателей и <…> эгоистов» (‘öz işini bir sırada qoymaqtan ğayrı fikir ve işi bilmez <…> eñ iptida öz qazanlarını qaynatmaya’ çalışqanlar), цивилизованный мир (memâlik-i mütemeddine) и мир деградирующий (tedenniye, harabeye) и др.

Противопоставляя «жизни и деятельности мусульман» цивилизованный мир, научные познания, достижения которого И. Гаспринский демонстрирует как «продукт» разума, он ориентирует читательскую аудиторию на европейский опыт. Тем самым И. Гаспринский пытается интегрировать предлагаемые

[7] «Французские письма» (Frenkistan mektüpleri), «Африканские письма» (Sudan mertüpleri), «Таинственная страна» (Dar-ul Rahat müsülmanları), «Строптивая» (Tikbaş qız) и др.

[8] Помимо собственно псевдонимов, в литературе (и в искусстве) применяются и другие имена, которые в широком понимании также рассматриваются как псевдонимы. Среди них выделяется гетероним (термин, широко применяемый в современном литературоведении и философии) – имя, под которым автор публикует часть своих произведений, отличающихся по какому-либо признаку от текстов, подписанных собственным именем или другими псевдонимами автора. См.: Тейтельбаум Е.С. Множественная субъективность и онтологический, гносеологический и эстетический статус апокрифов и гетеронимов в творчестве Мигеля Унамуно, Антонио Мачадо и Фернандо Пессоа» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 3 (131) (2014). С. 132–136. *Имя литературного героя Молла Аббаса Франсови, под которым выходили многие произведения И. Гаспринского, предлагается нами ввести в научный оборот как пример гетеронима.*

преобразования в существующие в мусульманском обществе правовые предписания и религиозные традиции. Заимствование представляется не как применение результата европейских достижений, а как возвращение к изначальным принципам и ценностям ислама, к вере[9]. Проблема взаимоотношения веры и разума осмысливается И. Гаспринским в контексте совместимости исламского учения и научного познания. Разум представлен им мощным инструментом для рационального познания мира, решения проблем и развития.

Не случайны в произведении примеры из хадисов, высказываний и предписаний пророка Мухаммеда ﷺ, которые приводятся в доказательство того, что ислам изначально содержит в себе основы рационального отношения к миру и стремления к знанию. Следует отметить, что в тюркскоязычном варианте текста религиозные формулы (догматы) выражены ярче и экспрессивней, хотя в обоих текстах они переданы в неоригинальной форме (в тюркскоязычной версии приводится лишь начальная часть хадисов), и с некоторыми отличиями в текстах перефразированы для лучшего их понимания.

В контексте обсуждения важности развития, цивилизации и просвещения для мусульманских народов (hizmet-i milliye, hizmet-i cemaye bu qadar büyük ve muazzez şeylerdir), И. Гаспринский обращается к хадису, «сакральный смысл» которого (*mana-yı muqaddes*) заключён в следующем: *«Fîsebîlillah ibad-ı müslimini bir gece beklemek, hıfz etmek gündüzi sıyam gece(si) qıyam olmaq üzre ihyâ etilen biñ gece ibadetten daha hayırlıdır»* («Одна ночь мусульман, проведённая на пути Аллаха (в надежде обрести одобрение Аллаха, не ожидая ничего взамен), лучше (благоприятнее), чем тысяча ночей, проведённых в заучивании, в поклонении, когда днём соблюдается пост, а ночью совершаются молитвы»)[10]. В русской версии текста (хадис указан как слова Пророка), автор передаёт его переосмысленное содержание, значение которого определяется им в контексте служения обществу, нации (*cemaâta, millete güzel bir hizmet etmek*): *«Один день, проведённый на страже народного интереса, угоднее Аллаху, чем сорок дней поста и сорок ночей молитвы».* Хадис является заключительным и завершающим беседу.

Таким образом, мы имеем возможность познакомиться ещё с одним сочинением И. Гаспринского. «Вера и разум» / «Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil» является произведением философской направленности, в котором затрагивается

---

[9] Подробное рассмотрение процессов возвращения к изначальным принципам и ценностям ислама в контексте религиозного обновления в тюркском мире представлено в работе Ибраима Мараша *Türk Dünyasında Dinî Yenileşme (1850–1917)* [8].

[10] Наиболее близкий по содержанию вариант хадиса зафиксирован в сборниках **ат-Тирмизи** (№ 1667), **Сахих Муслима** (№ 1913) и **Ибн Маджи** (№ 2767):

رباطُ يَوْمٍ فِي سبيلِ اللَّه خَيْرٌ مِنْ أَلْفِ يَوْمٍ فِيمَا سواهُ مِنَ المَنازِلِ

«Несение стражи один день на пути Аллаха лучше, чем тысяча дней, проведенных в других местах» (ат-Тирмизи №1667). *Перевод хадиса выполнен нами с учётом пунктуации, принятой в произведении.*

теологическая проблема соотношения веры и разума, волновавшая тюркомусульманское общество конца XIX – начала XX века. Вера и разум рассматриваются им не как конкурирующие силы, а как взаимодополняемые, связанные аспекты человеческой жизни. Вопрос обсуждается им через призму просветительских воззрений.

Изучение трудов Гаспринского и введение в научный оборот станут шагом вперед в воссоздании панорамы литературной, социальной жизни исследуемого периода. Полный текст русского и тюркскоязычного транслитерированного вариантов произведения приводится ниже.

Вера и Разум
Это видимо хорошо, но что говорит наш шариат?

Во всех явлениях жизни и деятельности мусульманин по традиции обращается к указанию религиозного закона и шариата. Поэтому весьма важно, если шариат, т. е. вера не расходится с действительностью, т. е. с разумом и указаниями опыта. Если рассматривать шариат с этой точки зрения и очистить его от грубых ошибочных толкований толпы, то увидим, что положение его не противоречат требованиям жизни, морали и разума, часто авторитетно рекомендуя истины опыта и жизни. Ради борьбы с заблуждениями неученой толпы мусульман, ради ослабления регрессивных их воззрений, мы желаем дать читателям «Терджимана» несколько бесед и надеемся, что они любезно примут их, как и наши прежние письма с высокопросвещенного Запада.

Молла Аббас Франсови

Беседа I

Человек – не совершенство, хотя и совершенствуется. Поэтому мы и видим, что мысли, жизнь и деятельность людей подвержена постоянному поступательному движению вперёд.

Раз человек не совершенен, то весьма естественно, что он подвержен ошибкам и греху, но в то же время, имея добрую природу, он постоянно подталкивается к исправлению и добру; с злой волей постоянно борется чистая совесть. Мы часто видим, что человек под влиянием корысти, гордости, вражды, зависти говорит или делает нехорошее, злое. Но тот же самый человек носит в себе высокий нравственный корректив к исправлению, ослаблению произведенного зла. Человек вообще совершает более добра, чем зла, и тем покрывает, ослабляет свои ошибки и грехи. Не будь это так, не было бы общежития, не было бы прогресса. Нравственное чувство у людей тем более тонко, чем более они развиты вообще. Поэтому мы и видим, что у наиболее просвещенных народов условия жизни и отношений лучше, мягче и скорее совершенствуются.

Шариат в этом случае не только согласуется с указанием жизни, но прямо рекомендуют меру, которая может служить коррективом всюду и всегда. Пророк говорит: «Если ты совершил какое-либо зло, ту поторопись загладить его добрым делом. Это лучший путь для тебя!».

* * *

В цивилизованном мире против всех заразных переносных болезней существуют известные предупредительные и охранительные меры. Из числа разных мероприятий укажем лишь на изоляцию больных, на пресечение переноса болезни, путём кордонов или карантинов, знакомых мусульманам. Они указаны опытом, наукой, но простому человеку могут показаться стеснением. Но если мы вспомним, что Пророк ясно предписал людям не идти туда, где появилась эпидемическая болезнь и не уходить оттуда пока зараза не исчезнет, то увидим, что все меры изоляции рекомендованы и предуказаны шариатом.

* * *

Путешествуя по Европе, Вы будете поражены благоустройством, направленным к облегчению жизни людей. Фонтаны, водопроводы, освещение, тротуары, шоссе между деревнями, мосты всюду, где нужно, железные дороги, телеграфы и т. п. сильно и прочно облегчили жизнь, деятельность и отношения людей. Мы понимаем, что это хорошо, удобно, но спросите, как смотрит на это и расходы на них шариат!

«Если хотите сделать доброе дело, удалите с пути все что мешает, затрудняет людей», говорит Пророк. Очевидно, что просвещенные народы Запада лучше выполняют практическое указание шариата, чем мы, мусульмане.

(продолж. будет)

М. Аббас Франсови

Беседа II

В жизни каждого народа история отмечает период бодрости, оживленной общественной деятельности и период упадка и общей притупленности. В период оживления люди бывают чутки к общественному делу, выделяют ревнителей и борцов за общее благо, рождаются сильные характеры и честные натуры. В этот период общественная и народная жизнь идет вперед, развивается; умственная, экономическая, политическая жизнь делает успехи, преодолевая всякие препятствия. В жизни Древней Греции, Рима, арабов, персов и других племен бывали такие блестящие периоды, лучшие страницы их истории. Сейчас такой период оживления видимо переживает народ японский от мала до велика бодро работающий, бодро мыслящий и бодро воюющий, согретый любовью к Родине и стремлением к возвышению всего родного.

Другую картину представляет период упадка. Тут мы наблюдаем отсутствие или притупленность общественного стремления, расшатанность общего порядка, эгоизм в форме «а мне какое дело?» и наконец, гадости в форме стройки собственного благополучия на счет ослабления народного общественного блага и благосостояния.

Если в первом периоде мы часто встречаем людей, жертвующих жизнью, добром и знанием на пользу общую, то во втором периоде мы встречаем трусов, воров, предателей и в лучшем случае низких эгоистов. В этом втором периоде, как роковой признак его у всех народов замечается рядом с упадком нравственности развитие показной, ложной религиозности. «Всё от Бога», «так

хочет Бог» оправдываются измельчавшие люди, делая Аллаха соучастником и покровителем всякого рода преступных, подлых и падших людишек. Вместо «работайте», «старайтесь», «стойте за правду» носится всюду похоронный безнадежный клич «молитесь». Вместо людей века, чести и добра, плодятся тунеядцы, дервиши без призвания и т. п. элементы.

Все это я особенно хорошо понял, странствуя по Европе. Тут я видел сотни монументов, садов, фонтанов, улиц, училищ, больниц, посвященных имени общественных деятелей, прослуживших обществу своим добром или кровью, своим знанием или словом, своей честностью или примерной деятельностью, но я нигде не видел памятника за продажу молитв… Это показывает великое значение людей общественной, народной службы, значение людей, которые не только «молились», но и дело делали, как приказал Аллах.

– Да, конечно, скажете вы, общественная, народная служба, честная деловитость; охрана общественного интереса и пользы – важные элементы жизни, но интересно, нет ли в этом отношении каких-либо указаний в шариате, в нашей священной философии? Очень много, но я напомню лишь об одном, и этого будет достаточно. Пророк сказал: «Один день, проведенный на страже народного интереса, угоднее Аллаху, чем сорок дней поста и сорок ночей молитвы».

М. Аббас Франсови

Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil[11].
Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor?

Hikmet-i islâmiyye[12] ile hikmet-i maîşeye[13] arasında tefâvüt yoktur[14] demek câizdir[15], aqlen maqbûl olan hallerin hem şer'an[16] cevâzi[17] vardır. Şeran buyurılmış

[11] Nâqil (Naql) (осм., от араб. نقل [naḳl]) – islam dininde ayet ve hadislerge tayanğan ve rivayet yolunen bugünki künümizge yetken diniy esaslarğa berilgen addır. В исламской традиции: термин, обозначающий религиозные принципы, основанные на аятах и хадисах, и дошедшие до наших дней посредством повествований, преданий (риваятов); naql (naqil) etmek – añlatmaq, hikaye etmek (тюркск.) – передавать, излагать, рассказывать – (рус.).

[12] Hikmet (осм., от араб. حكمت [ḥikmet]) – hikmet, teren añlayış, aqıl (тюркск.) – глубокое понимание, мудрость, разум (рус.); hikmet-i islâmiyye – islam felsefesi, hikmeti (тюркск.) – исламская философия (рус.).

[13] Maişet (осм., от араб. معيشت [ʻayş] – жить, [maʻişet] – жизнь); Hikmet-i maişet – yaşayış, ömür hikmeti, tecribe (тюркск.) – жизненный опыт, практика (рус.).

[14] Tefavüt (осм., от араб. تفاوت [fevt, tefāvut] – отличающийся) – farq, farqlılık (тюркск.) – отличие, разница (рус.).

[15] Câiz (осм., от араб.جائز [cevāz] – не запрещено) – uygun, doğru olğan (тюркск.); arasında tefâvüt yoktur demek câizdir – arasında farqlılıq yoqtır demek yasaqlanmağandır (тюркск.) – подходящий, считающийся разрешенным, правильным (рус.); в контексте: «говорить о том, что между понятиями нет различий – не запрещается».

bir çoq şeylerin hikmeti izlenirse, insanların dünyası ve faydası içün bir yol-ı müstaqim[18] olduqları körülir. Bunıñ ile beraber bir çoq işler de müsülmanların keride qalmasına 'buna şerîat ruhset vermez, böyle iş adet değildir' zan ettikleri sebep-i evvelâ keldigi teessüf ile körülmektedir. Bu dahi ekserimizin fünun-i aqıliyeden mahrum qaldığımızdan mâadâ, ulûm-ı naqliyyede[19] dahi pek aşağı derecelerde qaldığımızdan ileri kelmekte; bu cehette bazan şu qasr-ı ğaflet[20] körülmektedir ki şer'i şerif açıq müsâade buyurdığı mâni etilmiş zan olunıyor. Kerçi[21] bunları kören-bilen ulema vardır, ama her kes bilip-añlap qabul ve eda etmek lazımdır.

İnsanların dünya ve âhiret içün sebep-i necatları[22], niyet ve emelleri oldığından 'bu iş pek güzel, ama şer'-i şerif ne diyor – suali üzerinde bir qaç bahs taqdım etiyorum; maqbul körülirse 'Terciman'a derc buyurılsın.

Muqaddemce[23] yazdıqlarım 'Frenkistan ve Dar-ul Rahat Mektüpleri' qabul etildiklerinden umüt ve cesaret alıyorum.

Molla Abbas Fransevi

---

[16] Şer'an (осм., от араб. شرعاً [şer'], развёрнутая форма [şer'an] – шариат) – şeriat tarafından, şeriatqa köre (тюркск.) – по шариату, согласно шариату (рус.).

[17] Cevâz (осм., от араб. جواز [cevāz] – дозволение, разрешение), cevâzi vardır – din tarafından yasaqlanmağanı içün yapılmasına izin berilgen (тюркск.) – дозволение совершать что-либо, потому что это не запрещено религией (рус.).

[18] Müstaqim (осм., от араб. مستقيم [istiḳāmet] – выправлять, выправляться [mustaḳim] – правильный); yol-ı müstaqim – doğru, kerçek, haq yol (тюркск.) – правильный, праведный путь (рус.).

[19] Ulûm-i naqliyye (осм., от араб. علوم نقليّه ['ilm] – наука, его мн.форма ['ulūm], ['ulūm –i naḳliyye] – переданные науки) – tefsir, hadis kibi naqil ve rivayetke tayanğan diniy ilimler (тюркск.) – термин, обозначающий религиозные науки в исламе, основанные на аятах и хадисах и дошедшие до нашего времени посредством устных преданий (риваетов) (рус.).

[20] Qasr-i ğaflet (осм., от араб. غفلت[ġaflet] и قصر [ḳaṣr]) – pervasızlıq kibi nuqsanlıq, zarar bergen, (тюркск.) – такой недостаток, как безразличие (рус.).

[21] Kerçi (осм., от перс. eger+çi [gerçi]) – aslına baqılsa, aslında (тюркск.) – на (в) самом деле (рус.).

[22] Necat (осм., от араб. نجات [necāt] – освобождение, спасение); sebep-i necatlar – qurtulmaq içün sebepler, selametke irişmek içün sebepler (тюркск.) – причины их спасения, избавления (рус.).

[23] Muqaddem (осм., от араб. مقدّم [taḳdim] – продвигать, повышать [muḳaddem]-впереди, ведущий) – evvel, evvelki olğan (тюркск.) – ранее, предыдущий (рус.).

Birinci Bahis[24]

İnsanlıq halıdır: her ne qadar diqqat etersek bir fenalıq, yamanlıq etmemiş insan olamaz. Açuv, kibir[25], haset[26], asavet, nefis insanı fenaya sevq eter[27]: söylenmeyecek bir sözdir söylenir, işlenmeyecek bir iştir işlenir. Ehl-i terbiye ve ehl-i ahlaq[28] böyle sözünden ya işinden utanır. Vicdanı rahatsız olur, ettigine qarşılıq yahşı bir iş işlemek ister ve işler. İnsanlar arasında bu hal diriline, hüsn-ü maîşete, cem'iyyetin, milletin bereket ömrü ve istiqammet haline bâhis olur.

Seyahatlarımda kördiğim bunca müteriqqî ve mütemeddin[29] milletlerde bu halı müşâhede ettim[30]. Bir fransız ya ki bir ingiliz her nasıl ise bir fenalıq etti ise bundan kimin de haberi olmasa dâhi, vicdanı huzurında ayıblı qalmamaq içün tövbe maqamında bir yahşılıq etmek çalışır. Avrupalıların bu hali metanetlerinin bir sebebidir zann ederim.

Evet, bu hal güzel haldır. Aceba islâmiyette buna dâir bir qaide varmıdır? Her qaysı hâdis kitabına mürâcaat buyurılırsa 'yaman bir iş etti isen, arqasından bir yahşılıq etmeye sa'y[31] ile' manasında hadisler bulursın.

* * *

Memâlik-i mütemeddine[32] sârî[33], yani bir çoq insanlara sârîyet eten – tâun[34] kibi, holera kibi ve sair bazı illetler[35] zarur ettigi ile maraz olan yerleri qaravul ile

---

[24] Bahis (Bahs) (осм., от араб. باحث [baḥs] – разговор, беседа) – suhbet (тюркск.) – диалог, беседа (рус.).

[25] Kibir (осм., от араб. كبر. [kibr]) – kendini her kesten üstün körme (тюркск.) – считать себя выше всех остальных, высокомерие (рус.).

[26] Haset (осм., от араб. حسد [ḥased] – ревность, зависть); haset sürmek – pahıllamaq, çekememek (тюркск.) – ревновать, завидовать (рус.).

[27] Sevq (осм., от араб. سوق [sevḳ] – отправка) sevq etmek – sürmek, sürip alıp ketmek (тюркск.) – увезти, отправить (рус.); в данном контексте – затянуть, вовлечь

[28] Ehl-i ahlaq (осм., от араб. اهل اخلاق [ehl] и [ḫulḳ], мн. форма > [aḫlāḳ] – человеческая природа, характер) – terbiye ve ahlaq sahibi (тюркск.) – воспитанный и моральный (кто – либо) (рус.).

[29] Mütemeddin (осм., от араб. (متمدّن) [temeddun > mutemeddin]) – medeniyleşken, medeniy (тюркск.) – цивилизованный, культурный (рус.).

[30] Müşâhede (осм., от араб. مشاهده [şuhūd – «быть увиденным, видеть» > muşāhede]); müşâhede etmek – köznen körmek, şahat olmaq (тюркск.) – видеть глазами, быть свидетелем (рус.).

[31] Say (осм., от араб. سعى [sa'y]) – iş, ğayret (тюркск.) – работа, усердие, усилие (рус.).

[32] Memâlik-i mütemeddine (осм., от араб. ممالك متمدّنه [memleket > memālik] – страна(ы), город(а), – и [mutemeddin]) – medeniy memleketler, ülkeler (тюркск.) – цивилизованные страны, города (рус.).

[33] Sârî (осм., от араб. سارى [sirāyet > sāri]) – birinden diğerine keçken, yayılğan (тюркск.) – распространяться, заражать (рус.).

cevirip ve sair tedâbir[36] etip marazın yolunı kestirmeye, yandığı yerde söndürmeye ğayret eterler. Cümlesi malûm karantin haneler bu tedâbîrin biridir. Bu yolda hareket ilim-i tıp ve ilim-i sıhhî[37] qayde-i haqiqiyyeleriniñ icrasından ibarettir. Faydası oluyor mı? Hay hay oluyor. Çünki bu tadâbir sâyesinde ve aqla mâqul hareket ile qıtaı medeniye olan Avrupa şimdiki hale kelmiştir. Halbuki bundan eki ve üç yüz sene muqaddem Avrupanıñ cehâlet[38] zamanında illet sârîyeden Avrupanıñ qırğını bizim Aziya ve Afrikadan eksik ve kem degil edi. Bu qırğınlıq 'Qara seneler', 'Qara ecel' namıyla Avrupa tarihında malümdırlar.

Acayıp hal, bu ne hikmet! Buña şerîat ne der, aceba?

Şerîat dediklerine qulaq verip bu dediklerini derin derin[39] mülâhaza etip hikmetine irişmek tiler isek, bize çoq şeyler bildirir, ama bizler ğaflet ediyoruz. 'İdha sami'tum bi-t-tâ'ûn ilâh.'[40] hadis-i şerefi ki, manası 'Bir erazide tâun illeti olduğını eşitirseniz oraya kirmeñiz, ama içinde bulundığıñız halde şu mahalin[41] haricine çıqmañız'der. Bu nasîhat-ı mubarakeyi milel-i[42] mütemeddine 'qarantin' lafzî[43] ile tefsir etmişler ya ki aqlen naqle muvafaq yol ve çare bulmuşlar[44].

---

[34] Tâun (осм., от араб. طاعون [ṭā'ūn]) – vebâ hastalığı (тюркск.) – чума (рус.).

[35] İllet (осм., от араб. علّت [illet] – болезень, неполноценность) – hastalıq (тюркск.) – болезень, недуг, инвалидность (рус.).

[36] Tedâbir (осм., от араб. تدابير [tedbir > мн. ч. tedābir]) – tedbirler (тюркск.) – предосторожность, меры (рус.).

[37] İlim-i sıhhî (осм., от араб. علم صحّى ['ilm], [ṣiḥḥat > ṣiḥḥi] – tıbbi ilimler, sağlıqnen bağlı bilgiler, sağlıqqa ait olğan (тюркск.) – медицинские науки (рус.).

[38] Cehâlet (осм., от араб. جهالت [cehālet]) – bilmezlik, habersizlik, cahillik (тюркск.) – неосведомленность, невежество (рус.).

[39] Derin (от древнетюрк. [tering > deriñ > derin] – teren (тюркск.) – глубокий (рус.).

[40] 'İdha sami'tum bi-t-tâ'ûn ilâh.' (араб. إذا سمعتم بـ الـ طاعون الـ خ– hadis-i şerifniñ birinci sözleri ve saire manasını bildirgen arapçadan 'îlâ âkhirihi' sözniñ qısqartılğan şekli; tercimesi şu şekilde: «veba hakkında bir şeyler duyğan olsañız ve saire» (тюркск.) – первые слова хадиса и сокращенная форма арабского выражения *'ила ахирихи',* означающая «и так далее», «и. т. п.», в переводе звучит как: «если вы услышали о чуме и т. д.» (рус.).

[41] Mahal (осм., от араб. محلّ [ḥulūl – войти, приземлиться где-то > maḥall]) – yer, mekan (тюркск.) – место, местоположение (рус.).

[42] Milel (осм., от араб. ملل [millet > мн.ч. milel) – milletler, qabileler (тюркск.) – нации, рода (рус.).

[43] Lafzı (осм., от араб. ([ẓfal] لفظ – söylenişi, aytılışı (тюркск.) – произношение (рус.).

[44] Naqle muvafaq yol ve çare bulmuşlar (тюркск.) – нашли способ и решение, соответствующие разуму (рус.).

* * *

Memâlik-i efrence'yi kezer dolanıyorken şehrilerin, caddelerin ve cemaat bağlarınıñ haline hayran olır edim. Nâsın[45] fâidesine, rahatına bunca yollar, köpürler, qaldırımlar, çeşmeler binâ etilmiş. Cümlesi dâim tâmir olunıp, baqılıp cedid halinde bulunır. Cadeler büyü fenerler[46] tizilmiş, gece qarangısı duyulmaz, qaryeden qaryeye[47] taş yollar çekilmiş, çamur balçıq zahmeti olmaz!

Bu şeyler evet pek güzel, bunlara cemaattan ve hazîneden aqçalar sarf olunıyor. Aceba, buña şerîat ne diyor? 'İ'zallatu ilâh.'[48] hadis-i şerifniñ 'ibâd-ı müslümin[49] yolundan avq[50] eten ve zahmet meşaqqat veren şeyleri yollardan qaldırınız[51]' emir-i şerîfini Avrupalılar bizlerden daha ziyâde qabul icra ettikleri körülmiyor mı?

(İlerisi var)

Molla Abbas Fransevi

İkinci Bahis

Her kavım ve milletin ömürinde zaman-ı ğayret, zaman-ı taâlî[52] oldığı kibi 'neme lâzım'de[53] tedennî zamanı[54] olur. Milletin taâlî devrinde her kes ayrıca ve

---

[45] Nâs – (осм., от араб. ناس [nās]) – halq, insan (тюркск.) – народ, люди (рус.).

[46] Büyü (от древнетюрк. [bögü> bügü > büğü > büyü]) – söz 'tılsımlı', 'meftün etken', 'siirli' olaraq oqundı. Kontekstte alğanda tılsımlı, siirli fenerler aqqında söz ketmektedir (тюркск.) – данное слово прочитано нами как «очаровывающий», «чарующий», «магический». В контексте говорится о волшебных, очаровывающих фонарях, украшающих проспекты, улицы (рус.).

[47] Qaryeden qaryeye (осм., от араб. قريه [ḳarye]) – köyden köyge (тюркск.) – из села в село (рус.).

[48] 'İ'zallatu ilâh.' (араб. اعَزِّلُ الأذى الخ) – hadis-i şerifniñ birinci sözleri ve saire manasını bildirgen arapçadan 'îlâ âkhirihi' sözniñ qısqartılğan şekli; tercimesi şu şekilde: «zararnı ayırmaq, zarar ketirgen şeyni ayrı tutmaq ve saire» (тюркск.) – первые слова хадиса и сокращенная форма арабского выражения *'ила ахирихи',* означающая «и так далее», «и. т. п.», в переводе звучит как: «удаление, устранение вреда и т.д.»(рус.).

[49] İbâd-ı müslimin (осм., от араб. عباد المسلمين [ʿibād al-muslimīn] – «мусульмане рабы») – Allahqa qul olğan müsülmanlar (тюркск.) – термин, используется для обозначения людей, поклоняющихся Богу в исламе, т. е. «поклоняющиеся мусульмане», «поклонники», «слуги» (рус.).

[50] Avd (осм., от араб. عود ['avd]) – maniya, turdurma; avq etmek – turdurmaq, aldını almaq (тюркск.) – предотвращать, препятствовать (рус.).

[51] Qaldırmaq (осм., от древнетюрк. [< kalk-tır-mak] – metinde almaq, alıp başqa yerge qoymak añlamında qullanıla (тюркск.) – в тексте используется в смысле «убрать» (рус.).; перевод: «убирайте с дороги то, что препятствует и приносит трудности, сложности поклоняющимся мусульманам».

[52] Taâlî (осм., от араб. تعالى [uluvv – «стать высоким, возвышаться» > te'āli]) – yükselme, yücelme (тюркск.) – расти, возвышаться (рус.); zaman-i taâlî – yükselme zamanı (тюркск.); период подъёма, прогресса (рус.).

cümle beraberce ömür-i millet ve ömür-i cemiyete ehemmiyet verip qadr-ül-hal bu yolda deyli ve âli, felmi ve ilmi, malî ve ilmi ile hizmet eter. Cemaat ve millet işini öz işi kibi nefesine yaqın bilir, yaqın his eter. Böyle devirde milletin her işi ileri keter, sade bir çobandan büyük ulema, emre ve selâtine[55] qadar her kes hissesine tüşen vazifeyi farz bilip icra eder. Bunın içün ne âferin ister ne mükafat bekler. Olacaq bir iştir – işler keçer, çünki milletni aqrabası kibi, vatanını validesi kibi sever.

Tarihlere baqılırsa yunan, rum, arab, fars, türk saire aqvamın böyle güzel zamanlar körüp keçirdikleri mâlûm olur. Bugünde böyle devir taâlî yayıp qavımında müşâhede olunıyor. Körüyoruz ki, küçügi büyügi mal ve canını ortaya qoyıp vatanlarının taâlî ve teraqqîyesine ciddi suratta çalışıyorlar.

'Neme lâzım' devri bunıñ aksidir. Bu devir tedennide halqlar şöyle bir hal ve ahlaqa tüşerler ki, öz işini bir sırada qoymaqtan ğayrı fikir ve işi bilmez, hatta camaat işine tâyin ve nasp olundıqları halde eñ iptida öz qazanlarını qaynatmaya çalışıyorlar, bu fenalığı setr etmek[56] içün misaller bile îcat eter söylerler. 'Dünyayı ben mi tüzeteceğim','dünyanıñ sahibi var, bana ne?', 'halqın Allası var', 'iş varacağa varır' kibi sözler ğayret ve hamiyetin[57] söndüğünden hasıl olan qara köledir[58]. Böyle devirde milletlerin cemaatın intizamı bozulıp nufusı iqtidarı qırılır. Cümert erine rişvetçi[59] kelir. Hamitli[60] yerine hayın kelir. Bahadır ve fedakar maqamına

---

[53] 'Neme lâzım' devri – müellif tarafından bir devirni ifadelemek içün qullanılğan ibaredir. "Neme lazım" ifadesi, "Maña ne keregi bar?", "Menim ne işim olur?", "Maña ne bundan?" kibi añlamlarğa ketirilgen, bir işke qarışmak veya mesüliyet almak istenilmegende ifade etken ve qullanılğan bir ibaredir (тюркск.) – данное выражение используеся автором для обозначения периода «человеческого безразличия, равнодушия». Оно близко со схожими ей выражениями, как «мне зачем?», «какое мне дело?», «что мне с этого?». Используемая, когда нет желания участвовать в общественных процессах или брать на себя ответственность (рус.). См.: Türkçe sözlük / haz.: Şükrü Haluk Akalın ve başk. 11. bsk. (tıpkıbasım). Ankara: Türk Dili Kurumu, 2019. S. 1763.

[54] Tedennî (осм., от араб. تدنّى [tedenni] – «быть ближе к низу»); tedennî zamanı – keri qalma zamanı, derecesinden tüşme (тюркск.) – период отставания, упадка, регресса (рус.).

[55] Selâtin (осм., от араб. سلاطين [sulṭān, мн. ч. selāṭin]) – sultanlar, padişahlar (тюркск.) – султаны, правители (рус.).

[56] Setr etmek (осм., от араб. ستر [setr] и от тюркского [etmek, eylemek]) – örtmek, qapamaq (тюркск.) – покрывать, закрывать (рус.).

[57] Hamiyet (осм., от араб. حميّت [ḥamiyyet]) – milletniñ, yurtnıñ, yaqınlarnıñ şerefini qoruma ğayreti, milliy şeref, fazîlet – стремление защитить честь своего народа, родины и близких, национальная честь, добродетель (рус.).

[58] Köle (происхождение неизвестно, в древнетюркском языке не найдено) – qul (тюркск.) – человек, лишенный свободы, раб (рус.).

[59] Rişvetçi (осм., от араб. رشوت [rişvet] – «взятка») – rüşvet (qabar) kelimesinin eski metinlerde qullanılğan asıl şekli; rüşvetçi, qabarcı – qabar alğan birisi (тюркск.) – взяточник, коррумпированный (рус.).

madden ya mürted[61] keçer. Selâttin postunı musalattin zapt eter. Millet ya devlet iqtidardan tüşüp tedenniye, harabeye doğru gider.

İşbu zaman tedennide ayrıca bir hal daha vardır; halqlar arasında riyâ[62] ile yalancı taqvâlıq[63] ziyadeleşir. Her kes 'yahşılığı', 'cigitliği', 'cümertliği', muhabbet ve ğayret-i milliyeyi' köşe başında ibadet ile ikmal etmeye[64] çalışır. Bu hal cümle milletlerde körülmiştir. Millete aqça lâzım, taqvâ yalınız duâ verir. Millete cigit, fedakar adamlar kerek, sûfuluq (sôfulıq) cübbesine saqlanır, memleket ateş almış, yanıyır, 'Hudâ imdat etsin'- diye, başını yurğanı astına saqlar. Zalim artar, taa mezarları qarıştırır, Allah'a duâ, 'beterinden hafaza eylesin' duâsıyle keçip keter. Bu fenâ halın aksi olaraq zaman-ı taâlîde her kes borcu olan dua ve ibadeti etmek ile beraber sel kelse bend çekmeye[65], ateşe qarşı su çekmeye, ihtiyaç-ı milliyeye qarşı kesâ-i hammiyeti, duşmana ya zalıma qarşı vücud-u merdanesiyle[66] setr qurar.

İnsanların ruhunda bu cevher, bu haslet[67] oldıqça milletin işi hep ileri ve asami, hep şerefli ve nüfuzlı olur. Bunıñ içündir ki mütemeddin Avrupada cemâate başlıca bir hizmet edenlerin mücessem[68] ve dâimî duâ-yı milliye olaraq bir çeşme, ya kitaphane, ya mektep, ya şifahane, ya ki bir nişan taş te'sîs eterek îfâ-yı teşekkürde[69]

---

[60] Hamitli (осм., от араб. حميد [ḥamd, ḥamid]) – maqtamağa layıq, meth etilecek sıfatlarğa sahip olğan birisi (тюркск.) – кто-то, достойный похвалы, тот, кто имеет качества, заслуживающие похвалы (рус.).

[61] Mürted (осм., от араб. مرتدّ [irtidād, murtedd]) – islam dininden döngen, müsülmanlıqtan ayrılıp başka bir dinge kirgen birisi (тюркск.) – человек, отрекшийся от ислама и принявший другую религию, вероотступник (рус.).

[62] Riyâ (осм., от араб. رياء [riyā']) – eki yüzlülik (тюркск.) – лицемерие (рус.).

[63] Taqvâ (осм., от араб. تقوى [taḳvā]) – günahtan qaçınma, saqınma; metinde: 'yalancı tahvalıq'- özüni günahtan qaçınğan, saqınğan kibi köstermek (тюркск.) – термин, означающий «избежание греха, воздержание», в тексте: «ложное благочестие» (рус.).

[64] İkmal etmek (осм., от араб. اكمال [kemāl] > [ikmāl] и от тюркского [etmek]) – eksiksiz, tam halına, yerine ketirmer (тюркск.) – выполнить полностью, в полном объёме (рус.).

[65] Bend çekmek (осм., от перс. بند [bend] и древнетюрк. [çek-mek]) – bend çekmek, set qurmaq (тюркск.) – устанавливать препятствие, преграду; в тексте: преграда, построенная для удержания воды (рус.).

[66] Vücud-u merdane (осм., от араб. وجود [vucūd] и от перс. مردانه [merdāne] – mert bir insanğa yaqışır tarzda, şekilde; mertçe, yiğitçe (тюркск.) – образом, подобающим мужественному человеку; мужественно, доблестно (рус.).

[67] Haslet (осм., от араб. خصلت [ḫaṣlet]) – özellik, tabiat (тюркск.) – характер, натура (рус.).

[68] Mücessem (осм., от араб. مجسّم [tecsim] > [mucessem]) – köznen körülgen, elnen tutulğan şekilde (тюркск.) – ощутимый (рус.).

[69] İfâ-yı teşekkür (осм., от араб. ايفاء [vefā] >[ifā']) – sözü yerine ketirilgeni, sözünde turğanı içün minnettarlığ ifadesi (тюркск.) – выражение благодарности за обещание, слова благодарения, признательности (рус.).

bulunurlar...Demek, her nasıl ise cemaâta, millete güzel bir hizmet etmek böyle ehemmiyetli emiş. Avrupanın hâli, târihlerin ciltleri bunı söyleyörlar. Doğrumı aceba? Nazar-ı islamdan, qaide-i şerîata bu iş neçiktir, aceba? Bir çoq söz söylemeye hâcet yoqtur. Aqle mâqul ekseri halde şer'-i şerif tarafından maqbûldır.

'Harasa laylata ilah.'[70] hadis-i şerifni yâda ketirmek[71] kâfidir ki[72], mana-yı muqaddes: 'Fîsebîlillah[73] ibad-ı müslümini bir gece beklemek, hıfz etmek[74] gündüzi sıyam gece qıyam olmaq[75] üzre ihyâ etilen[76] biñ gece ibadetten daha hayırlıdır'.

Hizmet-i milliye, hizmet-i cemaye bu qadar büyük ve muazzez[77] şeylerdir.

Molla Abbas Fransevi

[70] 'Harasa laylata ilah.' (араб. حَرَسَ لَيْلَةَ الـ خ) – hadis-i şerifniñ birinci sözleri ve saire manasını bildirgen arapçadan 'îlâ âkhirihi' sözniñ qısqartılğan şekli; tercimesi şu şekilde: «Geceni qorumaq, geceleri növbet tutmaq ve saire» (тюркск.) – первые слова хадиса и сокращенная форма арабского выражения *'ила ахирихи',* означающая «и так далее», «и т. п.», в переводе звучит как: «быть на страже, нести вахту ночью и т. д.» (рус.)

[71] Yâda ketirmek (осм., от перс. یاد [yād] и от древнетюрк. [kel-tür-mek > ketürmek]) – añmaq, hatırlamaq (тюркск.) – помнить, вспоминать, (рус.)

[72] Kâfi (осм., от араб. کافی [kifāyet – «успеть, настигнуть» > kāfi]) – yeterli (тюркск.) – достаточно (рус.)

[73] Fîsebîlillah – (осм., от араб. فی سبیل اللہ [fi-sebili'llāh]) – Allah yolunda, Allah'ın rizasını elde etmek içün, hiç bir qarşılık beklemeden hızmet köstermektir (тюркск.) – религиозный термин, означающий служить на пути Аллаха, чтобы получить Его согласие, не ожидая ничего взамен (рус.)

[74] Hıfz etmek (осм., от араб. حفظ [ḥifẓ] и от тюркского [etmek, eylemek]) – qorumaq, saqlamaq, qorçalamaq (тюркск.) – защищать, сохранять, оберегать (рус.)

[75] Gündüzi sıyam, gece(si) qıyam olmaq – eskiden qullanılğan, Ramazan ayında gece-kündüz ibadetnen vaqıtını keçirmek añlamını ifadelegen ibare (тюркск.) – ранее употреблявшаяся фраза, выражающая смысл проведения времени в молитве днем и ночью в течение месяца Рамадан (рус.)

[76] İhyâ etmek (осм., от араб. احیاء [ḥayāt- ḥayevān – «быть живым» > iḥyā'] и от тюркского [etmek, eylemek] – canlandırmaq, hayatiyet qazandırmaq (тюркск.) – возрождать, оживлять (рус.)

[77] Muazzez (осм., от араб. معزّز [ta'ziz – «сделать сильным» > mu'azzez]) – hürmetke layıq, izzet ve şeref sahibi (тюркск.) – достойный уважения, почетный и достойный (рус.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмеметова. Симферополь: «ООО Константа», 2017. Т. II. 384 с.

2. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. I. Литературные произведения / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмеметова, Г.Ю. Сеитваниева. 2-е изд., испр. и доп. Казань – Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2021. 512 с.

3. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь: Доля, 2000. 328 с.

4. Керимов И.А. Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883–1914. (къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги) / («Живая» история газеты «Терджиман». По материалам газеты «Терджиман» 1883–1914 гг.). Акъмесджит: Тарпан, 1999. 408 с.

5. Молла Аббас Франсови. Вера и Разум. Это видимо хорошо, но что говорит наш шериат? / Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil. Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor? // Переводчик-Terciman. 1905, № 45, 10 июня; № 48, 21 июня.

6. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Высш. шк., 2004. 405 с.

7. Kubbealtı Lugatı. URL: https://lugatim.com/ (дата обращения: 09.09.2025)

8. Maraş İ. Türk Dünyasında Dinî Yenileşme (1850–1917). İstanbul: Ötüken Neşriyatı, 2002. 360 s.

9. Türkçe sözlük / haz.: Şükrü Haluk Akalın ve başk. 11. bsk. (tıpkıbasım). Ankara: Türk Dili Kurumu, 2019. 2763 s.

Сведения об авторе: Сеитваниева Гульнара Юсуфовна – аспирант докторской программы факультета литературы, кафедры турецкого языка и литературы Института социальных наук, Стамбульский университет (34134, Balabanağa Mahallesi, Ordu Cad., No:6, Laleli – Fatih, Стамбул, Турция); внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); seitnargul@gmail.com

About I. Gasprinsky's work "Faith and Reason" / "Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil"

Gulnara Seitvanieva
Istanbul University;
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. This article presents the results of textual analysis and literary criticism of I. Gasprinsky's little-known work "Faith and Reason". "This is apparently good, but what does our Sharia say?" / "Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil. Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor," published in 1905 in issues 45 and 48 of the Terciman newspaper under the pseudonym Molla Abbas Francovi. The texts were published in Russian and Turkic versions simultaneously, with some minor differences. "Faith and Reason" / "Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil" is a philosophical work that addresses the theological problem of the relationship between faith and reason, which troubled Turkic-Muslim society in the late 19th and early 20th centuries. The author defines the work's genre as "conversation," while the narrative is structured as a "monologue." The subtitle of the text, "This is apparently good, but what does our Sharia say?"/"Bu iş pek güzel, ama şer'i şerif ne diyor?", expresses the author's evaluative judgment, the interrogative part of which contains an answer about the factor holding back societal development. The answers to this question are form the main idea of the work. The text consists of an introduction and two parts. The theme of the education of the Turkic-Muslim peoples lies at the core of this work. I. Gasprinsky converses with his reader about morality, ethics, and the human mind. The monologue concentrates the author's thoughts, feelings, and will. These, in turn, are based on the importance of the development, civilization, and education of the Turkic-Muslim peoples, their evolution.

Keywords: I. Gasprinsky, faith and reason, aqıl ve naqil, conversation, Turkic-Muslim peoples, theological problem, education

For citation: Seitvanieva G.Yu. About I. Gasprinsky's work "Faith and Reason" / "Din ve Dünya, Aqıl ve Nâqil". *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 150–168. DOI: 10.22378/kio.2025.4.150-168 (In Russian / In Turkic)

REFERENCES

1. Gasprinskiy I. *The Complete Works*. *Early journalism: 1879–1886*. Editor-in chief R.S. Khakimov; comp. by S.A. Seitmemetova. Simferopol, 2017. Vol. II. 384 p. (In Russian)

2. Gasprinskiy I. *The Complete Works. T. I. Literary works.* Editor-in-chief R.S. Khakimov; comp. by S.A. Seitmemetova, G.Yu. Seitvanieva. 2nd edition, corrected

and expanded. Kazan – Simferopol: I. Gasprinsky Media Center, 2021. 512 p. (In Russian)

3. Gankevich V.Yu. *In the Service of Truth and Enlightenment. A Brief Biographical Sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914)*. Simferopol: "Dolya" publishing house, 2000. 328 p. (In Russian)

4. Kerimov I.A. *The "living" history of Gasprinsky (a manual on the Crimean Tatar language, literature and culture)*. Simferopol: "Tarpan" publishing house, 1999. 408 p. (In Crimean Tatar)

5. Molla Abbas Fransovî. Faith and Reason. This seems to be good, but what does our Sharia say? *Terdzhiman=Translator*, 1905, no. 45, June 10; no. 48, June 21. (In Russian/ In Turkic)

6. Khalizev V.E. *Theory of Literature*: Textbook. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: "Vysshaya Shkola" publishing house, 2004. 405 p. (In Russian)

7. Kubbealti Dictionary. URL: https://lugatim.com/ (date of access: 26.05.2025). (In Turkish)

8. Maraş İ. *Religious Renewal in the Turkish World (1850–1917).* İstanbul: Ötüken Publishing House, 2002. 360 p. (In Turkish)

9. *Turkish dictionary.* Şükrü Haluk Akalın ed. and ed. 11. (facsimile edition). Ankara: Turkish Language Association, 2019. 2763 p. (In Turkish)

About the author: Gulnara Yu. Seitvanieva – Postgraduate student of the doctoral program, Faculty of Literature, Department of Turkish Language and Literature, Istanbul University (Balabanağa Neighborhood, Ordu Street, no:6, Laleli – Fatih, Istanbul 34134, Turkey); Freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); seitnargul@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 08.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.09.2025

КУЛЬТУРА

УДК 069.51(091) DOI:10.22378/kio.2025.4.169-178

Судьба фондовой коллекции Бахчисарайского музея после депортации крымскотатарского народа в 1944 году

Сафие Абдураманова
Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник

Аннотация. В статье рассматривается вопрос последствий депортации крымских татар в 1944 г. на примере музейной коллекции Бахчисарайского ханского дворца. Исследованы сохранившиеся в музее архивные документы, в которых отражены пропавшие в годы войны экспонаты, изучен перечень предметов, перемещенных в «этнографический склад». Проведена работа по поиску и выявлению предметов, научная экспертиза и превентивная консервация. Вновь выявленные экспонаты, являющиеся ценнейшим наследием истории и культуры крымских татар, введены в музейную коллекцию Бахчисарайского заповедника.

Ключевые слова: Крымские татары, депортация, музей, Бахчисарай, Ханский дворец

Для цитирования: Абдураманова С.Н. Судьба фондовой коллекции Бахчисарайского музея после депортации крымскотатарского народа в 1944 году // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 169–178. DOI: 10.22378/kio.2025.4.169-178

Единственный сохранившийся памятник крымскотатарской дворцово-парковой архитектуры XVI–XVIII вв., бахчисарайский ханский дворец, в 1917 г. открыл свои двери в качестве музейного учреждения. Первый

национальный музей крымских татар, созданный на базе кружка, основанного Петроградским обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в 1916 г., через пять лет (в 1922 г.) получил официальное название «Музей тюрко-татарской культуры». Указом Крымско-татарской национальной директории директором был назначен выпускник Строгановского училища, художник, краевед, этнограф Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938), руководивший музеем до 1934 г.

Основой первой фондовой коллекции музея стало имущество бывшего ханского дворца (195 ед.), указанное в инвентарной описи дворца-музея в сентябре 1917 г. [3, с. 51]. Это были как собственно ханские предметы имущества, так и предметы, привозимые для убранства комнат к приезду монарших особ. Коллекция стремительно разрасталась за счет дарений, планомерных закупок, а также экспедиций, которые стали важной вехой в истории музея. С 1924 по 1929 гг. под руководством У. Боданинского группой специалистов-археологов, историков, филологов, фольклористов (О. Акчокраклы, А. Рефатов, Г. Бонч-Осмоловский, А. Башкиров, Б. Засыпкин, И. Бороздин, Н. Клепинин, Н. Эрнст и др.) проводились этнографические и археологические экспедиции по Крыму, во время которых был собран обширный материал, легший в основу нынешнего фондового собрания.

Кровавые события в 1930-е гг. коснулись непосредственно и Бахчисарайского дворца-музея: в 1934 г. У.А. Боданинский был вынужден уволиться и покинуть Крым, а в 1938 г. был репрессирован и расстрелян. С этого момента до событий 1944 г. фондовое собрание почти не увеличивалось: исследователь истории дворца-музея Р.Р. Эминов приводит цифру 92 предмета [3, с. 61]. Таким образом, к началу войны в фондах музея числилось 2795 экспонатов[1].

После депортации крымских татар в мае 1944 года музей, именовавшийся «Государственным музеем тюрко-татарской культуры», был переименован в «Бахчисарайский дворец-музей» [2, с. 307]. Фондовая коллекция дворца-музея значительно сократилась. В акте от 18 июня 1944 г., составленном представителями власти, сотрудниками музея и исполняющей обязанности директора Бахчисарайского дворца-музея М.Г. Кустовой, говорится: «*Начиная с ноября 1941 года, через дворец проходили разные войсковые части немцев, которые нанесли большой ущерб всему дворцу-музею со всеми его пристройками и садами. Библиотека музея была заня-*

[1] Дела музея за 1945-53 гг. Объяснительная записка к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея от 31 мая 1946 г. Ф.4. Оп.1. Д.19. Л 77. Научный архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (далее – НА ГБУ РК БИКАМЗ).

та немецкой войсковой частью, которая нанесла большой ущерб ценным архивным фондам музея»[2]. М.Г. Кустова, директор музея с 1944 г., пишет: «*После ухода немцев в апреле 1944 года была организована проверка, которая установила, что немецкие мародеры расхитили 281 экспонат. По распоряжению т. Беспалова этнографический отдел музея был свернут и экспонаты этого отдела были взяты на особый учет и хранятся отдельно – 605 экспонатов <…> списано по актам в разные годы как украденные – 189 <…> списано по негодности 47 <…>. Нужно сказать, что акта приема и сдачи ценностей музея в момент моего поступления произведено не было, т. к. не от кого было принимать. Хранитель ценностей Таков А.П. выехал из Крыма как спецпереселенец и ключи я получила за час до его отъезда*»[3]. Среди «утраченных» экспонатов ценнейшие рукописные книги, документы, ювелирные изделия, предметы мебели и убранства дома, одежда и пр.

Остановимся отдельно на так называемом «этнографическом складе», который был создан после депортации, в ноябре 1944 г., по приказу Управления по делам искусств при Совнаркоме РСФСР. Тогда часть предметов, касающихся этнографии крымских татар, была изъята и перемещена в специальный «этнографический склад», «*эти предметы не учитывались в книгах поступлений, а по складу не велось отдельной отчетности*» [8].

В акте № 3 от 24.11.45 г., составленном М.Г. Кустовой, мл. научным сотрудником Н.Н. Матвеенко и директором музея пещерных городов Э.А. Дубинской указано: «…*при проверке имущества – экспонатов дворца-музея, принадлежащих этнографическому отделу, переписаны в количестве 626 штук в этнографический склад дворца-музея*»[4].

Все предметы, перемещенные в «этнографический склад», в инвентарных книгах музея были помечены красным карандашом «Этн» и «Акт № 1 1944». 31 мая 1946 г. директор дворца-музея М.Г. Кустова отчиталась в объяснительной записке к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея: «*II. По распоряжению т. Беспалова (начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме РСФСР) этнографический отдел музея был свернут и экспонаты этого отдела были взяты на особый учет и хранятся отдельно. Всего экспонатов изъято из фондов 605*»[5].

«*Этнографический склад» исчез – никаких сведений о его судьбе в фондах КРУ БИКЗ не имеется*» – писал исследователь истории дворца-

[2] Акт от 18 июня 1944 г. Ф.4. Оп.1. Д.19. Л. 20. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

[3] Объяснительная записка к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца Музея от 31 мая 1946 г. Ф.4. Оп.1. Д.19. Лл. 77-78. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

[4] Акт №3 от 24 ноября 1945 г. НА ГБУ РК БИКАМЗ. Ф.4. Оп.1. Д.19. Л. 6.

[5] Там же.

музея Р.Р. Эминов [8]. Однако в 2023 г., в процессе подготовки помещений музея-заповедника к реставрационным работам, в одном из подвалов было обнаружено значительное количество беспорядочно хранящихся разнородных предметов, покрытых слоем пыли, плесени, разрушенных, пораженных шашелем, гниющих.

Внимательно изучив находки, мы обнаружили на некоторых из них этикетки со старыми довоенными музейными номерами. Это фрагменты мебели, столешницы, инкрустированные костью и перламутром, зеркала, ковры и их фрагменты, чехлы от подушек, детали ткацкого станка, прялки. Сверка номеров с довоенными книгами учета дала свои результаты: напротив этих номеров стоит пометка красным карандашом «Этн. 45 г.». Данный факт указывает на то, что в указанном подвальном помещении располагался легендарный «этнографический склад», предметы хранились без соблюдения правил хранения, температурно-влажностного режима, в результате чего оказались практически разрушены.

Учитывая их исключительную значимость в контексте истории формирования фондовой коллекции музея, происхождение (часть – из имущества ханского дворца), предметы были перемещены во временное фондохранилище на карантин и дальнейшее исследование.

В настоящее время проводится планомерная обработка, очистка, консервация предметов, изучение, экспертиза с последующим внесением в основной фонд БИКАМЗ. Некоторые предметы, прошедшие превентивную консервацию, прошли экспертизу в 2023–24 гг. и уже внесены в основной фонд музея-заповедника:

1. «Бади́е – горшок ночной детский», ст. номера **1027-III-52/804; ЭТН. 804/582-45**, здесь же пометка красным карандашом **«ЭТН, 1945 г.»**. Предмет был обнаружен внутри картонного ящика, без учетных этикеток. Поиск указанных номеров в инвентарной книге дворца-музея за 1934 г. открыл следующую информацию: «Бади́е – горшочек детский, вставляется в люльку. Высота – 0,19 см., диам. 0,17 см. Из Центр. Музея Тавриды, 18.04.1924 г., акт № 19»[6].

2. Уникальный предмет «Сурахи́ – сосуд-водолей…» с номерами на дне **2120-II/486, №737 ЭТ:550, НВ №1216 ЭТ. 201** (Рис. 1). Первичная запись об этом предмете имеется в самой ранней сохранившейся инвентарной книге дворца-музея за 1925 г.[7] Под номером 2120-II/486 значится «Кума́н. Кувшин глиняный в виде трех шаров с ручкой, с царапанными узора-

[6] Ф. 16, оп.1, д.4 1934 г. Л.16. №804. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

[7] Инвентарная книга дворца-музея за 19254 г. Ф. 16, оп.1, д.2 1925 г. Л. 83. №2120-II/486. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

ми (один из трех шаров не имеется). Дар Аблямита Гафар, Кырк Чолпан. См. нов. инв. номер 737».

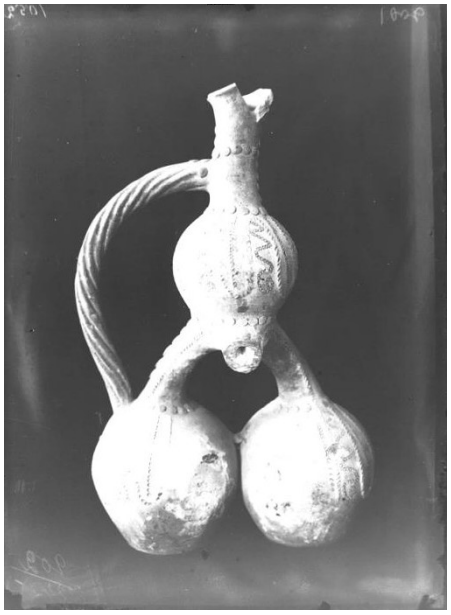


Рис. 1. Сурахи́ – сосуд-водолей. Фото № 4302/896. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ)

Fig. 1. Surahi – a vessel-aquarius. Photo №4302/896. From the Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve collection

Следующая запись о предмете имеется в переписанной позже инвентарной книге дворца-музея за 1934 г. под номером 737: «Сурахи́ – кувшин из белой глины с ручкой с узорами и с тремя шариками внизу, причем одного шара не достает; горлышко кувшина отломано. Высота – 0,38 см. Из Научной экспедиции КрымЦИКа в 1925 г., дар гражданина деревни Кырк Чолпан Аблямита Гафар». Здесь же пометка красным карандашом «ЭТН, 1945 г.»[8]. Далее кувшин был взят в научно-вспомогательный фонд. Обнаружен на фотонегативе **КП-4302/ФН-896** из фондов музея-заповедника в том виде, в котором он попал в музей в 1925 году: с цельной витой ручкой, отбитой частью венчика и двумя целыми нижними шарами, причем шары между собой соединялись глухой перемычкой. В довоенной инвентарной книге учета фотонегативов за 1930 г. под номером **902** значится следую-

[8] Инвентарная книга дворца-музея за 1934 г. Ф. 16, оп.1, д.4 1934 г. Л. 150. №737. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

щее: **«Бахч. Муз. Глиняный сосуд с разбит. одной нижней частью. Найден в дер. Кырк Чолпан в земле. Автор съемок Яновский»**[9].

3. Кукла «крымский татарин», на правой ноге имеет картонную круглую бирку с номером «М.Ф. 165» (Рис. 2). В ходе исследования довоенного учетного номера, указанного на бирке, было выявлено, что первичная запись о данном предмете была внесена в инвентарную книгу 1929 г., имеет следующее содержание:

«Кукла. Татарин в одетом костюме, в бархатной рубашке, синих шароварах и красным поясом, № 165, 180/I-236, см. нов. инв. номер 1777. Источник поступления: Из Центрального Музея Тавриды от Главвыставком Парижской выставки 25/04–1925 г.»[10].

Следующая запись по указанному новому номеру 1477 имеется в инвентарной книге музея за 1934 г.: «Кукла-татарин в бархатной рубахе, синих шароварах и с красным поясом. Из ЦМТ Главвыставкома Парижской выставки»[11]. В графе «№ по порядку» имеется пометка: «1945 ЭТ», означающая, что предмет после депортации крымских татар был перемещен в т.н. этнографический склад и исключен из музейного учета. Информации о месте и времени изготовления куклы нет, однако известно, что на Парижскую выставку 1925 г. как специально изготавливали, так и подбирали предметы, касающиеся непосредственно культуры крымских татар, выполненные в Крыму или бытовавшие в семьях. Множественные штопки и следы использования (потертости на одежде) указывают на то, что кукла не была изготовлена непосредственно перед выставкой, а была отобрана для участия либо из музея, либо принадлежала крымскотатарской семье. Отметим, что выявленная кукла – одна из четырех, одновременно поступивших из Главвыставкома. В инвентарных книгах под номерами 165–168 указаны две пары – кукла-татарин и кукла-татарка. Это один из немногих сохранившихся в музее-заповеднике предметов, подготовленных для участия в Международной выставке в Париже в 1925 г., отбором которых занимался первый директор Музея У. Боданинский.

[9] Инвентарная книга дворца-музея по учету фотонегативов за 1930 г. Ф. 16, оп.1, д.8 1930 г. № 902. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

[10] Инвентарная книга дворца-музея за 1929 г. Ф. 16, оп.1, д.3 1929 г. Л. 22. №ъ 165. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

[11] Инвентарная книга дворца-музея за 1934 г. Ф. 16, оп.1, д.5 1934 г. Л. 83. № 1777. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

Рис. 2. Кукла «крымский татарин». Конец XIX – начало XX в. №14168/1153. Из фондов БИКАМЗ

Fig. 2. Doll “Crimean Tatar”. Late 19th – early 20th centuries. №14168/1153. From the Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve collection

Рис. 3. Плётка детская. Конец XIX – начало XX в. №14169/380. Из фондов БИКАМЗ

Fig. 3. Children's whip. Late 19th – early 20th centuries. №14169/380. From the Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve collection

4. «Плётка детская» обнаружена в подвале фондохранилища в состоянии разрушения (Рис. 3). На деревянной ручке сохранились старые учетные номера № 2204/474 и буквы «Этн.45», на коже также приклеена бумажная этикетка с номером «2204». В ходе исследования довоенного учетного номера № 2204/474, указанного на бирке, было выявлено, что запись о данном предмете была внесена в инвентарную книгу 1934 г.[12] и была уже вторичной, имеет следующее содержание: «Бала́-Камчи́, кнутик детский. № 2204, 638/985», источник поступления не указан, имеется пометка «1945 ЭТ». Необходимо отметить, что подобных кнутов было 5 единиц, записанных под номерами 2203-637/984, 2204-638/985, 2205-639/986, 2206-640/987, 2207-641/988. Эти предметы указаны в Описи экспонатов Бахчисарайского дворца-музея, расхищенного во время оккупации [1, с. 107].

Первичная запись под инвентарным номером 985-II/299 обнаружена в инвентарной книге музея за 1925 г.: «Кнутки – Бала́-камчилери́» (с кр.тат. –

[12] Инвентарная книга дворца-музея за 1934 г. Ф. 16, оп.1, д.5 1934 г. Л. 125. № 2204. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

«детские кнуты») с дублированием текста арабицей на крымскотатарском языке и пометкой «См. инв. №№ 638-641». Интересно, что номер 637/984 записан как «Кнутки – Ормечé-Камчý, из козьих ножек, 2 шт. См. инв. №637. Один из них отослан в Ялтинский музей», указано время и источник поступления: «Из Центрального Музея Тавриды переданы в Бахчисарайский музей 18/IV-1924 г.»[13]. Выявленный предмет – один из немногих сохранившихся, поступивших в музей в период сбора коллекции первым директором Музея У. Боданинским.

В 2025 году обработаны и поставлены на учет не менее интересные и ценные предметы:

1. Макáс – ножницы для колки сахара в деревянном ящике, Крым, XIX – н. XX в. В Описи…на с.115 ножницы указаны как расхищенные.
2. Вафельница металлическая в виде щипцов, к. XIX – п.п. XX вв.
3. Бурав. Крым, к. XIX – н. XX вв. Крымские татары.
4. Натяг (бондарный инструмент), Крым, XIX – нач. XX вв. Крымские татары.
5. Щипцы печные кованые. XIX – н. XX вв.
6. Савýт къабáкъ (посудная тыква). Крым, 1930-е гг.
7. Тагъарчы́къ (сумка пастуха из цельной козьей кожи). Крым, д. Айсерез, 1915 г. Приобретена у Аджи Али в дер. Айсерез 16/VII-1925 г. участниками Научной экспедиции КрымЦИК. Выполнена отцом Аджи Али в 1915 г.

В настоящее время ожидают экспертизы деревянные штампы для набойки на тканях, прялки, предметы мебели, предметы текстиля.

Выводы. Обнаружение «этнографического склада» имеет исключительное значение не только для пополнения фондов Бахчисарайского музея-заповедника, но и для исследователей, историков, этнографов, филологов, музееведов. Предметы, возвращенные из небытия, позволят шире раскрыть тему этнографических и археологических экспедиций по Крыму в 1920-е гг., тему участия Крыма в Парижской выставке в 1925 г.

Сохранившиеся довоенные инвентарные книги – ценнейший источник для воссоздания истории возвращенных из «этнографического склада» предметов, т.к. в них записаны оригинальные названия предметов на крымскотатарском языке, дата и источник поступления, подробности бытования. Эта информация является основанием для оформления документов и внесения предметов в основной фонд ГБУ РК БИКАМЗ, последующего проведения консервационно-реставрационных работ и экспонирования.

[13] Инвентарная книга дворца-музея за 1925 г. Ф. 16, оп.1, д.1 1925 г. Л. 51. № 985. НА ГБУ РК БИКАМЗ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны / Подгот. текста, сост. И.В. Зайцева, Р.Р. Эминова; вступ.ст., пер. с нем. и староосм., указ. И.В. Зайцева. Москва, Бахчисарай: Кучково поле, 2015. 192 с: ил.

2. Эминов Р.Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 48–64.

3. Эминов Р.Р. Бахчисарайский дворец-музей: проблемы послевоенного времени (1945-1948) // Историческая мозаика Евразии: сб. ст. к 70-летию Д.Д. Васильева. Сост. Т.А. Аникеева, А.Д. Васильев, О.М. Курникова, Т.А. Филиппова; Ин-т востоковедения РАН. Москва: ПРОБЕЛ-2000, 2017. С. 307–316.

Сведения об авторе: Абдураманова Сафие Нариановна – заведующий отделом фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (298405, ул. Речная, 133, Бахчисарай, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-9916-4774; sofiaplus@mail.ru

The fate of the Bakhchisarai Museum’s collection after the deportation of the Crimean Tatar people in 1944

Safiye Abduramanova
Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Preserve

Abstract. The article examines the consequences of the deportation of the Crimean Tatars in 1944, using the example of the museum collection of the Bakhchisarai Khan’s Palace. The museum`s surviving archival documents, which reflect the exhibits that disappeared during the war, were examined, and the list of items moved to the “ethnographic warehouse” were studied. The work on the search and identification of objects was carried out, scientific expertise and preventive conservation was made. The newly discovered exhibits, which are the most valuable heritage on the history and culture of the Crimean Tatars, were added to the collection of the Bakhchisarai museum-preserve.

Keywords: Crimean Tatars, deportation, museum, Bakhchisarai, Khan’s Palace

For citation: Abduramanova S.N. The fate of the Bakhchisarai Museum’s collection after the deportation of the Crimean Tatar people in 1944. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 169–178. DOI: 10.22378/kio.2025.4.169-178 (In Russian)

REFERENCES

1. *Cultural treasures from the collection of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve, lost or displaced as a result of the Great Patriotic War.* Preparation of the text and complier I.V. Zaitsev, R.R. Eminov; introductory article, translation from German and Old Ottoman language, decree by I.V. Zaitsev. Moscow; Bakhchisarai: Kuchkovo pole, 2015. 192 p.: ill. (In Russian)

2. Eminov R.R. The First National Museum of the Crimean Tatars. *Vostochniy arhiv=Oriental Archive*. 2011, no. 2 (24). Pp. 48–64. (In Russian)

3. Eminov R.R. Bakhchisarai Palace Museum: problems of the post-war period (1945–1948). *Historical mosaic of Eurasia: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of D.D. Vasiliev*. Comp. by T.A. Anikeeva, A.D. Vasiliev, O.M. Kournikova, T.A. Filippova; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: GAP-2000, 2017. Pp. 307–316. (In Russian).

About the author: Safie N. Abduramanova – Head of the Funds Department, Bakhchisarai Historical, Cultural and Archeological Museum-Preserve (133, Rechnaya Str., Bakhchisarai 298405, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-9916-4774; sofiaplus@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.07.2025

Принята к публикации / Accepted 15.08.2025

НАСЛЕДИЕ

УДК 94(093) DOI: 10.22378/kio.2025.4.179-200

Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (5)*

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. В шестой главе «Политические вопросы, обычно содержащиеся в документах о мире, которыми обменивались Польша-Литва и Крым» (стр.496–513) части 2 монографии Дариуша Колодзейчика рассматриваются приоритетные направления внешней политики этих стран, затрагиваются вопросы поддержания мира и стабильности между Польшей-Литвой и Крымом. К примеру, рассматриваются вопросы «дарения» земель Литве, договор о ненанесении вреда владениям соседней страны, взаимное освобождение пленных, возмещение захваченных товаров, безопасность торговли, регулярная отправка подарков (или дани), договор не задерживать или не обращаться грубо с посланниками другой страны. Анализируя дипломатические документы и договора, заключенные между этими двумя

* Продолжение. Начало см.: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (1–4) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213; 2025. Т. 12, № 1. С. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207; 2025. Т. 12, № 2. С. 184–214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184-214; 2025. Т. 12, № 3. С. 167–196. DOI: 10.22378/kio.2025.3.167-196.

государствами, автор выявляет ключевые политические факторы, оказывавшие существенное влияние на их взаимоотношения. В заключении (стр.514–515) подводятся итоги исследования.

Ключевые слова: Крымское ханство, Польша-Литва, дипломатические отношения, договор, политические проблемы, мирные документы, Восточная Европа

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша–Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (5) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 179–200. DOI: 10.22378/kio.2025.4.179-200

Глава шестая
Политические вопросы, обычно содержащиеся в документах о мире, которыми обменивались Польша-Литва и Крым

Помимо стандартных заявлений о поддержании мира и дружбы, содержащихся в документах, которыми обменивались ханы и короли, можно встретить ряд положений, обычно включаемых в эти документы, а именно:

А. «Дарение» земель Литве;

Б. Пункт «общие друзья и общие враги»;

В. Особое положение о совместном нападении на Московию;

Г. Обязательство не наносить ущерба владениям и подданным другого правителя;

Д. Взаимное освобождение пленных и заключенных и возвращение захваченного имущества;

Е. Безопасность торговли;

Ж. Регулярная отправка даров (или дани) хану и подарков членам его свиты;

З. Обязательство не подвергать жестокому обращению или не удерживать посланников другой стороны.

А. «Дарение» земель Литве

«Пожертвование» земель Литве, неизменно содержавшееся в крымских **ярлыках** *(yarliks)* до 1560 года, имело большое церемониальное значение для ханов, поскольку оно представляло их отношения с правителями из Ягеллонов как отношения между благотворителями и получателями. Для последних данный пункт был важен с политической точки зрения: во-первых, «жалуя» эти земли Вильнюсу, ханы по умолчанию обязывались не совершать набеги на них; во-вторых, этот пункт потенциально служил основой для антимосковского союза, поскольку ханы «жаловали» («дарили») Вильнюсу такие спорные регионы и города, как Чернигов, Новгород-Северский, Смоленск и даже Псков, Великий Новгород и Рязанское княжество, на которые претендовала

или которые уже контролировала Москва. Однако, политический потенциал ослабляло то, что ханы часто «дарили» одни и те же земли попеременно то Вильнюсу, то Москве.

Политические вопросы в документах о мире

Год (номер документа)	А.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж. (стоимость и используемые термины)	З.
около 1462 (1)	x	–	–	–	–	–	–	–
1467 (2)	–	–	–	–	–	x	–	–
около 1473 (4)	x	–	–	–	–	–	–	–
1480 (5)	–	x	–	–	–	–	–	–
1480 (6)	–	x	–	x	–	–	–	–
1506–1507 (7)	–	x	x	x	–	–	–	–
1507 (8)	x	–	–	–	–	–	–	–
1507 (9)	x[1]	x	x	x	x	–	x (4 500 флоринов)[2]	–
1513 (10, 11)	x[3]	x	x	x	–	x	x (15 000 флоринов, *upomynky*)[4]	–
1513 (12)	x	x	x	x	–	x	x (*pomynky*)	–
1514 (14)	x	x	x	x	–	x	x (*vpomynky*)	–
1514 (15, 16)	–	x	–	x	–	x	x (15 000 флоринов; никакой термин не используется)	–
1516 (17)	x[5]	x	x	x	–	x	x (15 000 флоринов; *upomynky*)	–
1517 (18)	x	x	x	x	–	x	–	–
1520 (19)	x	x	x	x	–	–	x (15 000 флоринов; *vpomynok*)	x
1520 (20)	–	x	–	x	–	x	x (15 000 флоринов; *bölek*)[6]	x

[1] Упоминается, но без деталей (Referred to but not specified).

[2] Описывается как ежегодная субсидия, которая должна компенсировать расходы, понесенные на содержание крепости Исламкерман, предположительно построенной ханом для предотвращения набегов его подданных на Литву.

[3] Упоминается, но без деталей.

[4] В документе не используется ни одного термина на латыни.

[5] Упоминается, но без деталей.

1527 (22)	–	x	x	x	–	–	x (*pomynky*)	x
1532 (24)	x	x	x	x	–	x	x (*vpomynky*)[7]	–
1535 (26)	–	x	x	x	x	x	x (260 кусков ткани[8]; *pomynky*)	–
1539 (28)	x	x	x	x	x	x	x (15 000 флоринов; *upominki*)	x
1541 (29)	x	x	x	x	x	x	x (15 000 флоринов; *pomynok*)	–
1542 (31)	x	–	x	x	x	x	x (15 000 флоринов[9]; *upominki*)	
1552 (32)	x	x	x	x	x	x	x (15 000 флоринов[10]; *upomynky*)	x
1560 (33)	x	x	x	x	x	x	x (*upominki*)[11]	x
1592 (34)	–	x	x	x	x	x	x (*bŏlek hazinesi* плюс *tiyiş*)[12]	x
1592 (35)	–	x	x	x	–	–	x (*bŏlek hazinesi* плюс *tiyiş*)[13]	–

[6] Об этом тюркском термине, относящемся к категории подарок (gift) см. Документ 20, прим. 32. В современном русинском переводе он упоминается как *вспомінок(vpotupnok)* (ср. Документ 20, приложение).

[7] Упоминается как фактор, повлиявший на решение хана разрешить королевским купцам торговать в его владениях, но не выделен в отдельный пункт.

[8] Стоимость в Крыму около 8 580 флоринов; для расчета см. прим. 235 в Части I.

[9] И в дополнение «три набора по девять подарков»; о символическом значении «девяти подарков» см. Документ 31, прим. 15.

[10] И в дополнение «три набора по девять подарков»; ср. прим. 714 выше.

[11] В документе представлены две категории подарков: обычные ежегодные дары (*upominki roczne*), которые рассматривались как своего рода дань, и особые подарки, которые должны были быть отправлены королевской казной в качестве компенсации за военную помощь татарам против Московии; последние назывались «дарами Мехмеда Герая и Бахадыра Султана» (upominki machmetgireiowskie, i bohartirsołdanowskie) по аналогии с дарами, которые когда-то получили от Сигизмунда I хан Мехмед Герай и его сын и калга Бахадыр Султан; теперь они должны были быть отправлены хану Девлету Гераю и его сыну и калге Мехмеду Гераю (будущему хану Мехмеду II Гераю); см. Документ 33, прим. 30.

[12] В документе термин *bölek hazinesi* (о термине *bölek,* см. прим. 711 выше; *hazine* буквально означает «сокровище»), относится к обычному подарку хану, тогда как термин *tiyiş* – к подаркам для его свиты (о термине *tiyiş,* ср. Документ 34, прим. 16); кроме того, король должен был ежегодно посылать шестьдесят кусков ткани для калги Фетх Герая. В случае, если возникала необходимость хану помочь королю против Московии, ему полагалась дополнительная выплата.

[13] Кроме того, король должен был ежегодно посылать шестьдесят кусков ткани для калги Фетх Герая. Если хану необходимо было помогать королю против

1598 (36)	–	x	x	x	–	x	x *(upominki)*	–
1599 (37)	–	x	x	x	–	x	x *(upominki)*	–
1601 (39)	–	x	x	x	–	x	x *(upominki)*	–
1601 (40)	–	x	–	x	–	x	x *(upominki)*	–
1604 (41)	–	x	–	x	–	x	x (*upominki*)	–
1605 (42)	–	x	x	x	–	x	x (*upominki*)	–
1607 (43)	–	x	x	x	–	x	x *(consueta dona обычный подарок)*	–
1609 (44)	–	x	x	x	–	x	x *(обычные upominki)*	–
1611 (45)	–	x	–	–	–	–	x (*upominki*)	–
1624 (48)	–	x	–	x	x[14]	x	x *(scarb/upominki плюс podarki)*[15]	x
1632 (49)	–	x	–	x	x[16]	–	x *(uluğ hazine плюс tiyişler u bŏlekler)*[17]	x
1634 (50)	–	x	–	x	–	x	x *(uluğ hazine или vergü)*	x
1635 (51)	–	x	–	x	–	x[18]	x (*обычные upominki*)	x
1637 (52–54)	–	x	–	x	x[19]	x	x (*обычные upominki / wedle zwyczaju – обычаю*)	x
1640 (55, 56)	–	x	–	x	x	–	x (30 000 флоринов, *hazine или bŏlek)*[20]	–
1640 (57)	–	x	–	x	–	x	x *(hazine плюс hedaya)*	x

Московии, он должен был получить дополнительное пособие в размере 5 000 флоринов.

[14] Только в отношении товаров, похищенных у послов и торговцев.

[15] В документе термин *skarb* («сокровище»; по-видимому, польский перевод турецкого термина *hazine)* отождествляется с *upominki* и относится к ежегодной выплате (наличными и натурой) хану. Термин *podarki* относится к подаркам или дарам, отправляемым свите хана. Фактически, разница между терминами *upominki* и *podarki* в польском языке незначительна, как и разница между "gifts" и "presents" в английском языке; тем не менее, в переводе *upominki* передаются как "gifts", а *podarki* как "presents".

[16] В документе оговаривалось, что царь должен освободить сводного брата хана – Ислам Герая Султана (будущего хана Ислама III Герая).

[17] Термин *uluğ hazine* (переводится как «великое сокровище») относится к ежегодной выплате хану, а двойной термин *tiyişler* и *bölekler* относится к подаркам и дарам, доставляемым его свите.

[18] На самом деле безопасность торговцев и посланников только упоминается в повествовании, в идеализированном описании прошлого мира, который следует восстановить.

[19] Только в отношении товаров, похищенных у послов и торговцев.

[20] Кроме того, король должен был посылать подарки и налоги, называемые *hedaya* и vėrgüler, собранные в наборы по девять предметов; см. прим. 714 выше.

1646 (58)	–	–	–	x	–	x[21]	x (*hedaya* или *vergü,* также *pişkeşler*)[22]	–
1649 (59)	–	x	–	x	–	–	x (обычные *upominki*)	–
1649 (60)	–	x	–	x	–	–	x (*vergü* или *pişkeş*)	–
1654 (61)	–	x	x	x	–	–	x (*обычные upominki*)	–
1654 (64)	–	x	x	x	–	–	x (*pişkeş* плюс *hedaya*)	–
1667 (66)	–	x	–	x	x	–	x (*upominki*)	–
1668 (69)	–	x	–	x	x	–	–	–
1672 (70)	–	–	–	x	–	–	x (*upominki*)[23]	–
1742 (71)	–	–	–	–	–	x	–	x

Б. Пункт «Общие друзья и общие враги»

Обязательство быть «другом друга другого правителя и врагом врага последнего» также могло стать основой военного сотрудничества, но чаще служило стандартной церемониальной формулой, которая использовалась также и в османской канцелярии.

В. Особое положение о совместном нападении на Московию

Поскольку пункт «общие друзья и общие враги» был слишком расплывчатым, когда действительно планировалось совместное военное предприятие против Московии, это отражалось в отдельном положении. В пункте обычно оговаривалось, что хан должен помочь королю вернуть литовские земли, захваченные московским правителем. Взамен будущие доходы от этих владений должны были быть разделены между королем и ханом, или последний должен был получить дополнительные субсидии из королевской казны. Характерно, что этот пункт исчез в первой половине XVII века, когда отношения между Варшавой и Бахчисараем часто бывали напряженными, но вновь появился в 1654 году, когда оба двора возобновили антимосковский союз.

[21] На самом деле, безопасность торговцев только упоминается в *повествовании (narratio)*, в идеализированном описании прошлого мира, который следует восстановить.

[22] О термине *pişkeş*, в словаре Readhose dictionary трактуется как «подарок, преподносимый вышестоящему лицу», см. Документ 50, прим. 23.

[23] Хан принял предложение поляков о дополнении ежегодной квоты тысячей золотых флоринов, а взамен пообещал сдерживать своих подданных от набегов на Польшу и Литву.

Г. Обязательство не наносить ущерба владениям и подданным другого правителя

Стандартная формула содержала обязательство хана удерживать своих подданных от набегов в королевские владения, а иногда и обещание наказать виновных. Со своей стороны, король отказался от любых претензий относительно прошлых набегов. Документы, опубликованные в томе, также раскрывают нарастающий масштаб проблемы казаков. Принимая во внимание разрушительные последствия татарских и ногайских набегов для экономики и повседневной жизни их славянских соседей, не следует забывать, что со временем деятельность казаков стала также вредить и крымским подданным.

Возникновение казацкого вопроса отражается в скорости, с которой старый тюркский термин *kazak* / *qazaq* эволюционировал для обозначения славянских подданных польско-литовских и московских правителей, населяющих территории в низовьях Днепра и Дона. Первоначально этот термин относился к вольным бродягам тюркского происхождения (free vagabonds of Turkic origin). В 1514 году Менгли Герай добился того, чтобы королевские купцы, отправлявшиеся через причерноморские степи за солью к Качибею (Kaćybej) [Хаджибей, в настоящее время – Одесса. – Прим. пер.], не терпели никакого ущерба со стороны ханских казаков *(ot kazakov našyx)*[24]. Безусловно, эти татарские казаки (Tatar Cossacks) были трудноуправляемы и в крымском указе (instrument) 1517 года они были перечислены вместе с «непокорными подданными» хана *(ot našyx ljudej lyxyx y ot kazakov...)*[25]. Удачное определение этой социальной группы дает документ 1528 года, записанный в Литовском реестре, в котором казаки описывались как вольные татары, не имеющие собственных иждивенцев *(to tatare kozaky, što ljudej ne majut')*[26]. Королевский документ 1535 года уже различал три категории: казаки, не связанные с ханом, вероятно, славянского или смешанного тюрко-славянского происхождения[27], «ханские казаки» и, наконец, «аккерманские казаки» *(kozaky belohorodskyi),* которые жили под властью Османской империи. Грамота Девлет Герая, изданная в 1552 году,

[24] См. Документ 14. По общему признанию, самые ранние известные упоминания о казаках, которые были литовскими подданными, относятся к 1492–1493 гг.; ср. Грушевский, История Украины-Руси, т. 7, с. 82–83, Черкассы, Ukrajina v polityćnyh vidnosynax (Украина в политических отношениях), с. 229. Тем не менее, столь ранние упоминания данного термина в первую очередь относятся к тюркским вольным, бродячим элементам.

[25] См. документ 18.

[26] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 523 (1528). Vieśųjų reikalų knyga 1. Edited by A. Baliulis and A. Dubonis (Vilnus, 2006), p. 94. (Литовские метрики. Книга № 523 (1528). Книга общественных дел). Под редакцией А. Балиулиса и А. Дубониса (Вильнюс, 2006), с. 94.

[27] Admittedly, this fragment is unclear; (Правда, этот фрагмент неясен); ср. Документ 26, прим. 3.

четко разграничивала ханских казаков, которых следовало удерживать от набегов на королевские владения, и королевских казаков, именуемых «вашими казаками» (*kozakov vašyx*)[28]. Наконец, грамота (документ) Девлет Герая от 1560 года упоминала «ваших или московских казаков», очевидно, в связи с деятельностью Дмитрия Вишневецкого, известного казацкого лидера, который попеременно выступал на стороне Вильнюса и Москвы[29]. Таким образом, в зависимости от контекста один и тот же термин мог относиться к тюркским кочевникам, являвшимся крымскими или османскими подданными, или даже к далеким казахам, которые время от времени вторгались на территорию кочевья ногайцев на Волге[30], но также и к днепровским и донским казакам (последний термин в стандартном английском употреблении пишется с заглавной буквы), которые в подавляющем большинстве, хотя и не исключительно, имели славянское происхождение и набирались из числа польско-литовских и московских подданных. В грамоте Гази II Герая от 1592 года последние были обозначены как «христианские казаки, которые жили на реке Днепр и были ворами и разбойниками» *(Özü suyında olan qrıstyannıng hırsuz harami qazaqları)* и строго отличались от «татарских казаков» *(Tatar qazaqları).* Хан потребовал, чтобы король сдерживал своих подданных и изгнал их с земель вдоль Днепра, чтобы они не могли совершать набеги на территорию Крыма[31].

В дальнейшем в последующих крымских документах и письмах это требование будет повторяться как мантра, но короли не могли, а иногда и не желали выполнить его.

Д. Взаимное освобождение пленных и заключенных и возвращение захваченного имущества

Положение об освобождении пленных и возвращении награбленного имущества вносилось сравнительно редко. Видимо, обе стороны признавали, что это было вряд ли осуществимо. Хан, который попытался бы лишить своих воинов добычи, рисковал бы своим троном. К тому же, ко времени, когда происходил обмен документами, большинство пленников, вероятно, уже были проданы в османские владения. Кроме того, королевский контроль над украинскими казаками, которые жили за счет походов на мусульманские территории, был очень слабым, и приказ об освобождении татарских пленников, вероятно, был бы проигнорирован. Только самые знатные пленники могли надеяться на возвращение домой, либо могли быть выкуплены или освобождены в качестве политического жеста.

[28] Документ 32.
[29] Документ 33.
[30] См. прим.189 в Части I.
[31] Документ 34.

E. Безопасность торговли

Согласно распространенному стереотипу, татары представлялись занятыми исключительно дарами и добычей, что, безусловно, преумаляло тот факт, что это была именно организованная торговая политика Чингизидов, которая позволила наладить первые прямые торговые контакты между средневековой Европой и Китаем. Фактически, документы, которыми обменивались крымские ханы и польско-литовские правители, как правило, содержали пункт, который не только гарантировал безопасную торговлю в пределах ханских владений, но и безопасный транзит в османскую Каффу. Королевским подданным также разрешалось добывать соль из соляных месторождений около *Kaćybej, Хаджибея* (в настоящее время – Одесса) и привозить ее в Киев, Луцк и другие королевские города, поначалу бесплатно, а затем за плату. Пункт, принятый в 1513 году, предусматривал, что королевские купцы, будь то из Польши, Литвы или Германии *(yz ljadskoe zemly, y lytovskoe, y z nemeckoe)* должны были иметь возможность прибывать и отбывать, не испытывая никаких притеснений, при условии, что они будут платить традиционную пошлину *(tamġa)*[32]. Представляется затруднительным определить, является ли упоминание Германии свидетельством того, что многие королевские купцы, не только из Королевской Пруссии (например, Данцига и Торна), но и из таких крупных городов, как Краков (нем. Krakau) или Львов (нем. Lemberg), были немцами (were Germans,) либо это результат географического невежества ханского двора. На самом деле, такое географическое невежество могло быть закреплено заинтересованными лицами: купец из Бреслау, Нюрнберга или Любека мог предпочесть выдать себя за польского подданного, чтобы извлечь выгоду из пункта, распространяющегося на королевских купцов, точно так же как западные корабли приходили в османские порты под французским флагом, чтобы получить выгоду от османско-французских торговых соглашений. Пункт 1513 года был повторен в 1520 году и, как и предыдущий, касался королевских купцов «из Великого княжества Литовского, Польской короны и Германии» *(Lytovskoho Velykoho Kneženja, y Korony Pol'skoe, y Nemec').* Он содержал дополнительное положение, уменьшающее *tamġa* (*тамгу)* с семи процентов до трех процентов *ad valorem* и освобождал королевских от любых других сборов. Сборы за перевозимую соль и другие продукты должны были выплачиваться *amins (аминам)*, т. е. интендантам хана, ответственным за их сбор[33].

Взаимные соглашения также касались подданных хана, путешествовавших в королевские земли с целью торговли, хотя в 1560 году Девлет Герай обещал, что его купцы, будь то турки [т. е. мусульмане], франки [т. е. латинские христи-

[32] См. Документ 12; отождествление русинского термина *myto* с тюркским термином *tamġa* возможно на основе Документа 20, который сохранился в Хорезмийском тюркском оригинале и современной русинской копии.

[33] См. Документ 19.

ане], армяне или евреи, не должны присоединяться к посольствам и курьерам в надежде получить выгоду от налоговых льгот[34].

В долгосрочной перспективе ни письменные гарантии безопасности, ни снижение сборов не могли спасти средневековую *via Tartarica (путь через земли татар / Татарский путь),* которая когда-то связывала Центральную Европу с Каффой (см. Главу 5 выше). Дорога через степь стала слишком опасной из-за деятельности казаков, ногайцев и других вольных, бродячих элементов, которые не подчинялись ни Бахчисараю, ни Вильнюсу / Кракову. Тем не менее, торговля продолжалась, в основном, через Молдавию, Буджак и черноморские порты Аккерман и Кезлев, а мирные документы XVII века, которыми обменивались ханы и короли, содержали стандартный пункт, которым гарантировалась безопасность торговли, хотя он был сформулирован более неопределенно, чем в документах начала XVI века. Окончательное признание предпочтительности пути через Буджак перед древним *via Tartarica* (путь через землю татар / Татарский путь) зафиксировано последним польско-крымским договорным актом от 1742 года. Его второй пункт, касающийся купцов и торговли, сформулирован таким образом, будто экономическим центром ханства являлся не Крымский полуостров, а Буджак. Селямет II Герай заверил, что королевские купцы, «которые приезжают в Буджак и [другие] регионы ближней стороны [т. е. Крымского ханства], не должны [давать] ничего сверх обычных налогов» *(Bucaq taraflarına ve beri semtlere gelenlerden mu'tad olan vėrgülerinden ziyade şey taleb olunmamaq)*[35].

Ж. Регулярная отправка даров (или дани) хану и подарков членам его свиты

Вопрос о дарах или дани уже обсуждался в Главе 5, где мы также предложили сосредоточиться на их функции вместо того, чтобы придерживаться используемых терминов. Стоит отметить, что несмотря на то, что королевская сторона впоследствии называла свои ежегодные платежи «подарками» *(Ruth. pomynky; Pol. upominki),* ханы также, по крайней мере, в своих официальных документах, отправленных в Польшу-Литву, обычно использовали такие термины, как *bölek, hedaya, pişkeş,* все они относились к понятию подарки (хотя *pişkeş* относился к роду подарка, преподносимого вышестоящему лицу), или имеющий нейтральное значение термин *hazine* («сокровище»). Иногда также встречается термин *vėrgü* («налог», букв. «что-то отдаваемое»), но никогда не использовался термин *harac,* который применялся в отношении королевских

[34] См. документ 33; документ сохранился только в польском переводе. Исключение православных христиан, которые в ханской грамоте упоминались как греки, вероятно, было случайным, хотя это могло отражать тот факт, что они были менее активны в крымской торговле с Польшей и Литвой, чем в черноморской торговле и внутренней торговле Крыма.

[35] См. Документ 71.

платежей только в переписке между ханами и османскими султанами[36]. Халиль Иналджик отмечает, что такие термины, как *hedaya, vėrgü* и особенно *pişkeş* обладали признаками дани, но не влекли за собой фактического подчинения и зависимости для государства «данника»[37]. С другой стороны, стоит помнить, что также в унизительном польско-османском договоре 1672 года османские переговорщики милостиво заменили термин *harac* на *pişkeş,* в то время как в историографии нет сомнений, что польский король тогда формально стал османским данником[38].

Отправка ежегодных платежей татарам не была новинкой для литовских правителей, но в их отношениях с крымским ханом этот вопрос не был официально урегулирован до XVI века. Хаджи Герай, по-видимому, был еще слишком слаб, чтобы требовать дань от Вильнюса, а крымско-литовские военные действия в первые десятилетия правления Менгли Герая помешали заключению официального договора, который мог бы повлечь за собой финансовые обязательства. Переговоры о взаимном примирении на условиях ежегодных платежей хану были начаты в 1499–1500 годах, но завершились неудачей. Наконец, соглашение было достигнуто в 1506–1507 годах, когда Вильнюс обязался ежегодно выплачивать 4 500 флоринов официально в качестве субсидии на содержание крымской пограничной крепости Исламкерман. На следующих переговорах в 1509 году Сигизмунд предложил увеличить эту сумму до 6 000 флоринов. Наконец, в 1510 году обе стороны согласились на ежегодную сумму в 15 000 флоринов, которая должна была быть выплачена двумя частями: к Пятидесятнице и ко Дню святого Мартина (11 ноября). Первый платеж был произведен за 1512 год (хотя и с задержкой), и вышеуказанные условия были повторены в последующих мирных документах, пока в 1520 году Мехмед Герай не потребовал, чтобы вся ежегодная сумма была выплачена одним платежом к Пятидесятнице. Внутреннее соглашение между Вильнюсом и Краковом предусматривало, что половина ежегодной суммы будет выплачена Литвой, а другая половина – Польшей.

Воспользовавшись внутренним неспокойствием в Крыму, последовавшим после смерти Мехмеда Герая в 1523 году, Сигизмунд приостановил выплату подарков. В последующее десятилетие они отправлялись редко, если вообще отправлялись, и их ценность резко снизилась. В 1535 году во время переговоров с новым ханом Сахиб Гераем Сигизмунд предложил возобновить свои ежегодные дары, но по сниженной стоимости и только английским сукном. Королевский документ предусматривал, что эти дары будут отправлены одним ежегодным взносом до 30 июня. Сахиб Герай был возмущен всеми тремя нововведениями: снижением стоимости, полной заменой наличных денег сукном и

[36] См. прим. 190 в Части I.

[37] Иналджик, «Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей», с. 395.

[38] См. Документ 50, прим. 23.

отсрочкой первого взноса. Его документ 1539 года предусматривал, что подарки должны составить 15 000 флоринов, из которых 13 000 должны быть английским сукном и 2 000 золотыми монетами, и доставлены быть ко Дню святого Георгия (23 апреля). Переговоры в Кракове, проведенные в 1541 году, завершились достижением компромисса: подарки должны были быть полностью английским сукном, но их стоимость должна была составить 15 000 флоринов, которые следовало доставить двумя частями: ко Дню святого Иоанна (24 июня) и ко Дню Всех Святых (1 ноября). Однако в своем документе 1542 года Сахиб Герай вновь потребовал, чтобы 2 000 флоринов были выплачены наличными (т.е. золотыми монетами), а стандартный подарок должен был быть подкреплен дополнительными подарками. Вышеуказанные условия были повторены в документе Девлет Герая, изданном в 1552 году, который также предусматривал, что подарки должны были отправляться ежегодно до 1 ноября. В своем следующем документе, изданном в 1560 году, хан перенес крайний срок на Рождество.

Во времена Гази II Герая и Сигизмунда III стоимость подарков продолжала составлять 15 000 золотых флоринов, а крайним сроком, как правило, был ноябрь или, точнее, День святого Димитрия (Demetrius) (5 ноября), известный в турецком мире как касым (ноябрь. – Прим. пер.) *(ruz-i Qasım)*, считавшийся началом зимы[39]. По общему признанию, этот срок соблюдался редко. В последующие десятилетия подарки обычно не доставлялись из-за частых военных действий и татарских набегов. В редкий момент разрядки отношений в 1640 году Бахадыр Герай потребовал, чтобы размер подарков был удвоен и составлял 30 000 флоринов: 15 000 наличными и 15 000 тканями и мехами. Возможно, самый длительный период, когда подарки отправлялись регулярно, совпал с «долгим союзом» между Варшавой и Бахчасараем в 1654–1666 годах. Тем не менее, даже в этот период задержки были обычным явлением, хотя теоретически подарки должны были быть отправлены ко Дню святого Иоанна[40]. К тому времени средства на татарские подарки выделялись в основном из польской коронной казны, в то время как литовское финансовое участие стало незначительным[41]. Наконец, в июне 1682 года, за год до того, как подарки были окончательно прекращены из-за начала новой войны, их годовая стоимость составила 40 000 *kara gurus*, т. е. рейхсталеров (Reichsthalers)[42].

---

[39] См. Документ 36, прим. 9 и Документ 43, прим.11.

[40] Вуйчик, «Некоторые проблемы польско-татарских отношений в XVII веке», с. 100.

[41] См. прим. 304 в Части I.

[42] Библ. Чарт., мс. 179 (Папки Нарушевича), с. 207–212, особенно с. 209 (письмо Мурада Герая Яну III Собескому от 25 Djumada I 1093 г. по хиджре, в котором хан напоминает королю, что общая стоимость ежегодных даров должна составлять сорок тысяч *kara guruş: la somme de quarante mille karagrouse, qui nous revient pour le tribut d'une année entière;* письмо сохранилось во французском переводе, подготовленном королевским переводчиком Антони Грутта (Antoni Grutta) в

3. Обязательство не подвергать жестокому обращению или не удерживать посланников другой стороны

Этот вопрос уже обсуждался выше в главе 5. Стоит подчеркнуть, что иммунитет иностранных послов неоднократно упоминался в мирных документах, которыми обменивались короли и ханы.

Конечно, этот иммунитет не всегда соблюдался, а порой и открыто нарушался. Тем не менее, по крайней мере, на первый взгляд включение этого пункта установило стандарт дипломатических отношений, не особо отличавшийся от тех, что наблюдались и в других государствах раннего Нового времени (not much different from the one observed in other early modern states).

Урегулирование пограничных проблем

Одним из ожидаемых вопросов в мирных документах, которыми обменивались два соседних государства, было бы установление общей границы. Тем не менее, официальное установление границы между Крымским ханством и Польшей–Литвой никогда не проводилось, хотя между Польшей–Литвой и Османской империей разграничения проводились несколько раз[43].

В документе Менгли Герая от 1507 года переправа через Днепр, именуемая Тавань, рассматривалась как место встречи (сбора), куда литовским послам надлежало доставлять королевские дары и взамен забирать литовских подданных, освобожденных из татарского плена[44].

В Литовском отчете от 1542 года утверждалось, что со времен Семена Олельковича (независимого князя киевского, правившего в 1454–1470 годах) граница проходила между Таванью и верхним Донцом, а доходы от переправы через Днепр в Тавани поровну делились между двумя правителями[45]. После того, как в 1556 году казаки разрушили крымскую крепость Исламкерман (построенную у переправы Тавань на левом берегу Днепра), место встречи (сбора) было перенесено дальше на юго-восток, в татарскую крепость Ферахкерман (Перекоп, также известную как Ор), построенную на Крымском перешейке. Этот перенос был утвержден грамотой Девлет Герая от 1560 года.

Однако вышеупомянутые положения не означали, что ханы не имели никаких претензий на степные территории, простирающиеся за Таванью и Перекопом, которые служили татарскими и ногайскими пастбищами. В ответ на

1780 году. В Османской империи императорские талеры назывались *kara guruş* (дословно «черные талеры»), поскольку они содержали меньше чистого серебра, чем испанские реалы.

[43] Об этих разграничениях, предпринятых в 1542 году, но не увенчавшихся успехом, а затем успешно осуществленных в 1633, 1680 и 1703 годах, см. Колодзейчик, Османско-польские дипломатические отношения (Ottoman-Polish Diplomatic Relations), с. 57–67.

[44] См. Документ 9.

[45] См. прим. 266 в Части I.

протесты литовцев против его подданных, пасших свои стада на реках Буг и Синие Воды (Синюха), Сахиб Герай в 1548 году ответил в своем письме королю: «Эта земля не твоя и не моя, а Божья; кто сильнее, тот и удержит ее»[46].

Двойственное отношение татар к идее территориальной границы лучше всего отражено в грамоте Бахадыр Герая от 1640 года, в которой хан упрекает царя: «твои […] казаки много раз приходили [совершая набеги] на наших подданных, кочующих по внешней стороне Ор [т. е. Перекопа], расположенного на нашем пограничном рву, […] и захватили много имущества [т. е. скота] и много пленных» *(serhad cerlerimizde Ordın tışqarı çevire-turġan élimizge […] qazaġıŋız niçe kerre kelüb köb mal ve niçe tusnaq aldılar)*[47]. Хотя подданные хана кочевали по внешней стороне пограничного рва *outer side* of the *border moat* (выделено мной – ДК), очевидно, что хан считал эти территории своими.

Претензия на северные пастбища, расположенные между Днепром и Бугом, наиболее явно выражена в документе 1649 года, изданном Исламом III Гераем: «так как на северной стороне Днепра, на [реках] Ингул, Ингулец и Чубруч [Великая Вись] есть пастбища и луга, принадлежащие Крыму, то когда придут [из Крыма] животные, пока они пасутся, ни вы, ни ваши командующие не должны вмешиваться» *(ve Özinin canib-i şimalinde İngil ve Ungul ve Çubartılda Qırım vilayetinin çera-gah ve otlaqları olup hayvanatları gelüp otladıqlarında tarafıŋızdan ve ümeraŋuzdan müdahale étmeyeceklerine)*[48].

Дальнейшие осложнения возникли из-за османско-крымского совместного суверенного права на причерноморские степи[49]. С конца XV века османы стояли гарнизонами в Азаке (Азове) и Аккермане, а после молдавской кампании 1538 года также в Бендерах (Тигине) и Очакове. Последний форт, изначально построенный Менгли Гераем и известный татарам как Джанкерман (дословно «новый город»), был переименован турками (Özü qal'esi, букв. «Днепровская крепость») и стал центром новой османской провинции. Он был расположен в

[46] См. прим. 268 в Части I.

[47] См. Документ 55.

[48] Ингул – левый приток реки Буг, Ингулец (Ingulec`) – правый приток Днепра, а Великая Вись (Velikaja Vis`) (тур. Chubartıl) – левый приток Синюхи (польск. Sine Wody), которая, в свою очередь, является левым притоком реки Буг; об идентификации трех рек, предложенной Авраамовичем на основе «Крымской хроники» Хаджи Мехмеда Сенаи; ср. Документ 60, прим. 7.

[49] Следует помнить, что элементы совместного суверенного владения также имели место в самом Крыму; например, хан осуществлял судебную власть над татарским населением Каффы; более того, османские подданные из округа Мангуп османской провинции Каффа обычно решали свои конфликты в юридической судебной инстанции Бахчасарая, по-видимому, по той причине, что времени на дорогу затрачивалось меньше, чем ушло бы, чтобы добраться до любого османского суда; см. Наталия Круликовская (Natalia Krŏlikowska), «Закон и разделение власти в Крымском ханстве. Исследование правления Мурада Герая (1678–1683)», с. 214–219.

устье реки Буг, недалеко от развалин Дашева (Daşov), древнего литовского форта, основанного Витовтом. Переход территории между нижним Днестром и нижним Бугом во владение османов, вероятно, стал непосредственной причиной того, что в дарственном ярлыке (*yarliq)*, переданном Сахиб Гераем Сигизмунду в 1539 году, больше не упоминались Маяк, Качибей (Хаджибей) и Дашев (Majak, Kaćybej and Daśov), которые традиционно «предоставлялись» Литве в предыдущих документах. В 1539 году Сахиб Герай также пояснял, что он не может помешать жителям Аккермана, Очакова и Азова совершать набеги на королевские земли, поскольку они являются османскими подданными[50].

Однако вскоре выяснилось, что османы не в состоянии контролировать свои северные степные территории без помощи татар. В 1552 году новый хан Девлет Герай с гордостью сообщил королю, что он уполномочен «турецким императором» «сохранять жесткий контроль» над местным населением[51]. В последующие годы османы разместили гарнизоны в главных крепостях, но контроль и господство над северопричерноморскими степями, простирающимися от Кубани до устья Дуная, были переданы хану. В Буджаке власть хана над местными татарами, ногаями и даже христианами осуществлялась через его наместника, носившего титул *yalı agha* («ага побережья»), который находился в Hanqıshla (Ханкышла, буквально «зимняя ханская резиденция») недалеко от османского Аккермана.

В 1598–1622 годах, с несколько запоздалой реакцией, польская дипломатия настаивала на закреплении ханом своих территориальных претензий, достигавших побережья Черного моря, несмотря на возражения татар о том, что они не могут пойти на такой шаг без одобрения султана. В 1599 и 1607 годах польские усилия увенчались очевидными успехами, и соответствующие пункты были внесены в документы Гази II Герая. Однако, похоже, хан не относился к таким обещаниям серьезно и был готов отказаться от традиционных татарских и ногайских пастбищ. Еще более любопытно, что тот же пункт снова появился в документе Мехмеда III Герая от 1624 года, хотя, по общему признанию, он был издан в то время, когда хан отчаянно нуждался в польской поддержке перед угрозой возможного вторжения османа. Вопрос был полностью снят в 1633 году, когда представители польской и османской сторон провели общую границу, проходящую немного южнее рек Ягорлык и Кодыма (Jahorlyk and Kodyma), на значительном удалении от черноморского побережья.

Согласно польско-русскому договору 1686 года, король уступал царю контроль над запорожскими казаками и таким образом Речь Посполитая лишилась своей древней границы с Крымским ханством, которая пролегала в Нижнем Поднепровье. Тем не менее, в 1699 году Речь Посполитая вернула себе юго-восточные провинции, которыми в 1672 году поступилась Порте, и восстановила прежнюю границу с территориями между нижним Днестром и нижним

[50] См. Документ 28.
[51] См. Документ 32.

Бугом, которые оставались под совместным османско-крымским контролем. В 1703 году в результате новой демаркации граница 1633 года была официально восстановлена (с небольшими изменениями). Хотя это было осуществлено польскими и османскими полномочными представителями (послы) в отсутствие представителей хана, в документах, составленных на латинском и османско-турецком (староосманском) языках (Ottoman Turkish), речь также шла о подданных хана, которые населяли земли, расположенные с южной – османской – стороны пограничной линии[52].

С усилением контроля над степью, осуществлявшегося из Санкт-Петербурга, Стамбула и Бахчисарая, в нижнем течении Буга, на пересечении польских, русских, крымских и османских границ, сформировалось эдакое последнее пристанище для всякого рода скитающихся элементов и мародеров. Неслучайно, единственный типичный «пограничный пункт», обнаруженный в крымском документе 1742 года, был связан с этим регионом. Пятая статья документа предусматривала, что поскольку пограничная область по нижнему Бугу стала убежищем для «грабителей и разбойников (plundering brigands) из числа запорожских казаков», а также «отдельных ногайских мурз», ее необходимо патрулировать и заселять, чтобы защитить мирных подданных короля и хана от дальнейших набегов[53].

Прослеживая изменения в терминологии, встречающиеся в переписке между ханами и королями, мы можем проследить эволюцию славянского термина *ukrayna / ukraina,* который изначально обозначал любую «пограничную территорию», но со временем приобрел свое основное современное значение, а именно “the Ukraine” – земля к северу от Черного моря, название, которое позже закрепилось за современным народом и государством. Когда в 1507 году Менгли Герай заявил, что он подарил Сигизмунду *ruskaja vkrayna* мы можем с уверенностью предположить, что этот термин все еще имел неопределенное общее значение и должен был быть переведен как «русинское пограничье» *(the Ruthenian borderland).*

Этот вывод подтверждается цитатой из письма Сигизмунда от 1514 года, в котором король выражал сожаление по поводу набегов московитов на его «пограничные города» *(ukraynnyx horodov)* Полоцк и Витебск, на самом деле расположенные далеко на севере, на территории современной Беларуси[54]. Тем не менее, когда в 1552 году Девлет Герай пообещал не совершать набегов и не причинять вреда *obejum pan'stvam, Ljackomu y Velykomu Knjazstvu Lytovskomu, abo na*

[52] См. Kołodziejczyk, Ottoman-Polish Diplomatic Relations, с. 627, 632, 637. Фрагмент, найденный как в османских, так и в польских документах, относится к поселению на пограничной реке Ягорлык, населенному подданными хана. Во второй половине XVIII века похожее поселение под названием Балта возникло на пограничной реке Кодыма, напротив польского города Юзефгруд (Jŏzefgrŏd).

[53] См. Документ 71.

[54] Пулавский, Отношения между Польшей и татарами, с. 441.

ukrayne, можно предположить, что последний термин уже обозначал Украину, и фрагмент следует перевести так: «двум государствам: Польше и Великому княжеству Литовскому, или Украине»[55]. Аналогично, ссылку на казаков *z ukrainnych zamkŏw*, обнаруженную в документе 1560 года, следует переводить как «из украинских крепостей», хотя альтернативный перевод «из пограничных крепостей» также представляется верным[56]. Термин *kozacy* («казаки»), встречающийся в приведенной выше цитате, отражает параллельное развитие, уже описанное выше, от нарицательного имени к имени собственному.

Другие вопросы

В дополнение к стандартным пунктам, имевшимся в документах, которыми обменивались ханы и короли, другие вопросы рассматривались только в определенные периоды, и факт их записи отражал актуальность на тот период времени. Пока претензии Гераев на наследие Золотой Орды были зыбки, ханы стремились обеспечить, чтобы их соперники не получили поддержки из Вильнюса и Кракова. В 1480 году Менгли Герай просил Казимира передать ему подданных его бывшего соперника Сейид Ахмеда (Seyyid Ahmed), внука Тохтамыша. В 1506–1527 годах одним из ключевых моментов в переговорах между Кырк-Ером и Вильнюсом была личность Шейх Ахмеда (Sheikh Ahmed), бывшего хана Большой Орды, содержавшегося более двадцати лет под стражей в Литве. Сначала Менгли Герай пытался убедить Сигизмунда казнить своего главного соперника, но ему пришлось удовлетвориться обещанием, что последний не будет освобожден (он был освобожден в конечном итоге в 1527 году) и что его сторонники будут поселены в Литве, вдали от границ Крыма. Беспрецедентная готовность Менгли отправить своего внука в качестве заложника в Вильнюс (в 1512 году) была связана со стремлением заверить Сигизмунда в доброй воле хана и отговорить короля от использования Шейх Ахмеда против Крыма.

Спустя столетие, во время крымского «смутного времени», в 1632 году Джанибек Герай потребовал, чтобы королевская сторона не предоставляла убежища его врагу, бывшему калге Шахин Гераю. Затянувшийся конфликт внутри семьи Гераев позволил Кантемиру, могущественному ногайскому военачальнику, создать независимое государственное образование с центром в Буджаке и бросить вызов правлению хана. Поэтому, когда в 1634 году Джанибек Герай согласился на давнюю просьбу Польши, пообещав вывести своих подданных из Буджака, его решение имело целью не столько, чтобы угодить полякам, но на самом деле было направлено против Кантемира. Татаро-ногайский конфликт продолжался во время правления нового хана Инает (Inayet) Герая и достиг кульминации в открытом противостоянии 1637 года, которое завершилось тем, что османы казнили соперников: Кантемира и Инае-

[55] Ср. Документ 32, п. 22.
[56] См. Документ 33, п. 31.

та Герая. После того, как новый хан Бахадыр Герай в 1639 году казнил ряд ногайских лидеров, Буджак в значительной степени утратил политическое значение, хотя ногаи продолжали населять северопричерноморские степи.

Стремление Варшавы и Бахчисарая совместно со Стамбулом оказывать влияние на Молдавию, а временами и на Валахию, отражено в документах, которыми они обменивались в 1598–1609 годах, основывавшихся на соглашении, заключенном в 1595 году в Цецоре между ханом Гази II Гераем и гетманом Яном Замойским. После войны 1620-1621 годов Бахчисарай изменил свою официальную позицию и в документах от 1624, 1635 и 1637 годов ханы отстаивали статус Молдавии и Валахии как османских данников перед всяческими претензиями Польши. Тем не менее, идея тройного османо-крымско-польского сюзеренитета над Молдавией, Валахией и даже Трансильванией вновь прозвучала на переговорах 1654 года. Неслучайно крымский посланник Сулейман ага, заключивший предварительный мир в Варшаве, сопровождавший польского посланника Мариуша Яскольского в Бахчисарай, был немедленно отправлен в Молдавию, Валахию и Трансильванию дабы уведомить их правителей о недавно заключенном союзе между ханом и королем[57].

Украинские казаки, которые в переписке между Варшавой и Бахчисараем обычно рассматривались как помеха и обвинялись в нарушении мира, в крымских грамотах, изданных в 1649,1654 и 1667–1668 годах, представали уже в более выгодном свете.

Все эти документы были изданы при схожих обстоятельствах, когда ханы оставили своих союзников казаков, решив примириться с Варшавой. Очевидно, желая сохранить баланс сил и не дать Речи Посполитой возобновить свой полный контроль над Украиной, возможно также терзаемые угрызениями совести и – что более вероятно – упрекаемые проказацкими силами в Крыму, ханы выступили в качестве посредников и обязали короля Яна Казимира простить казаков и подтвердить их прежние привилегии, если только последние пожелают вновь признать над собой власть короля.

Документ 1742 года, который стоит особняком как единственно представленный в настоящем томе документ XVIII века, уже не содержит традиционных положений, касающихся татарских набегов и королевских подарков (gifts), поскольку эти вопросы были отрегулированы Карловицким договором, подтвержденным османским султаном в том числе от имени хана. В первой статье документа Селямет II Герая содержалась отсылка к Карловицкому договору и предусматривалось соблюдение его положений. Кроме того, ханом подтверждалась безопасность королевских купцов, посланников и даже христианских миссионеров, которые будут прибывать в его владения. Документ также должен был урегулировать ряд мелких разногласий, возникших во время недавно завершившейся русско-турецкой войны (1736–1739), в которой Речь Посполи-

[57] См. дневник Яскольского в AGAD, Libri Legationum («Книги посольств», «Книги дипломатических миссий»), № 33, л. 45a.

тая не участвовала, однако ее территория использовалась обеими воюющими сторонами.

В целом, политическое содержание документов, опубликованных в настоящем томе, раскрывает широкий спектр вопросов и охватывает поразительно обширные горизонты, простирающиеся от Скандинавии до Персии и от Венгрии до Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если культура заключается в общении, то, безусловно, существовала общая культура, разделяемая политическими элитами Польши–Литвы и Крымского ханства. Обе стороны были знакомы с политическими институтами, действовавшими внутри страны-партнера, и, соответственно, с особенностями ограничения власти короля и хана со стороны знати. Во взаимной переписке, которая велась на разных языках кириллическим письмом, арабской и латинской графиками, часто упоминались вероисповедание и религиозные праздники противоположной стороны. В 1514 году король Сигизмунд пояснял хану Менгли Гераю, что литовские войска, которые намеревались участвовать в совместном с татарами походе на Московию, не успевали собраться «к татарскому байраму» *(na bajram tatarsky)*[58]. Шесть лет спустя хан Мехмед Герай просил короля Сигизмунда отправить ему традиционные подарки (customary gifts) «к твоему празднику Пятидесятницы, через семь недель после твоего праздника красных яиц» *(sizing qızıl yumurtqa bayramıngızdan yeti hafta song Pentekoşte bayramıngızda yibergeysiz),* очевидно, имея в виду Пасху, когда традиционно красились яйца, которые символизировали Воскресение Христа[59]. Кроме того, обе стороны обычно взывали к вере партнера, призывая его сдержать клятву. В 1527 году хан Саадет Герай упрекнул короля Сигизмунда, что, хотя литовцы и поклялись на Евангелии Пророком Иисусом и его матерью Девой Марией, они не сдержали своего слова *(što este prysjahaly na evanhelii y na proroka Ezusa y matky eho panny Maryi, y to este ne zderžaly)*[60]. Со своей стороны, литовские и польские канцелярские чиновники, не колеблясь, взывали к «праведному пророку, с. а. в. Мухаммеду Мустафе» и включали арабскую клятву *валлахи ве биллахи ве таллахи (vallahi ve billahi ve tallahi)* в формулы будущих документов, представляемых ханам для утверждения.

Осознавая авторитет и влияние, которыми обладали священнослужители, обе стороны не колеблясь, вступали в контакт с религиозными лидерами другой страны: в то время как ханы ссылались в своих *ярлыках* на православных и католических епископов, короли вели переписку с мусульманскими муллами и шейхами.

---

[58] Пуласки, Отношения между Польшей и татарами, с. 441.
[59] См. Документ 20.
[60] РГАДА, ф. 389, п. 7, с. 910.

Обе стороны не возражали против использования календарей оппонента несмотря на то, что эти календари возникли из-за противоречий вероисповеданий. Это был далеко не привычный подход для эпохи раннего Нового времени. Стоит напомнить, что в то же время протестантские элиты из якобы «более рациональной и просвещенной» западной части Европы долго отказывались принимать григорианский календарь только потому, что он был введен католическим папой, хотя они и признавали, что он был более точным. На другом конце света китайское правительство в 1660 году отказалось принять российское посольство только потому, что письмо царя не соответствовало китайскому календарю[61]. По той же причине японское правительство отказалось от поддержания регулярных дипломатических отношений с Китаем, поскольку письмо, датированное в соответствии с японским календарем, не было бы принято в Пекине, тогда как принятие китайского календаря означало бы признание китайского сюзеренитета[62].

В этом контексте стоит процитировать документ Менгли Герая, в *девятьсот пятьдесятом году нашего праведного пророка и в год Иисуса Христа тысяча пятьсот четырнадцатый (in lo angni de nove centto vinti de nostro profetta iusto et in lo angno de Jezu Criste in mille cinque cento quatordice)*[63]. Идея мультикультурализма, столь популярная сегодня, воплощена в этом самом документе, составленном от имени мусульманского хана его итальянским служащим, начертанном латинским письмом, но скрепленном квадратной печатью с арабской вязью и отправленном католическому королю, который также правил миллионами православных русинов (а также тысячами евреев и мусульман – татар), чьи канцелярии использовали попеременно латинское и кириллическое письмо, и чей литовский дед был высмеян польским католическим летописцем за то, что проводил целые ночи, слушая соловья, странная романтическая привычка, которая, как полагают, раскрыла его языческое и варварское происхождение[64].

[61] См. Мясников, Империя Цин и Российское государство в XVII веке (The Ch'ing Empire and the Russian State in the 17th Century), с. 120–121.

[62] См. Тоби, Государство и дипломатия в Японии раннего Нового времени. Азия в развитии империи Токугава (State and Diplomacy in Early Modern Japan. Asia in the Development of the Tokugawa Bakufu), с. 90–91 и 181.

[63] См. Документ 16.

[64] Ян Длугош (Joannis Dlugossi). Летописи и хроники славного Королевства Польского. Книга одиннадцатая и двенадцатая: 1431–1444 *(Joannis Dlugossi Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber undecimus et duodecimus: 1431–1444)* (Варшава, 2001 г.), с. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kołodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. 1135 p. URL: https://prussia.online/books/the-crimean-khanate-and-poland-lithuania (дата обращения: 01.09.2025)

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской Академии наук (Варшава, Польша); ORCID: 0000-0002-8841-1749; darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Ottoman Empire and its Heritage (5)*

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. The sixth chapter “The political issues typically present in the instruments of peace exchanged between Poland-Lithuania and the Crimea” (pp. 496–513) from the second part of Dariusz Kolodziejczyk’s scientific work examines political is-

* Continuation. See the beginning in: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (1–4). Trans. from English by Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168–213 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 1, pp. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185–207 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 2, pp. 184–214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184–214 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 3, pp. 167–196 (In Russian).

sues typically present in peace documents exchanged between Poland-Lithuania and Crimea. Apart from standard declarations to maintain peace and amity, contained in the instruments exchanged between the khans and the kings, one encounters a number of clauses typically entered in this instruments, such as: “donation” of lands to Lithuania, engagement not to commit harm to other rulers domains and subjects, mutual release of captives and prisoners and restoration of captured goods, security of trade, regular sending of gifts (or tribute), engagement not to mistreat or detain the envoys of the other side. The author analyzes diplomatic documents and treaties, concluded between those states and identifies key political issues that influenced their relations. The conclusion (pp. 514–515) summarizes the results of the study.

Keywords: Crimean Khanate, Poland-Lithuania, diplomatic relations, treaty, political issues, peace documents, Eastern Europe

For citation: Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (5). Trans. from English by Seytkhalilova L., Aliyeva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 179–200. DOI: 10.22378/kio.2025.4.179-200 (In Russian)

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. 1135 p. URL: https://prussia.online/books/the-crimean-khanate-and-poland-lithuania (date of access: 01.09.2025)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor, Institute of History of the Polish Academy of Sciences (Warsaw, Poland); ORCID: 0000-0002-8841-1749; darkol@uw.edu.pl

About the translators: Leilya S. Seythalilova – Laboratory assistant, researcher at the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – Freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 12.09.2025

Принята к публикации / Accepted 28.10.2025

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

УДК 801.731 DOI:10.22378/kio.2025.4.201-208

Журнал «Золотоордынское обозрение» – главная площадка для исследований по Золотой Орде

Люция Гиниятуллина
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. Журнал «Золотоордынское обозрение» является ведущим международным рецензируемым изданием, специализирующимся на изучении истории Золотой Орды и постордынских тюрко-татарских государств. Основанный в 2013 году под эгидой Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, журнал прошел значительный путь развития: от регистрации в Роскомнадзоре и получения международных идентификаторов до включения в престижные мировые индексы (Scopus, Web of Science Core Collection, DOAJ, RSCI …) и достижения высших позиций в рейтингах. Уникальность издания заключается в междисциплинарном подходе, сочетающем археологические, исторические и источниковедческие исследования, а также в активном международном сотрудничестве с учеными из разных стран. Журнал следует политике открытого доступа (лицензия CC BY 4.0), обеспечивая глобальную видимость публикаций. Редакционная политика основана на принципах двойного слепого рецензирования и строгого соблюдения академических стандартов. На сегодняшний день «Золотоордынское обозрение» признано ключевой площадкой для научного диалога по медиевистике Евразии.

Ключевые слова: Золотая Орда, исторический журнал, медиевистика, тюркотатарские исследования, открытый доступ, наукометрические показатели, индексирование

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Журнал «Золотоордынское обозрение» – главная площадка для исследований по Золотой Орде // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 201–208. DOI: 10.22378/kio.2025.4.201-208

История создания журнала

Исследование истории Золотой Орды и постордынских государств продолжает занимать центральное место в современной медиевистике. В 2013 году в ответ на потребности научного сообщества был основан профильный журнал «Золотоордынское обозрение», задачей которого стала консолидация исследований в этой области и создание международной площадки для ученых.

Инициатива создания специализированного научного журнала принадлежала руководителю Центра исследований Золотой Орды Ильнуру Мидхатовичу Миргалееву и была поддержана директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэлем Сибгатовичем Хакимовым. Ученый совет института одобрил проект, и редакция нового издания была организована на базе Центра. Единогласным решением главным редактором был назначен И.М. Миргалеев.

9 июля 2013 г. журнал «Золотоордынское обозрение» был зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и в Международном ISSN-центре. Это позволило присваивать публикуемым статьям буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier) и EDN – уникальные коды, автоматически генерируемые для всех документов на платформе eLIBRARY.RU.

Торжественная презентация первого номера журнала, состоявшаяся 17 декабря 2013 года в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, стала знаковым событием, ознаменовавшим не только официальный старт издания, но и открывшим новую веху в системном изучении золотоордынской истории.

Политика журнала

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

На страницах журнала размещаются статьи ведущих ученых, общепризнанных специалистов из России и других стран.

Редколлегия журнала

В состав редакционной коллегии журнала вошли признанные эксперты по истории Золотой Орды из девяти стран мира: Виктор Спиней, Ph.D., профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния); Юлай Шамильоглу, Ph.D., профессор Назарбаевского университета (Нур-Султан, Казахстан); Тасин Гемил, д-р философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму (Клуж-Напока, Румыния); Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики Университета Сегеда

(Венгрия); Никола Ди Космо, Ph.D., профессор исследований Восточной Азии Института перспективных исследований (Принстон, США); Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия); Чарльз Гальперин, Ph.D., внештатный научный сотрудник Российского и Восточно-Европейского института Университета Индианы (США); Стивен Поу, Ph.D. (история), Университет Калгари (Калгари, Канада); С.П. Карпов, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, РФ) и другие ведущие отечественные и зарубежные специалисты.

Такой состав обеспечивает высокий научный уровень публикуемых материалов и их международное признание.

Научные направления журнала

Основной задачей журнала является координация и популяризация научных исследований по проблемам тюрко-татарской истории на международном уровне. На страницах журнала находят отражение научные публикации исторического, историографического и источниковедческого характера, касающиеся изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Организация рецензирования

Все рукописи статей, поступившие на рассмотрение в редакцию журнала, подлежат обязательной процедуре двойного слепого рецензирования.

Рецензентами могут выступать исключительно высококвалифицированные специалисты, имеющие признанный авторитет и опыт исследовательской деятельности в рамках тематики рецензируемой рукописи.

Также при рассмотрении статьи научные редакторы производят проверку материала с помощью системы Антиплагиат. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика открытого доступа

Золотоордынское обозрение – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно читать, загружать, копировать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Достижения и наукометрические показатели

С первого года издания редакция ведет планомерную работу по включению журнала в ведущие российские и международные базы цитирования [1].

2017 г.

– Победа в конкурсе Минобрнауки РФ («ТОП-500 российских журналов»).

– Включение в Перечень российских рецензируемых научных журналов (ВАК).

– Индексация в международном индексе Scopus.

– Вхождение в базу данных в Web of Science (Emerging Sources Citation Index).

– Включение в международную реферативную базу периодических печатных изданий Ulrichsweb Global Serials Directory (США).

– Включение в международную наукометрическую базу научных журналов Academic Resource Index ResearchBib (Япония).

– Вход в международную базу журналов открытого доступа Directory of Open Access Journals (DOAJ) (Великобритания).

2019 г.

– Вхождение в ТОП-10 SJR по истории.

– Индексация в реферативной базе по гуманитарным и социальным наукам European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS (Норвегия).

– Включение в базу EBSCO (США/Канада).

2020 г.

Журнал был отобран для размещения в высокорейтинговых базах Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science и Open Academic Journals Index (OAJI) (США).

2022–2023 гг.

– Scopus Q2 (по CiteScore и SJR).

– 14-е место в рейтинге по истории (из 235 журналов).

– Присвоение высшей категории (К1) в Перечне ВАК РФ.

– Включение в «Белый список» (1 уровень) Минобрнауки РФ.

– Вхождение в топ-100 журналов России.

– Квартиль Q1 в рейтинге Scimago JR.

2024–2025 гг.

– Журнал «Золотоордынское обозрение» подтвердил свои лидерские позиции:

– Рост CiteScore (Scopus) с 0.3 (2023) до 0.4 (2024). Метрика CiteScore – один из наиболее авторитетных наукометрических показателей. Он рассчитывается по специальной методике базы Scopus на основании данных по цитированиям и является оценкой престижности журнала. По итогам года он вырос на 1 позицию по показателю CiteScore.

Согласно актуальным данным, издание повысило свои позиции на 5 процентилей в предметной категории "History": 57-й процентиль. Позиция в общем рейтинге: на 784 месте среди 1850 исторических журналов в Scopus.

– Подтвержден статус Q1 в рейтинге Scimago JR по истории. Рост из Q2 в Q1 за год является значительным достижением для узкоспециализированного издания. Это означает, что публикации в журнале входят в мировой топ-25% по значимости.

– Подтвержден высокий статус в обновленном Перечне RSCI (402 место среди 1074 изданий).

– В Journal Citation Reports (JCR) от Clarivate журнал подтвердил статус Q2 в категории «History» (265 место из 538) с импакт-фактором 0.2.

– Подтверждены высшие позиции в российских индексах: ядро РИНЦ, «Белый список» (2 уровень), Перечень ВАК РФ (категория К1).

– включён в электронный каталог Библиотеки Калифорнийского университета в Беркли (Berkeley Library), интегрирован в глобальную коммуникационную платформу Peeref, принят в базу научных работ Scilit (Швецария), размещен в социальной сети и журнальной системе CoLab.

Текущие наукометрические показатели свидетельствуют, что журнал «Золотоордынское обозрение» полностью соответствует строгим международным академическим стандартам, занимает лидирующие позиции среди российских исторических изданий и признан авторитетной научной площадкой мирового уровня.

Международное признание и презентации

Журнал был успешно представлен на ведущих научных площадках:

В России: в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Симферополе и т.д.

За рубежом: в Узбекистане (2018 г. – Институт востоковедения им. Абу Рейхана Бируни); Турции (Стамбул, Стамбульский университет – 2019 г., 2022 г., 2025 г. – Университет Мармара); Египте («Русский дом» в Каире – 2022 г.), Кыргызстан (Чолпан-Ата – 2023 г.), Казахстане (Атырау – 2023 г., Астана – 2024 г.) и т.д.

Эти мероприятия подчеркивают международный авторитет издания и его роль в развитии научного диалога между исследователями Евразии.

Крымские исследователи на страницах журнала «Золотоордынское обозрение»: вклад в изучение истории и культуры Крыма и крымских татар

Журнал «Золотоордынское обозрение» активно сотрудничает с ведущими научными центрами Крыма, публикуя результаты междисциплинарных исследований крымских коллег, посвященные истории и культуре региона в контексте золотоордынского наследия и постзолотоордынского периода. Среди авторов издания – специалисты из Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова, Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и других учреждений [3–7].

Публикации демонстрируют междисциплинарный подход к изучению истории Крыма, сочетая археологические, исторические, культурологические и военно-исторические методы. Исследования охватывают период от золотоордынской эпохи до позднего средневековья и нового времени, раскрывая преемственность историко-культурных процессов в регионе. Работы крымских авторов в «Золотоордынском обозрении» способствуют интеграции региональных исследований в международный научный контекст и подчеркивают роль Крыма как важного центра тюрко-татарского наследия.

Заключение

«Золотоордынское обозрение» утвердился не просто как научное периодическое издание, а как центральный инструмент и дискуссионная площадка для всех, кто занимается историей Евразии. Его успешное развитие наглядно демонстрирует устойчивую актуальность и высокий исследовательский интерес к изучению Золотой Орды [2] в современном академическом сообществе.

Журнал выполняет ключевую роль, объединяя ведущих специалистов из разных стран, обеспечивая открытый доступ к новейшим научным открытиям и способствуя популяризации академического знания. Среди стратегических задач издания – дальнейшее расширение международного сотрудничества, активное внедрение цифровых технологий для повышения доступности контента и поддержание высоких стандартов качества публикуемых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С. Становление и развитие научного журнала «Золотоордынское обозрение» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 957–968. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.957-968 EDN: PRITDJ

2. Гиниятуллина Л.С. Динамика развития журнала «Золотоордынское обозрение» в контексте исследований истории Золотой Орды // ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025. С. 474–476.

3. Сейдаметов Э.Х., Шейхумеров А.А. Татары на военной службе у османских султанов // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 399–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.399-413 EDN: KHSKGJ

4. Абибуллаева Э.Э. Письмо татарского воина своей супруге // Золотоордынское обозрен ие. 2024. Т. 12, № 3. С. 668–673. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-3.668-673 EDN: RLSJPF

5. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736

6. Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпиграфические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 333–355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355 EDN: UIYOXM

7. Храпунов Н.И. Сведения о Крымском ханстве в трактате Адриана де Верди дю Вернуа // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 EDN: JCUQNK.

Сведения об авторе: Гиниятуллина Люция Сулеймановна – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777; lusiia@mail.ru

The Golden Horde Review Journal – The Premier Platform for Golden Horde Research

Lyutsiya Giniyatullina

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The journal "Golden Horde Review" is a leading international peer-reviewed publication specializing in the study of the history of the Golden Horde and post-Horde Turkic-Tatar states. Established in 2013 under the auspices of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the journal has come a long way: from registration with Roskomnadzor and obtaining international identifiers to inclusion in prestigious world indices (Scopus Q1, Web of Science, RSCI) and achieving leading positions in the rankings. The uniqueness of the publication lies in its interdisciplinary approach, combining archaeological, historical and source studies, as well as active international cooperation with scholars from different countries. The journal adheres to an open access policy (CC BY 4.0 license), which ensures global visibility of publications. The editorial policy of the journal is based on the principles of double-blind peer review and strict adherence to academic standards. The Golden Horde journal has established itself not only as a scientific periodical, but also as a central tool and discussion platform for all those involved in the history of Eurasia. Its successful development clearly demonstrates the continuing relevance and high research interest in the study of the Golden Horde in the modern academic community. The journal plays a key role in uniting leading experts from different countries, providing open access to the latest scientific discoveries and promoting the dissemination of academic knowledge. Among the new tasks of the journal are further expansion of international cooperation, active implementation of digital technologies to improve the availability of content and maintaining high quality standards for published research.

Keywords: Golden Horde, historical journal, medieval studies, Turkic-Tatar studies, open access, scientometric indicators, indexing

For citation: Giniyatullina L.S. The Golden Horde Review Journal – The Premier Platform for Golden Horde Research. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 201–208. DOI: 10.22378/kio.2025.4.201-208. (In Russian)

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M., Giniyatullina L.S. Formation and development of the scientific journal "Golden Horde Review". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 957–968. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.957-968 (In Russian)

2. Giniyatullina L.S. The dynamics of the journal "Golden Horde Review" development in the context of research the Golden Horde history. *GOLDEN HORDE LEGACY: Materials of the VIII International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context", Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025*. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. Pp. 474-476 p. (In Russian)

3. Seidametov E.Kh., Sheykhumerov A.A. Tatars on the military service to the Ottoman sultans. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 399–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.399-413 (In Russian)

4. Abibullaeva E.E. A Letter from a Tatar warrior to his wife. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 668–673. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-3.668-673 (In Russian)

5. Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. A Türbe of the late fourteenth or early fifteenth century in Solkhat (new materials). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736 (In Russian)

6. Useinov M.A. Dated Muslim epigraphic monuments of the Solkhat/Kirim city and its environs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 333–355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355 (In Russian)

7. Khrapunov N.I. The Account of the Crimean Khanate in a Treatise by Adrian de Verdy du Vernois. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 (In Russian).

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777; lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 31.08.2025

Принята к публикации / Accepted 15.09.2025

ХРОНИКА

70-летний юбилей Исмаила Асановича Керимова

(г. Симферополь, 5 августа 2025 г.)

5 августа 2025 г. в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова прошла XIX Всероссийская научная on-line конференция с международным участием «Филология, история и культура крымских татар: традиции и современность», посвященная 70-летию доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Исмаила Асановича Керимова.

С приветственным словом и поздравлениями выступили: первый проректор КИПУ имени Февзи Якубова Анжелика Лучинкина, заместитель муфтия мусульман Республики Крым и города Севастополь Раим Гафаров, член Совета крымских татар при Главе Республики Крым Лемара Селендили.

Свое видеообращение в адрес конференции прислал директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Радик Салихов. Он отметил, что И. А. Керимов в качестве ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ вносит большой вклад в становление крымскотатарской филологии и популяризацию научных знаний.

И.А. Керимов является автором более более 500 публикаций, 20 монографий и учебных пособий. В нынешнем году увидел свет его очередной труд – монография «Литературное наследие Асана Чергеева (1880–1946)» («Асан Меметогълу Чергеевнинъ эдебий асабалыгъы (1880–1946)»).

С 2004 года И.А. Керимов возглавляет созданный при КИПУ НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма.

За многолетний добросовестный труд юбиляр был награжден Государственным Советом Республики Крым медалью «За отличие в труде».

Коллектив Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ присоединяется к поздравлениям и желает Исмаилу Асановичу крепкого здоровья, бодрости духа и новых успехов в работе.

Информацию подготовила Сеитмеметова С.А.,
младший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Всероссийская конференция с международным участием «TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время»

(Симферополь – Старый Крым, 17–19 сентября 2025 г.)

Крымский инженерно-педагогический университет совместно с Институтом археологии Крыма РАН, Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, Крымскотатарским музеем культурно-исторического наследия, при поддержке Ассоциации исследователей Золотой Орды 17–19 сентября провели всероссийскую научную конференцию с международным участием «TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время». Конференция собрала ведущих исследователей в области истории, археологии и культуры тюркских народов.

С приветственными словами к участникам обратились ректор КИПУ имени Февзи Якубова Чингиз Февзиевич Якубов, директор Института археологии Крыма РАН Вадим Владиславович Майко и директор Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия Сафие Люмановна Эминова, которые отметили важность поднятой в конференции темы и актуальность заявленных в рамках конференции докладов.

18 сентября на базе КИПУ имени Февзи Якубова было заслушано 19 докладов исследователей из крупнейших научно-исследовательских центров России и зарубежья (Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Института российской истории РАН, Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Института археологии Крыма РАН, Южного федерального университета, Института археологии РАН, CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Франция) и Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан и др.).

19 сентября конференция продолжила свою работу в формате круглого стола, посвященного 100-летию археологических исследований на городище Солхат (г. Старый Крым) и 85-летию известного исследователя Золотой Орды, ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, доктора исторических наук М.Г. Крамаровского.

Конференцию открыли выступления представителей Министерства культуры Республики Крым, Государственного комитета по межнациональным отношениям Республики Крым и администрации Кировского района. Ученые представили доклады на тему истории и археологии Улуса Джучи и различным аспектам изучения и сохранения археологических памятников Солхата. География участников круглого стола была весьма широка, это ученые из уже перечисленных научных центров, а также из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Государственного Эрмитажа и т.д. Доклады и сообщения конференции и круглого стола были опубликованы в сборнике научных статей: TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием, Симферополь, 17–19 сентября 2025 года. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2025. – 272 с. – ISBN 978-5-907983-91-5. – EDN MGZNKE.

Участники конференции отметили высокий уровень организации и высказали пожелания продолжить работу конференции в прежнем формате, через два года.

Информацию подготовил Сейдалиев Э.И.,
к.и.н., старший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар», посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

(Симферополь – Бахчисарай – Форос, 19–20 октября 2025 г.)

17–19 октября 2025 г. состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории крымских татар», организованная Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

В рамках конференции 17 октября в Научной библиотеке Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского состоялась презентация четвертого тома «История крымских татар» – объемного исследования, посвященного истории крымских татар в последней трети XVIII – начале XX в. В издании приводятся данные по истории крымских татар в период глобальных геополитических изменений, участие в общественно-политических процессах, их социально-экономическое положение, а также различные стороны духовной и культурной жизни. В текстах представлены новации, исторические находки и разработки, сделанные исследователями в последнее время.

С приветствиями к участникам конференции выступили: Салихов Радик Римович, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Сейдаметов Эльдар Халилович, заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Айдер Сулейманович Исмаилов, заместитель муфтия ДУМ Республики Крым и г. Севастополь; Якубов Руслан Ришатович, председатель Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым; Курьянов Владимир Олегович, и.о. ректора Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Якубов Чингиз Февзиевич, ректор Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова. С подробной презентацией тома выступил ответственный редактор издания – Непомнящий Андрей Анатольевич, директор Музея истории КФУ имени В.И. Вернадского, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В обсуждении тома приняли участие: Борщик Наталья Дмитриевна, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Мальгин Андрей Витальевич, директор Центрального музея Тавриды.

18 октября 2025 г. в Мемориальном комплексе «Путь возрождения народов Крыма» Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия состоялось пленарное заседание конференции, посвященное 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Со словами приветствия к участникам

обратились Эминова Сафие Люмановна, директор Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия, а также Салихов Радик Римович, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, представивший научно-исследовательскую программу «Татары на службе Отечеству», реализующуюся Академией наук Республики Татарстан в рамках Года защитника Отечества.

В ходе пленарного заседания состоялась презентация четвертого тома полного собрания сочинений И. Гаспринского, подготовленного сотрудниками Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. В томе собрана публицистика выдающегося просветителя, издателя и редактора газеты «Переводчик-Терджиман». Этот том позволяет проследить особенности публицистических произведений, опубликованных им в 1891–1893 гг. на страницах газеты «Переводчик-Терджиман», а также труды, изданные отдельными брошюрами в Бахчисарае.

С презентацией тома выступила составитель издания – Сеитмеметова Сельвина Алиевна, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В обсуждении тома приняли участие сотрудники Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: Керимов Исмаил Асанович, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, заведующий Мемориальным комплексом Исмаила Гаспринского Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Сеитваниева Гульнара Юсуфовна, аспирант докторской программы Стамбульского университета.

19 октября 2025 г. в пгт Форос г. Ялта прошла работа трех секций:

Крымские татары в эпоху Средневековья;

Крымские татары в новое и новейшее время;

Этнокультурные и лингвистические вопросы крымскотатарского народа.

В конференции приняло участие более 50 участников из Республики Крым, Казани, Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Таганрога и Ульяновска.

Большая часть из представленных докладов будет опубликована в журнале «Крымское историческое обозрение».

Информацию подготовила Сеитмеметова С.А.,
младший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Международная научная конференция «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом»

(Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2025 г.)

В Государственном Эрмитаже 12–14 ноября 2025 года прошла международная научная конференция «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом», посвященная 85-летию доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела Востока Государственного Эрмитажа, бессменного руководителя Старокрымской (Золотоордынской) археологической экспедиции Марка Григорьевича Крамаровского. Конференция проходила при поддержке Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» и объединила в стенах Эрмитажа ведущих специалистов в области истории, археологии и культуры Золотой Орды и других средневековых государств.

Фото С. Марченко
© Государственный Эрмитаж

Участников конференции поприветствовали директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский и директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов, которые поздравили М.Г. Крамаровского с юбилеем, отметили его ключевой вклад в современное ордыноведение и важность исследований в области истории Улуса Джучи. Среди докладов особо выделяется блок, посвященный истории и археологии средневекового городища Солхат (совр. г. Старый Крым). Столетию исследований солхатского карвансарая был посвящен доклад М.Г. Крамаровского (Гос. Эрмитаж) и Э.И. Сейдалиева (КИПУ имени Февзи Якубова, ИАК РАН, ИИ им. Ш. Марджани АН РТ), об этнокультурных и религиозных процессах в золотоордынском Солхате рассказал Д.В. Грачев (Гос. Эрмитаж), керамике Солхата были посвящены доклады Д.Э. Сейдалиевой (КФУ им. В.И. Вернадского, КИПУ имени Февзи Якубова) и Т.В. Шлыковой (Гос. Эрмитаж).

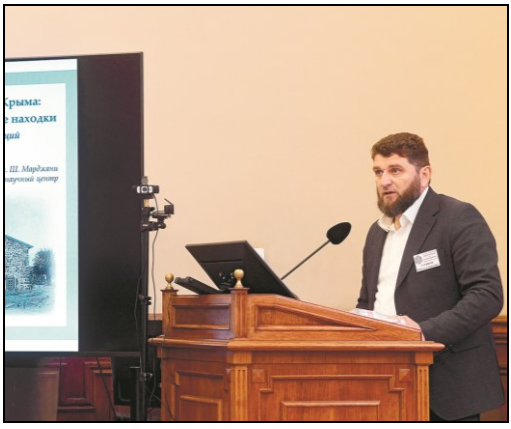


Фото С.Марченко
© Государственный Эрмитаж

О лапидарных памятниках Солхата рассказал в своем докладе М.А. Усеинов (ИИ им. Ш. Марджани АН РТ), солхатскому свитку Торы 1361 года был посвящен доклад М.Н. Арсеньева (СПбГУ). Отдельным проблемам истории и археологии Улуса Джучи, постордынских государств, средневекового Крыма и Ближнего Востока были посвящены доклады Э.Д. Зиливинской (ИАЭ РАН), Л.Ф. Недашковского (К(П)ФУ), Ю.В. Селезнева (ВГУ), И.М. Миргалеева (ИИ им. Ш. Марджани АН РТ), С.Б. Адаксиной (Гос. Эрмитаж), А.И. Айбабина (КФУ им. В.И. Вернадского), Э.А. Хайрединовой (ИАК РАН), В.В. Майко (ИАК РАН), В.Е. Науменко (КФУ им. В.И. Вернадского), Е.Ю. Гончарова (ИВ РАН), А.Н. Тепляковой (Гос. Эрмитаж) и многих других. Важность темы конференции и ее международный статус был подчеркнут и участием коллег из-за рубежа. Так, с докладом о правобережном Хо-

резме в эпоху Золотой Орды выступил О.Т. Даспанов (Каракалпакский музей искусств имени И.В. Савицкого, Нукус), антропологическому анализу материалов из погребения золотоордынского воина из Мингечаура был посвящен доклад Д.А. Кириченко (Институт археологии и антропологии, Национальная Академия Наук Азербайджана, Баку), о социально-экономических аспектах роли и значения городов в Золотой Орде рассказал Р.К. Досмурзинов (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; Институт истории государства, Астана).

В адрес М.Г. Крамаровского прозвучали многочисленные теплые пожелания здоровья и дальнейших научных и творческих успехов. В заключение участники отметили высокий научный уровень прозвучавших докладов и констатировали необходимость продолжения конференций, посвященных истории, археологии и культуры Улуса Джучи в стенах Государственного Эрмитажа.

Информацию подготовил Сейдалиев Э.И.,
к.и.н., старший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

XXII Всероссийская научно-практическая конференция «Фаизхановские чтения». «Историко-культурное наследие ислама в России: изучение и популяризация»

(Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2025 г.)

17–19 ноября в Санкт-Петербурге в стенах Института восточных рукописей Российской академии наук прошла XXII Всероссийская научно-практическая конференция «Фаизхановские чтения» «Историко-культурное наследие ислама в России: изучение и популяризация». Организаторами конференции выступили Духовное управление мусульман Российской Федерации, Московский исламский институт, Институт восточных рукописей РАН и Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Ленинградской области при содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и издательского дома «Медина».

В эти дни северная столица стала центром притяжения крупнейших востоковедов и исламоведов. В мероприятии приняли участие именитые учёные: д.и.н., профессор, директор Государственного Эрмитажа, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Пиотровский М.Б.; директор Института истории им. Ш. Марджани, д.и.н. Салихов Р.Р. (Казань); д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института восточных рукописей РАН Попова И.Ф. (Санкт-Петер-

бург); к.и.н., руководитель научного направления, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН Прозоров С.М. и др.

В рамках пленарного заседания были представлены новые издания Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и истории крымских татар. С презентациями выступили директор института, д.и.н. Салихов Р. Р., и заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, к.и.н. Сейдаметов Э.Х.

Сейт-Маметов Ш.Э., м.н.с. Крымского научного центра представил доклад на тему «Дипломатические отношения Османской империи и Крымского ханства на основе османских архивных материалов Турции», где были раскрыты новые документы по истории Крымского ханства, в частности, переписка Селим-Герая с правительством Османской порты.

Всего в конференции приняли участие около 40 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Симферополя, Махачкалы, Нижнего Новгорода и Болгара.

Информацию подготовил Сейт-Маметов Ш.Э.,
младший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Издания Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в Татарском культурном центре города Москвы

(Москва, 19 ноября 2025 г.)

19 ноября в Татарском культурном центре города Москвы при поддержке Полномочного представительства РТ в РФ прошла презентация новых изданий Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

С приветственным словом выступили: Файзуллин Эмиль Венерович, заместитель Полномочного представителя Республики Татарстан в Российской Федерации; Соломенцев Михаил Юрьевич, первый заместитель Постоянного Представителя Республики Крым при Президенте России; Салихов Радик Римович, доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик-секретарь гуманитарного отделения Академии наук Республики Татарстан; Фарисов Фарит Фарисович, к.ю.н, Председатель РОО «Татарская национально-культурная автономия г. Москвы»; Хусаинов Анвер Умарович, директор Татарского культурного центра города Москвы; Умеров Эдем Серверович, президент РОО «Община Крымских татар в Городе Москве».

Салихов Р.Р. представил новейшие издания Института истории, в частности книгу «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов». Гибатдинов М.М., к.пед.н., заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, рассказал о книгах «Духовные управления мусульман. 1941–1945» и «Календарь победы». Руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани, к.и.н. Сейдаметов Э.Х. выступил с презентацией книг «История крымских татар: В 5-ти т. Т. IV: Крым в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX века)» и «Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. IV. Публицистика: 1891–1893 гг.». В мероприятии приняли участие младшие научные сотрудники Крымского научного центра – Усеинов М.А. и Сейт-Маметов Ш.Э.

Выступающие отметили необходимость подобного рода фундаментальных трудов и поблагодарили авторский коллектив за проделанную работу.

Информацию подготовил Сейт-Маметов Ш.Э.,
младший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Презентация изданий Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

(Казань, 24 ноября 2025 г.)

24 ноября 2025 г. Институт истории принял участие в пресс-конференции в «Татар-информе», где представил новые издания Крымского научного центра «История крымских татар: В 5-ти т. Т. IV: Крым в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX века)» и «Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. IV. Публицистика: 1891–1893 гг.».

В тот же день издания Крымского научного центра были презентованы в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ. Мероприятия завершились кофе-брейком, где коллеги в теплой, дружеской атмосфере смогли обменяться мнениями и обсудить представленные труды.

Информацию подготовил Сейдаметов Э.Х., заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Издания Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в Татарском культурном центре города Москвы

(Москва, 19 ноября 2025 г.)

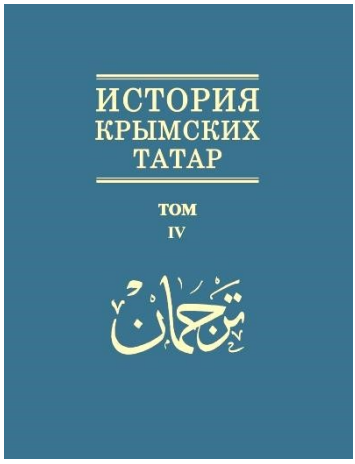
XXII Всероссийская научно-практическая конференция «Фаизхановские чтения». «Историко-культурное наследие ислама в России: изучение и популяризация»

(Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2025 г.)

Презентация изданий Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

(Казань, 24 ноября 2025 г.)

Новые издания по истории и культуре крымских татар



Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан рад представить два значимых пополнения в научной исторической литературе:

История крымских татар: В 5-ти т. / Ин-т истории АН. Республики Татарстан. Т. 4. – Казань, 2025. – 1056 с. – продолжение фундаментальной серии, посвященной многовековой судьбе крымскотатарского народа.

Шеф-редактором тома является доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан Р.Р. Салихов. Ответственным редактором тома стал известный ученый-крымовед, автор многочисленных исследований о развитии научных знаний о регионе в российский период его истории, крупный отечественный библиограф, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского А.А. Непомнящий.

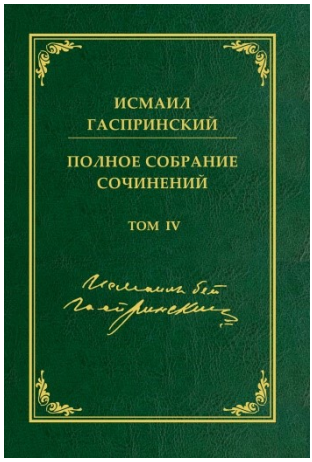
Представленный в книге период истории крымскотатарского народа (1783–1920) чрезвычайно интересен. С одной стороны, это десятилетия сложной адаптации крымских татар к новым политическим и социально-экономическим реалиям, постепенной интеграции в состав Российского государства, а, с другой, ключевая фаза национального строительства, фактически завершившаяся в начале XX века и выдвинувшая на политическую авансцену истории ярких национальных лидеров (И. Гаспринский, А. Мединев, Н. Челебиджихан и др.). В томе 10 глав, которые в хронологии освещают особенности исторического развития крымских татар как в Крыму, так и за его пределами. Авторы не обошли вниманием духовную культуру. Подробно раскрыты материальная культура и искусство народа. Отдельно рассмотрено крымскотатарское культурное наследие как объект изучения. В книге содержатся многочисленные иллюстрации в качественном исполнении.

К работе над изданием были привлечены 34 автора – известные специалисты в своих областях знания. Это доктора и кандидаты наук из Симфе-

рополя, Севастополя, Казани, Москвы, Бахчисарая, Ставрополя, Пятигорска, а также ученые из Турции.

Представленный том отражает современное видение истории крымских татар в последней трети XVIII – начале XX века историками разных стран (прежде всего, России). При формировании структуры и определении единой концепции исследования активное участие принимали доктора исторических наук Р.Р. Салихов, А.А. Непомнящий, И.К. Загидуллин, кандидат исторических наук Э.Х. Сейдаметов. Редактор тома приложил все усилия, чтобы в научном издании проявился синтез всей наработанной к данному периоду информации по проблеме, причем в разносторонней, объективной трактовке данных. В текстах представлены новации, исторические находки и разработки, сделанные исследователями в последнее время. Более четко во время создания книги обозначились и отдельные лакуны, над которыми предстоит работать в будущие десятилетия. Редколлегия тома не стремилась сводить методологические подходы исследователей к единообразию и навязывать собственную трактовку отдельных исторических сюжетов, но постаралась придать цельный и органичный характер коллективному труду.

Издание станет полезным не только в академической и студенческой среде. Книга будет интересной и массовому читателю. Всем, кто интересуется историей региона.



Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. IV. Публицистика: 1891–1893 гг. / Гл. ред. Р.Р. Салихов; сост. С.А. Сеитмеметова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – 752 с. – очередной выпуск серии, в которой собраны основные произведения выдающегося тюрко-мусульманского просветителя, публициста, педагога-реформатора. В данном томе представлены публицистические произведения, опубликованные И. Гаспринским в 1891–1893 гг. на страницах газеты «Переводчик-Терджиман». В ходе подготовки было выявлено и подготовлено к печати 727 статей и редакционных заметок. Приведенные в томе иллюстрации относятся к жизни и деятельности И. Гаспринского: личные фотографии, логотипы газеты «Переводчик-Терджиман», которые менялись на протяжении всего периода ее существования.

Главным редактором издания выступил доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан Р.Р. Салихов. Четвертый том, как и три предыдущих, составлен младшим научным сотрудником Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ С.А. Сеитмеметовой.

Собрание произведений Исмаила Гаспринского призвано стать единственным на сегодняшний день изданием, где будут систематизированы и собраны все труды просветителя.

Изучение и выявление ранее неизвестных трудов просветителя, хранящихся в библиотеках, архивах и научных учреждениях, делает интеллектуальное наследие просветителя доступным для новых исследователей и дает возможность заполнить белые пятна в биографии такой выдающейся личности, как И. Гаспринский. Целью проекта является популяризация и сохранение для следующих поколений его идей и мыслей.

Книга станет ценным источником для историков, филологов и всех, кто интересуется наследием И. Гаспринского и жизнью мусульманских народов Российской империи в конце XIX века.

Оба издания будут доступны в научных библиотеках, а также в электронном виде на сайте Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Надеемся, что они станут достойным пополнением в области исторической науки, способствуя глубокому изучению и пониманию ключевых аспектов истории и культуры крымских татар и тюрко-мусульманского мира в целом.

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность и благодарность Раису Республики Татарстан Минниханову Рустаму Нургалиевичу за возможность реализации столь масштабных научных проектов.

Информацию подготовила Сеитмеметова С.А.,
младший научный сотрудник КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Правила для авторов см. на сайте crimeanreview.ru
https://crimeanreview.ru/pravila-publikatsii/
https://crimeanreview.ru/trebovaniya-k-statyam/

Instructions to authors look at the website crimeanreview.ru
https://crimeanreview.ru/en/rules-of-publication/
https://crimeanreview.ru/en/requirements-for-articles/

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons
“Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials are available under the Creative Commons License
“Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2025. Т. 12, № 4

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW
2025, vol. 12, no. 4

Компьютерная верстка – *А.Р. Тухватуллина*
Корректор – *А.Р. Аблаева*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 11.12.2025 г. Дата выхода в свет 23.12.2025 г.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$ Печ. л. 14,25 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru